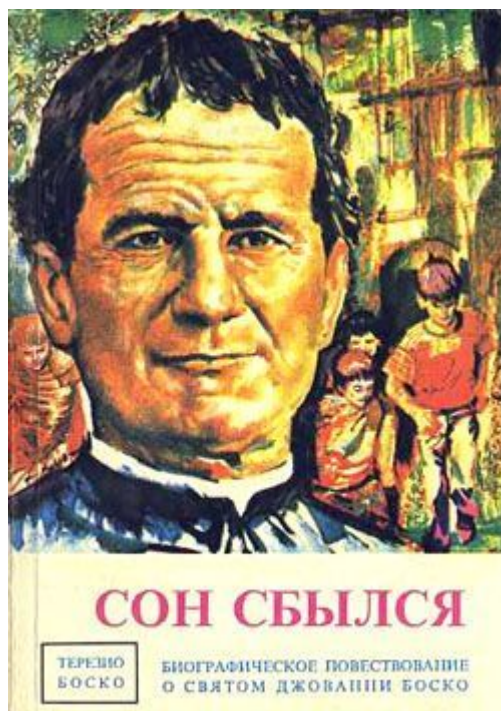


## Терезио Боско Сон сбылся



OCR Busya <http://reced.ru/lib/>

«Терезио Боско «Сон сбылся»»: Издательство Салезианского братства;  
Краков; 1991

## Аннотация

*Его реликвии, помещенные в стеклянном саркофаге, находятся над боковым алтарем Матери Божьей Заступницы в Турине. Из-за стеклянной стенки саркофага бросается в глаза спокойное лицо с выразительными чертами и легко обозначенной улыбкой. Как раз она и позволяет без труда узнать известное по фотографиям лицо св. Джованни Боско. Это лицо представил себе Святейший Отец Иоанн-Павел II при встрече с молодежью города Турина 13 апреля 1980 года, которая состоялась в районе Вальдокко перед ансамблем строений, вмещающих дело рук Дона Боско. Дон Боско оживает перед нами на страницах этой повести. Автор биографии рассказывает о бедном мальчике, о вспыльчивом ученике; о семинаристе, упорно стремящемся к священству и, наконец, о священнике, которого одни считали ненормальным, другие – мечтателем, иные святым, а бедные подростки – юноши... своим любимым Другом. Он сам считал себя бедным священником.*

# Терезио Боско

## Сон сбылся

### Биографическое повествование о святом Джованни Боско

#### Вступление

*Дон Боско: Я направился, чтобы опять навестить Его гробницу и мне показалось, что он остался всегда радостным, всегда улыбающимся.*

**Иоанн-Павел II**

Его реликвии, помещенные в стеклянном саркофаге, находятся над боковым алтарем Матери Божьей Заступницы в Турине. Из-за стеклянной стенки саркофага бросается в глаза спокойное лицо с выразительными чертами и легко обозначенной улыбкой. Как раз она и позволяет без труда узнать известное по фотографиям лицо св. Джованни Боско. Это лицо представил себе Святейший Отец Иоанн-Павел II при встрече с молодежью города Турина 13 апреля 1980 года, которая состоялась в районе Вальдокко перед ансамблем строений, вмещающих дело рук Дона Боско: В середине прошлого века находились там загородные луга – место встреч подвыпивших рабочих и бездомных подростков. Позже там появился храм Матери Божьей Заступницы, несколько жилых домов и примитивные промышленные цехи; среди строений и во дворах «кишело» от подростков, которые приходили, чтобы встретиться с Доном Боско.

В памятный день визита Святейшего Отца огромные дворы салезианского Вальдокко и примыкающие к нему улицы были наполнены молодежью, собравшейся вокруг Папы, который «прибыл к ним издалека». И именно здесь, на бывшем загородном лугу, Иоанн-Павел II припомнил ей образ улыбающегося Священника из прошлого столетия. Он говорил ей о величии и простоте. Казалось, он призывал его опять к своим молодым друзьям, всегда присутствующего среди их развлечений, слушающего их признания, понимающего их жизнь.

*Понять и любить: вот всегда актуальная педагогическая формула Дона Боско, который, – я так думаю – если бы он был сегодня среди вас... сумел бы эффективно открыть и указать в вас никогда не гаснущее эхо призыва, с которым Христос обращается к каждому, кто хочет стать Его учеником: Следуй за мною! (Из речи Св. Отца).*

Дон Боско оживает перед нами на страницах этой повести. Автор биографии рассказывает о бедном мальчике, о вспыльчивом ученике; о семинаристе, упорно стремящемся к священству и, наконец, о священнике, которого одни считали ненормальным, другие – мечтателем, иные святым, а бедные подростки – юноши... своим любимым Другом. Он сам считал себя бедным священником.

В раннем детстве его озарила идея, что людей можно любить: любить своих друзей, любить бедных людей, отвергнутых, равнодушных, а также любить врагов; любить всех. Он знал, что это озарение пришло от Бога, но будучи далеким от экзальтации религиозных дел, назвал это просто сном. Сон возвращался часто в воспоминаниях, а раскрытое в нем содержание дало направление его дальнейшему жизненному пути. Вверил его Синьоре, названной в детском сне Учительницей, а в священнической жизни Заступницей Христиан. Шел рядом с Ней преданно, учась любить людей и излучая радость, которую открывал под слоем печали, нанесенным неудачами, конфликтами современного ему мира. Не ведал, что является великим и святым; знал только, что людей надо любить. В конце жизни заплакал, увидев, что сон детских лет стал действительностью в дальнейшей жизни. Дон Боско не предполагал, что может зайти так далеко, шагая по дороге, по которой вела его Учительница.

Автор этой повести показывает моменты из жизни Дона Боско. Впечатлительные образы, обычная речь приводят к тому, что окружающий мир и жизнь Дона Боско становятся нашей жизнью – со всеми проблемами и починами, а также со всеми конфликтами и поражениями. Чем больше углубляемся мы в течение этой интересной повести, тем яснее видим Дона Боско как бы одним из нас. Не отличается он ни исключительностью призвания

– «не следует верить в сны» – ответит ему бабушка, когда Джованнино расскажет ей сон об Учительнице

– ни сверхъестественными дарами или условиями, облегчающими путь юноши, ни чудесными

событиями, которые действительно имели место, но никогда не были признанными Доном Боско. Остается он одним из нас, однако увлекает энтузиазмом в поисках пути, указанного Господом, удивляет способностью обогащения – во все новые элементы – задания, которые суждено было ему познать в молодости.

Горячо желаем, чтобы Дон Боско, обращающийся убедительно со страниц этой книги, увлек читателей в свой мир энтузиазма в стремлении за Христом, в свой мир любви к человеку, особенно молодому и заблудившемуся. С этой мыслью отдаем в руки читателей повесть о Доне Боско, благодаря Автора и всех, кто способствовал ее изданию и переводу.

*Кс. Анджей Струе, SDB*



**Иоанн-Павел II перед алтарем, за которым находятся почитаемые останки Святого Джованни Боско**

### **Двенадцатилетний эмигрант**

В тот вечер на кухне вместе с хлебом глотались также горькие слова. Слова, которые вызывали боль. Антони, увидя Джованнино с неразлучной книгой около тарелки, вспылил:

– Я твою эту книгу брошу в огонь!

Мать Маргарита как обычно старалась смягчить дело.

– Джованнино работает наравне с другими, и если потом хочет почитать себе, разве это тебе мешает?

– А вот и мешает, потому что это я должен надрывать, чтобы содержать этот хлам. Это я гну спину, работая в поле, и не собираюсь содержать какого-то барчука. Не позволю, чтобы он потом выгодно устроился, в то время как мы будем есть мамалыгу.

Джованни отреагировал остро. В словах он не имел недостатка, так как не относился к тем, кто подставляет для пощечины другую щеку. Антони поднял драку. Джузеппе смотрел с ужасом. Маргарита старалась стать между ними, но вероятно и в этот раз Джованнино получил снова, и побольше, чем обычно. Этот двенадцатилетний подросток не мог справиться с силой 19-летнего Антони.

В кровати Джованнино расплакался скорее от злости, чем от боли. Плакала и его мать, которая в эту ночь, наверное, вообще не спала. Утром Маргарита приняла решение. Обратилась к Джованнино с самым печальным в своей жизни предложением:

– Будет лучше, если оставишь дом. Антони не может смотреть на тебя. Однажды он может тебя обидеть.

– Но куда я пойду?

Джованнино почувствовал в сердце смертельную тоску. То же чувствовала и Маргарита. Она назвала несколько хозяйств недалеко от Мориондо и Монукко.

– Там меня знают. Кто-нибудь возьмет тебя на работу, хотя бы на некоторое время. А потом будет видно.

### **Узелок и туман**

На протяжении дня собрала ему небольшой узелок; несколько рубашек, две книги и буханку

хлеба.

На дворе стоял февраль. Дороги и окружающие холмы были покрыты снегом и льдом. На следующее утро Джованнини вышел из дому. Мама Маргарита долго стояла в дверях, глядя вслед уходящему сыну, и махала ему рукой, пока туман не скрыл совсем малого эмигранта.

А он напрасно пробовал устроиться в тех усадьбах, о которых она ему вспоминала. Мальчику повторяли, что никакой работы для него нет. После полудня кончился запас хлеба и иссякла надежда. Мог еще попробовать счастья только у хозяина по фамилии Молиа. «Спроси там господина Алоиза» – сказала ему вчера мать. Остановился перед воротами, за которыми находился двор. Какой-то старик как раз закрывал их. Посмотрел на него.

– Чего ищешь, парень?

– Работу.

– Bravo! Стало быть работай и иди с Богом! И он продолжал толкать тяжелые ворота, чтобы закрыть их на ночь. Джованнини собрал в себе остатки смелости и сказал:

– Но я должен увидеть господина Алоиза!

Вошел во двор. Вся семья Молиа приготавливала недалеко от ворот ивовые прутья для виноградаря. Алоиз Молиа, молодой, 28-летний мужчина, посмотрел удивленно:

– Я ищу господина Алоиза Молиа.

– Это я.

– Меня прислала сюда моя мать. Сказала мне, чтобы я работал у вас на конюшне.

– Но почему мать выслала тебя, такого парня, из дому? Кто твоя мать?

– Маргарита Боско. Мой брат Антони издевается надо мной, и поэтому мама посоветовала мне, чтобы я подыскал себе работу мальчиком на конюшне.

– Только вот, бедняга, теперь зимой нам не нужны мальчики, мы берем их только под конец марта. Вернись к своим и потерпи.

Джованнини был почти в отчаянии и совсем обессилен. Он разрыдался.

– Примите меня, ради Бога. Не хочу платы, но не отсылайте меня домой. Сяду здесь на земле – сказал он отчаянно – и не двинусь никуда. Делайте со мной что хотите, но я уже не пойду дальше.

Всхлипывая, он стал собирать разбросанные ветки ивы и очищать их. Хозяйка дома, Синьора Дорота, красивая 25 – летняя женщина, была тронута судьбой ребенка.

– Возьми его, Алоиз. Попробуем оставить его хоть на несколько дней.

15-летней Тересе также стало жаль паренька. Она была младшей сестрой хозяина и занималась коровами. Сказала:

– Я уже достаточно сильна. Буду работать с вами в поле, а для работы в коровнике этот мальчик как раз пригодится.

Итак, Джованнини Боско начал в феврале 1927 года жизнь мальчика на конюшне. Семья Молиа принадлежала к зажиточным крестьянским семьям, хотя ее члены работали с рассвета до ночи. Обрабатывали землю: у них были виноградники и поля, держали коров и волов. Вместе молились вечером, когда вся семья собиралась на Розарий. В воскресенье господин Алоиз возил всех к обедне, которую служил в Монкутто местный настоятель, Дон Францезио Коттино.

Профессия Джованнини – мальчик на конюшне – не была унижительной или необычной. В окрестных хозяйствах в конце марта принимали много таких батраков как он. Это был нормальный жизненный путь многих ребят из бедных семей. В праздник Благовещения, 25 марта, хозяева направлялись в ближайшие деревни или на базар и там нанимали мальчиков на услуги на 8 месяцев тяжелого труда (от апреля до ноября), взамен за питание, жилье и 15 лир на одежду. Однако батрак Джованнини Боско отличался от других. Был очень молод (ему не хватало 6 месяцев до 12 лет), а также он всегда помнил об одном сне, который ему приснился однажды ночью, когда глаза его были закрыты. Сам потом о нем рассказывал.

### Сон, который определил будущее



**Картина, изображающая пророческий сон 9-летнего Джованино Боско**

В девятилетнем возрасте мне приснился сон, который глубоко запал в моей памяти на всю жизнь.

Снилось мне, что я нахожусь недалеко от дома, на просторном дворе, где играло много детей. Некоторые смеялись, но многие из них выкрикивали бранные слова. Услышав ругательства, я бросился к ребятам, чтобы их утихомирить не только словами, но и кулаками. В это время появился почтенный Господин, красиво одетый. Лицо его излучало такое сияние, что я не мог смотреть на него. Он назвал меня по имени и сказал:

– Ты должен завоевать себе друзей любовью и мягкостью, а не тумаками. Сейчас же начни им рассказывать о безобразии греха и красоте добродетели.

Смущенный и испуганный, я ответил, что я бедный и безграмотный парень. Как раз в это время ребята прекратили шумную драку и собрались вокруг Персоны, которая разговаривала со мной. Почти подсознательно я спросил:

– Кто вы, Синьор? Почему приказываете мне исполнить невозможное?

– Как раз потому, что вещи эти кажутся тебе невозможными, ты должен превратить их в возможные, благодаря повиновению и знаниям.

– А каким путем я могу приобрести знания?

– Я дам тебе Учительницу. Под ее руководством ты станешь мудрым.

– Но кто Вы, Синьор?

– Я Сын Той, которую твоя мать научила тебя поздравлять трижды в день. О моем имени спроси мою Мать.

В тот миг я увидел рядом с ним достойную женщину, одетую в плащ, который светился как солнце. Увидев мое смущение, она дала знак приблизиться к ней и нежно взяла меня за руку.

– Посмотри сюда, – сказала Она.

Взглянув в ту сторону, я заметил, что все дети куда-то исчезли, а вместо них я увидел множество коз, собак, котов, медведей и других животных.

– Вот поле, на котором тебе придется работать. Будь смиренным, сильным и выдержанным. А то, что сейчас случится с этими животными, ты постарайся сделать с моими детьми.

Посмотрев опять, я увидел вместо строптивых зверей кротких ягнят, радостно скачущих и блеющих, как бы в честь Синьора и Синьоры. В тот момент, по мере продолжения сна, я начал плакать, прося Женщину говорить со мной более понятно, так как не мог понять значения ее слов. Тогда, положив руку на мою голову, Она сказала:

– В свое время ты все поймешь.

Как только были произнесены эти слова, я проснулся от какого-то шума, и все исчезло. Меня охватило изумление. Казалось, что руки мои болят от тумаков, которыми я награждал ребят, а лицо

горит от пощечин, полученных от сорванцов.

Утром я рассказал об этом сне сначала моим братьям – они надо мной посмеялись – а потом маме и бабушке. Каждый растолковал его по-своему.

– Будешь овчаром – сказал Джузеппе.

– Станешь атаманом разбойников – съехидничал Антони.

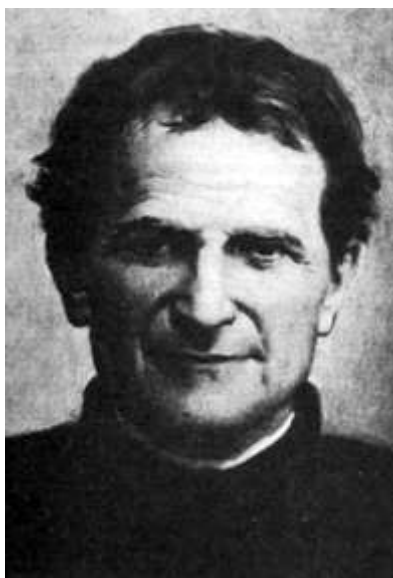
А моя мама сказала:

– Кто знает, может Джованнино станет священником.

А бабушка решительно провозгласила:

– Не следует верить в сны!

Я согласился с мнением бабушки, однако мне никогда не удалось забыть этот сон. Он сыграл очень большую роль в дальнейшей жизни Джованнино. Мама Маргарита поняла – понял это также и Джованнино – что этот сон определил ему уверенный, конкретный жизненный путь.



**Святой Джованни Боско**

## **180 страниц воспоминаний**

В возрасте 58 лет почти никто хорошо не вспомнит событий пятилетней давности. Однако то, что приключилось в девять, одиннадцать или пятнадцать лет, почти все помнят, будто бы это было вчера. Коленками ощущается шершавая кора деревьев, по которым взбирались на самый верх. Человеку кажется, будто бы только вчера гладил теплую шерстку собаки, бегущей рядом во время бешеной игры и общей погони.

В возрасте 58 лет по приказу Папы, дон Боско написал историю своего детства и юности. Благодаря отличной памяти, напоминающей запись видеокамеры (мало «логичная», но очень «образная»), он заполнил воспоминаниями 3 объемистые тетради – 180 страниц. В датах есть некоторые неточности, но эпизоды жизни, впечатления, подробности – отличаются необычной свежестью и точностью. Поэтому сегодня, на основе этих воспоминаний, можем проследить в мельчайших подробностях жизненный путь деревенского паренька – Джованнино Боско.

## **1. Первое воспоминание**

«Мою мать звали Маргарита Окхиена, а происходила она из Каприлио. Отца звали Франчезио. Это были крестьяне, которые трудом и бережливостью честно зарабатывали на хлеб насущный».

Джованни Боско родился 16 августа 1815 года. Мать называла его Джюани (уменьшительно – ласкательное от Джованни – Иоанн, очень распространенное имя в Пьемонте).

Первое воспоминание Джованнино связано со смертью отца. Франчезио Боско приобрел домик и маленький клочок земли. Чтобы прокормить семью из пяти человек, он был вынужден работать у соседа, зажиточного хозяина. Однажды майским вечером Франчезио возвращался домой, весь вспотевший. Небдуманно вошел в холодный подвал своего работодателя. Через несколько часов у него

поднялась высокая температура, видимо началось двухстороннее воспаление легких. Через четыре дня отца уже не было в живых. Ему было 33 года.

«Мне не было еще и двух лет – рассказывает дон Боско – когда умер мой отец. Я даже не помню его лица. Вспоминаются лишь только слова моей матери: „Ты остался без отца, Джюани“.

Все уже вышли из комнаты, где находился умерший, но я заупрямился и хотел там остаться. «Идем, Джюани», – мягко настаивала мать. «Если папа со мной не пойдет, я тоже не пойду» – отвечал я. «Идем, маленький, уже идем, у тебя больше нет папы» – с этими словами, плача, мать увела меня из комнаты. Я плакал, потому что плакала она. Ведь что может понять ребенок в этом возрасте? Но фраза «Остался без отца» – вонзилась навсегда в мою память. Это был первый факт, который я запомнил в моей жизни».

## Трудные годы

Второе воспоминание Джованнино связано с голодом, который пришлось пережить семье в том же году.

Бекки, небольшое селение, в котором находился дом семьи Боско, имело десять дворов, разбросанных на склонах холма. Окружено оно было волнистыми широкими равнинами, покрытыми виноградниками и лесами. Постройки составляли часть деревни Мариальдо и находились в пяти километрах от уездного городка д'Асти.

В 1817 году холмы района Монферрато (а Кастельнуово расположено на севере этого района), как и весь Пьемонт, пострадали от большого неурожая.

Весенние заморозки, потом длительная засуха уничтожили урожай. В деревнях господствовал голод. В придорожных канавах можно было натолкнуться на умерших от истощения нищих, питавшихся травой.

В одном из документов того времени имеется описание Турина, столицы Пьемонта, который постигло прямо библейское нашествие: целые вереницы истощенных, оборванных людей оставляли свои деревни. Из долин и холмов двигались к городу группы семей, которые потом кочевали вокруг церквей и дворцов, прося милостыни.

Как раз в этот трагический период и свалилась на Маргариту обязанность содержания всей семьи. Дома были еще: парализованная свекровь (старушка, мать Франчезио), прикованная к креслу, 9-летний Антони, сын Франчезио от первого брака и два собственных сына: 4-летний Джузеппе и 2-летний Джованни. Крестьянка, но умеющая читать и писать, в эти трудные месяцы проявила неистощимую энергию, прекрасную черту своего характера.

«Пока у моей матери были запасы, она кормила всех – рассказывает дон Боско. Потом вручила определенную сумму денег одному из соседей, Бернардо Кавалльо, попросив его отправиться на поиски продуктов. Он действительно пошел кое-куда на базар, но даже за очень высокую цену ничего не смог достать. Нетерпеливо ожидаемый нами, он вернулся через два дня. Когда отдал деньги, сказав, что ничего не нашел, нас охватил ужас. В этот день мы не имели во рту ни крошки. Но моя страшная мать сказала: „умирая, Франчезио поручил мне положиться на Бога. Поэтому станем на колени и помолимся!“ После короткой молитвы она встала и произнесла: „В крайних случаях следует прибегнуть к крайним средствам“. С помощью Бернардо Кавалльо она зарезала в хлеву теленка. Часть мяса сварила и дала нам съесть. В то время мы были очень ослаблены. Через несколько дней из дальних деревень привезла зерна, купленного за очень высокую цену».

Зарезать теленка – означало акт отчаяния еще совсем недавно в крестьянских семьях Пьемонта. Теленок, стоящий в хлеву, являлся капиталом. Продажа его давала возможность семье пережить трудный период, например, болезнь. Зарезать его – означало лишить семью последнего запаса.

## События, которые должны были изменить мир

Смерть, голод, неуверенность. Первые воспоминания ребенка, который станет позже отцом многих сирот и обеспечит в своих домах хлебом бесчисленное множество бедных ребят.

Маленькая трагедия семейства Боско где-то на затерянном холме, была частью большой трагедии, которая подобно буре потрясла в то время Европу и Италию.

28 лет назад – в 1789 году – в Париже вспыхнула французская революция, событие, изменившее облик мира. Не будем, конечно, представлять здесь ее истории, но кажется нужным вспомнить о некоторых аспектах событий, которые оказали глубокое воздействие также на жизнь Джованни Боско.

Атмосфера во всей Европе была полна ожидания. До Италии также дошли отзвуки огромных перемен. После сотен лет существования застывшего общества, находившегося под абсолютной властью короля и дворянства, рассыпались феодальные привилегии. Уже не шепотом произносились девизы: «Свобода, равенство, братство», а громко повторялись среди бела дня. Теперь боролись за них, а не в защиту королевских привилегий, как было прежде.

Так, как и в каждой эпохе радикальных изменений, смелые и обоснованные решения перемешивались с неоправданным ничем насилием. Для решения многих проблем, которые по праву должны были решить дебаты в парламенте, служила гильотина. Наиболее фанатичные «представители народа» – якобинцы<sup>1</sup> в 1793 году превратили революцию в трагическое море крови. В одном только июле этого года было отправлено на гильотину 1285 человек. Это был период террора. Одновременно была начата широкая компания дехристианизации: запрещение богослужения, преследовались священники, почитание Бога заменено «культом разума». Европа смотрела на это, остолбенев. То, что тогда творилось в Париже, напоминало коллективное безумие. Даже самые прогрессивные деятели, которые вначале симпатизировали революции, были в ужасе.

В июле 1794 года пришел конец диктатуре якобинцев – большинству из них присудили смертную казнь – и террор прекратился. К власти пришла буржуазия, которая признавала право голоса лишь 30 тысячам французов, в то время, как в самом только Париже насчитывалось 600 тысяч жителей.

### Наполеон – двадцатисемилетний генерал

1796 год. Революционная армия вступает в Италию под командованием 27-летнего генерала Наполеона Бонапарте. В долине реки Паду в кровавой битве победил он австрийцев. Французские солдаты говорят о братстве, равенстве, свободе. Несмотря на призрак террора эти девизы возбуждают неистовый энтузиазм среди молодого поколения. Королевство Сардинии (в которую входили Пьемонт, Сабудиния, Сардиния) шатается в своей основе. Король в изгнании. Но Наполеон – неспокойный гений. Он более заинтересован в пышной, хотя и кровавой военной славе, чем в триумфе революции.

В 1799 году Наполеон сражается в Египте. Австрия и Россия вновь захватывают Северную Италию. В города врываются казаки с длинными и густыми бородами, вооруженные пиками. Наполеон возвращается. Опять продолжается война, несущая с собой нужду даже на урожайных землях долины Паду. Потом император Франции накладывает на население высокую контрибуцию (денежную дань) и мобилизует солдат со всех провинций Италии. Они нужны ему для борьбы в Испании и для похода в Россию. Наступает он на эту далекую и незнакомую страну во главе огромной армии. Во время острой русской зимы фронт проваливается и начинается страшное отступление. Наполеон видит смерть 600 тысяч человек. Среди них гибнет 25 тысяч итальянцев. В Италии их погибло 20 тысяч. С 16 по 19 октября 1813 года на равнине под Минском разыгрывается гигантская «битва народов», которая венчает конец великой французской империи, а в понятии многих хоронит также идеалы революции.

Опять со стороны Альп через Изонцу начинают наплывать в долину Паду австрийцы, немцы, хорваты. Твердят о том, что приходят освободить Италию, но как это часто бывает, таких «освободителей» никто не желает. Они грабят города и деревни. После последнего рывка «ста дней», после битвы под Ватерлоо, Наполеон заканчивает свою жизнь на одном из островков Атлантического океана.

Европа, а вместе с ней Италия, измучена, покрыта развалинами. Кругом полно осиротевших семей. Деревни истощены войной, опустошенные бесконечной мобилизацией в армию молодых мужчин, которые погибли на далеких полях битвы.

Население, которое на протяжении многих лет добивалось «свободы», теперь жаждет только мира. В контексте этой великой трагедии целых народов – семья Боско переживает в 1817 году свою небольшую, но болезненную трагедию.

Король переводит стрелки часов на 15 лет назад.

Джованни Боско узнает позже из учебников истории, что родился он в начале новой эпохи, на-

---

<sup>1</sup> Якобинцы – прогрессивные демократы, члены политического клуба французской революции, основанного в 1789 году. Свое название получили от монастыря Св. Якова в Париже, где обосновались. Наиболее известные из них: Дантон, Марат, Робеспьер.

званной «восстановлением». Началась она 1 июля 1814 года открытием в Вене конгресса народов – победителей и продолжалась в большей части Италии до 1847 года, т. е. до начала так называемого «Рисорджименто» (борьбы за объединение государства).

«Восстановление» является эпохой великого хаоса. Короли, свергнутые с тронов революцией и Наполеоном, по воле Конгресса возвращаются в свои дворцы и претендуют на право вычеркнуть 25 лет из истории одним росчерком пера.

Италия была разделена в Вене на 8 частей, подобно какому – то торту: Королевство Сардинии (в состав которого входили Пьемонт, Сардиния, Сабаудия и республика Генуя), Королевство Ломбардии и Венеции (подчинилось Австрии), Княжество Модены, Княжество Пармы и Пиоценцы, Великое Княжество Тоскании, Княжество Люкки, Церковное государство и Королевство обеих Сицилии.

Виктор – Эммануил возвращается в Турин (город на севере Италии, в то время столица Сардинии и Италии) в парадной карете, окруженный аристократией в давних нарядах, в напудренных париках и косичках. Население на улицах рукоплещет королю; жители деревни жаждут мира за любую цену, однако, обладатели напудренных париков желают обеспечить его только путем возврата к первоначальному состоянию. Они игнорируют новые положительные черты, родившиеся и окрепшие в результате кровавых наполеоновских войн. История двинулась вперед и ничто не может ее повернуть назад. Как новый общественный класс появляется буржуазия. Люди путешествуют по добротным дорогам, построенным наполеоновскими инженерами.

На протяжении сотен лет огромные массы итальянцев рождались, жили и умирали в одних и тех же усадьбах, в тех самых деревнях, окаменев в своих небольших автаркиях (экономическая независимость), соблюдая свои извечные обычаи. Наполеоновские армии прорвали эту пассивность. Внутренняя миграция, даже если была вызвана трагическими событиями, стала обычным явлением. В дилижансах стали перевозить также газеты и книги. Немногие, правда, умеют читать, но интерес к прессе растет. Люди делятся прочитанными известиями, горизонты расширяются.

В Пьемонте снова начинает развиваться земледелие. Ликвидируются остатки лесов в долинах и на холмах. Получены новые обширные поля. Посажены тысячи деревьев шелковицы, благодаря которым стало возможно выращивание шелкопрядов.

Повсюду возникают мануфактуры, фабрики, мастерские. Развивается промышленность, стабилизируются цены.

Виктор-Эммануил I через день после своего возвращения отменяет законы, изданные на протяжении последних пятнадцати лет и возвращает прежние, принятые до Наполеона. Дворянам и высшему духовенству возвращаются привилегии. Мещанство теряет многие свои права, завоеванные с трудом. Кончается тем, что в то время, как король отводит стрелки своих часов на пятнадцать лет назад, мещанские интеллектуалы (например, Сильвио Пеллико<sup>2</sup>) уезжают из Милана. Молодежь из самых лучших семей образует оппозицию, вступает в тайные общества и связывает свои надежды с юным князем из дома Савойя-Кариньяно – Карло Альберто, который кажется быть восприимчиво настроен к новым временам.

Крепко приглушенное эхо этих событий доходит до холмов Монферрато, где Джованни Боско проводит свое бедное, но безоблачное детство.

## 2. В семейном доме

Маргарите было всего 29 лет, когда умер ее муж. На ее плечи свалилась ноша, слишком тяжелая для ее молодого возраста. Но она не теряла времени на пустую печаль. Засучила рукава и принялась за работу.

В ее ежедневные домашние обязанности входило мытье посуды, уборка кухни, ношение воды и т. д. Все это она старалась делать в «свободное время», так как подолгу работала на огороде и в хлеву.

---

<sup>2</sup> Пеллико Сильвио (1789–1954) итальянский писатель, автор мемуаров «Мои темницы».



### Родной дом Дона Боско

Подобно другим сильным крестьянкам в окрестности, она косила траву, пахала землю, сеяла, жала, вязала снопы, молотила, ухаживала за виноградником, собирала виноград и присматривала за сливом молодого вина в бочки. Руки ее были натруженные, но она умела ими нежно погладить головы своих сыновей. Была хозяйкой, но прежде всего была матерью. К сыновьям относилась мягко, но решительно. Спустя сто лет психологи напишут, что ребенку для его полного развития необходима требовательная любовь отца и спокойная, нежная любовь матери. Будут утверждать, что сиротам грозит нарушение равновесия чувств: они становятся слишком мягкими если их воспитывает мать, или же слишком черствыми, если ими занимается только отец.

Мать Маргарита сумела интуитивно найти равновесие, благодаря которому смогла соединить и попеременно дозировать решительное спокойствие души и невозмутимую радость. Позже в своей педагогической деятельности дон Боско часто руководствовался примером своей матери.

### Важная персона

«Бог смотрит на тебя» – эти слова часто повторяет Маргарита. Она разрешала детям шалить на ближайших лугах, и когда они выбегали из дому, напутствовала: «Помните, что Бог на вас смотрит». Если заметила, что ребята косились друг на друга или пробовали схитрить при помощи даже незначительного обмана, всегда напоминала: «Помните, Бог знает ваши мысли». Однако, Бог, образ которого формировала в умах своих детей, никогда не был Богом – жандармом. Когда на землю опускалась прекрасная звездная ночь, а на пороге дома все радовались прохладе – она говорила: «Это Бог сотворил мир и там высоко на небе расположил эти звезды». При виде цветущих лугов тихо произносила: «Сколько прекрасных вещей сотворил для нас Господь». После окончания жатвы, сбора винограда, когда все с трудом переводили дыхание от утомления, она предлагала: «Поблагодарим Бога за Его доброту, за то, что дает нам хлеб насущный». Даже после сильной грозы, когда град уничтожал урожай, мать говорила: «Бог дал, Бог отнял. Он лучше знает, почему так случилось. Если мы бываем злыми, должны помнить, что Бог не шутит».

Вот таким способом – наряду с матерью, братьями и соседями – Джованни научился видеть еще одно Лицо: Бога. Великое Лицо, важную Персону. Невидимую для глаз, присутствующую везде: на небе, на лугах, в лице нищих, в голосе совести, который говорил: «это ты сделал хорошо, а это плохо». Это было Лицо, к которому мать питала безграничное доверие, не подлежащее обсуждению. Бог был добрым и могущественным Отцом, обеспечивающим хлеб насущный, иногда допускающим трудные к пониманию события (смерть отца, град, уничтоживший виноградники), но знающий, почему все делается именно так. И это было достаточно.

### «Липпа» и кровь

Джованни исполнилось четыре года, когда мать впервые поручила ему обтрепать несколько вымоченных стеблей конопли. Труд был несложным, но это уже труд. Мальчик начал таким способом немного помогать семье, которая существовала за счет труда всех своих членов.

Когда он немного подрос, вместе с братьями стал выполнять другие обязанности: добывал дрова, топил печку, раздувая раскаленные угольки, укрытые под слоем золы (чтобы сэкономить спички), носил воду, чистил овощи, убирал скотник, пас коров, присматривал за печкой, в которой пекли хлеб. Окончив эти дела под присмотром матери, он сразу же бежал играть. Ему не надо было далеко искать соответствующего места: вокруг дома, сколько можно было охватить взором, простирались луга. Друзья там уже ожидают: сильные, жизнерадостные ребята, правда, иногда немного примитивные и грубоватые. Они вместе соревнуются в беге, отыскивают норки крота, птичьи гнезда и играют в мяч.

Одной из самых любимых игр была «липла», что-то вроде упрощенного бейсбола. Однажды Джованнино возвратился домой раньше обычного с лицом в крови. Он получил сильный удар в щеку деревянным молотилом. Очень обеспокоенная мама Маргарита перевязывает сынка и говорит:

– Когда-нибудь вернешься домой с выбитым глазом. Почему ты водишься с этими ребятами? Ты же знаешь, что некоторые из них – настоящие негодяи?

– Если вам так будет угодно, то я не пойду к ним, но понимаете, мама, когда я нахожусь среди них, они становятся как будто лучшими. Не ругаются тогда.

Поэтому Маргарита разрешила ему и дальше играть с ребятами. Тем временем Джованнино становился не по возрасту смелым. Ему исполняется пять лет, а Джузеппе семь. Однажды Маргарита отправила их на пастбище с небольшим стадом индюков. Пока птицы гонялись за сверчками, ребята начали игру. Улучив момент, Джузеппе пересчитал на пальцах индюков и заметил, что одного не хватает. Обеспокоенные ребята искали, но напрасно. А ведь индюк – большая птица, не может испариться подобно камфоре. Пробегая вдоль ограды, Джованнино заметил какого-то мужчину. Сразу подумал: «Наверно, это он украл». Подозвав брата, смело подошел к незнакомому:

– Отдайте нам индюка.

Мужчина посмотрел на них, изображая удивление.

– Индюка? А кто его видел?

– Это вы его забрали. Давайте его сюда. Иначе мы поднимем шум, сбегутся люди и поколотят вас палками.

По правде говоря, этих двоих детей можно было легко прогнать несколькими шлепками, но решительность ребят подействовала. Вблизи работают крестьяне, и если ребята поднимут шум, неизвестно как все закончится. Мужчина делает несколько шагов в сторону, вытаскивает из-за плетня мешок, а из него индюка.

– Я ведь только хотел пошутить!

– Но это не похоже на шутку порядочного человека – ответили ребята.

Вечером, как всегда, стали отчитываться перед матерью.

– Но вы все-таки рисковали!

– Почему?

– Во-первых, вы не были уверены, что именно этот мужчина украл индюка, а кроме того – вы же дети, а он взрослый. А если бы он вас обидел?

– Так что, мы должны были уступить ему индюка?

– Хорошо быть смелым, но иногда лучше потерять индюка, чем получить синяки.

– Конечно, это правда, – задумчиво сказал Джованнино. Наверное, мама права, но индюк был такой красивый и большой...

## Розга в углу

Маргарита была нежной матерью, но в то же время обладала энергией и силой. Дети усвоили хорошо, что если она сказала «нет» – это был настоящий запрет. Капризами нельзя было изменить ее мнение.

В углу кухни стояла розга – гибкий прутик. Она ни разу не была использована по назначению, но мать никогда не убирала ее оттуда.

Однажды Джованнино серьезно натворил. По всей вероятности, спеша поиграть, он забыл закрыть клетку и все кролики разбежались по лугу. Надо было хорошенько попотеть, чтобы загнать их обратно. Когда уставшие домочадцы возвратились на кухню, Маргарита сказала, кивнув на угол:

– Джованнино, пойди и принеси мне розгу.

Мальчик отступил к двери.

– А что вы хотите сделать, мама?

– Вот принеси, тогда узнаешь.

Тон голоса матери не вызывал сомнений. Джованнино взял розгу и, подавая ее издали матери, прошептал:

- Будете меня бить, мама?
- А почему бы и нет, если ты постоянно шалишь?
- Мамочка, я больше так не сделаю!
- Мать улыбнулась, мальчик тоже.

В другой раз, когда солнце безжалостно палило, оба братика возвращались из виноградника, изнемогая от жажды. Маргарита идет к колодцу, вытаскивает ведро холодной воды и медным черпаком поит сначала Джузеппе. Видя это, Джованнино собирает губки. Его обидело привилегированное положение брата. Когда подходит его очередь, он показывает, что пить не собирается. Ни слова не говоря, Маргарита убирает ведро в кухню и закрывает дверь. Спустя несколько минут прибегает Джованнино:

- Мамочка...
- Чего тебе?
- Я тоже хочу водички...
- Но мне казалось, что ты не хочешь пить!
- Простите, мамочка.
- Вот и хорошо – мать подает мальчику полный черпак воды.

Джованнино исполнилось уже 8 лет. Это красивый ребенок, звонко заливающийся смехом. Он силен, хотя и небольшого роста. У него темные глаза, густые, выющиеся как шерсть ягненка, волосы. Обожает приключения и риск. Его не заботят поцарапанные коленки. Не один раз взбирается он на верхушки деревьев в поисках птичьих гнезд.

Однажды все же ему не повезло. Гнездо синичек находилось очень глубоко в дупле пня. Он всунул руку до локтя, но потом никак не мог ее вытащить. Делал многократные попытки, но все его усилия были тщетны. Тем временем рука вспухла. Джузеппе, который все это наблюдал, стоя под деревом, побежал за матерью. Маргарита пришла с лестницей, но и она не смогла освободить мальчика. Вынуждена была позвать на помощь соседа с долотом. Тем временем бедный Джованнино вспотел. Джузеппе утешал его снизу, напуганный более, чем брат:

- Держись крепко, они уже скоро придут!

Сосед обвязал руку мальчика передником Маргариты и приступил к расширению отверстия. Достаточно было нескольких ударов, чтобы освободить руку. На сей раз Маргарита не смогла пожурить сына. Лицо его было измучено, он был похож на промокшего щенка. Она только заметила:

- Ты мне уж больше ничего подобного не придумай!

### Дьявол на чердаке

Однажды осенним вечером Джованнино с матерью гостил у дедушки с бабушкой в Каприлио. Во время ужина вся семья собралась за столом, тускло освещенным масляной лампадкой. Внезапно над потолком раздался какой-то шорох. Он повторился несколько раз. Все подняли головы вверх, затаив дыхание. Некоторое время все было тихо, потом опять повторился таинственный шорох и глухой грохот. Женщины крестятся, дети прижимаются к матерям. Бабушка испуганным голосом начинает рассказывать, как это в былые времена тоже на чердаке слышались странные шумы, стоны и страшные крики.

– Это был дьявол. Теперь, видимо, опять возвратился, шепчет, осеняя себя крестным знаменем. Джованнино нарушает молчание, спокойно замечая:

- Думаю, что это курица, а не дьявол.

Его отругали за слишком умный ответ и велели молчать. И вот опять раздался какой-то глухой отзвук, похоже, что кто-то дергался. Деревянный потолок служил одновременно и полом на чердаке, на котором был амбар.

Джованнино опять прерывает молчание и, вскочив на табурет, предлагает:

- Пошли, посмотрим!
- Ты сошел с ума! Маргарита, держи его. С чертом нельзя шутить.

Но мальчик уже берет фонарик, зажигает его, и хватается палку. Маргарита обращается к нему:

- Может лучше подождать до утра?
- Мама, разве вы тоже боитесь?

– Ну что ты! Идем вместе посмотреть! Взбираются по деревянной лестнице. К ним присоединяются другие домочадцы, вооруженные фонарями и палками. Джованни открывает дверь и подни-

мает вверх фонарик, чтобы лучше разглядеть чердак. В это время раздается сдавленный голос одной из женщин:

Смотрите туда, в тот угол!

Все вглядываются: перевернутая вверх дном корзина начинает колебаться и двигаться. Джованнино делает шаг вперед.

– Будь внимателен! Эта корзина заколдованная!

Однако Дживаннино хватает ее обеими руками и переворачивает. Большая, трепещущая курица, неизвестно сколько времени заключенная в корзине, вылетает стремительно как пуля и громко кудахчет. Все окружают Джованнино и заливаются смехом. Пресловутым дьяволом оказывается курица. Видимо, легкая корзина стояла, прислоненная к стенке. Между ее прутиками оставалось зерно. Курица начала выклевывать его оттуда, корзина перевернулась и посадила курицу в «тюрьму». Измученная и голодная птица пыталась выбраться на волю и двигала корзину, которая на своем пути цеплялась за другие предметы и создавала грохот, который так крепко всех напугал.

### Злополучное пятно

В каждый четверг Маргарита идет на базар в Кастельнуово с двумя кошелками, в которых ходят сыр, цыплята и овощи для продажи. Домой она возвращается с полотном, свечами, солью и мелкими сувенирами для сыновей. Как только солнце склоняется к западу, ребята бегут тропинкой вниз, навстречу матери.

Однажды в четверг во время яростной игры в «липпу» деревянный диск залетел на крышу.

– На шкафу в кухне есть другой, – вспоминает Джованнино. Я сейчас его принесу!

Он стремглав мчится домой. Шкаф, однако, слишком высок, поэтому он должен встать на стул. Джованни становится на пальцы, подтягивается изо всех сил вверх, протягивает руку и... хлоп! Бутыл с постным маслом, стоящая на шкафу, падает на пол и разбивается вдребезги, а масло расплывается по красным кирпичам пола. Не дождавшись брата, прибегает домой Джузеппе. Увидев катастрофу, испуганно закрывает себе рот руками.

– Что же скажет мама?...

Мальчики стараются найти какой-то выход из положения. Метлой быстро убирают осколки стекла. Однако масляное пятно нельзя скрыть, а еще хуже – оно растекается дальше. Джованнино некоторое время молча стоит. Потом достает из кармана ножик, бежит к плетню и, срезав тонкую ветку, очищает ее. Одновременно работает и его ум: он обдумывает, что сказать маме. Тем временем кора прутика покрывается узором. К вечеру ребята идут встречать мать. Испуганный Джузеппе начинает отставать, а тем временем Джованнино быстро бежит.

– Добрый вечер, мама! Как вы себя чувствуете?

– Спасибо, хорошо. А ты сегодня был послушным?

– Ох, мама! Посмотрите! – и протягивает матери красиво оформленный прутик.

– Что-то ты там уже набедокурил?

– Сегодня я действительно заслужил наказания. К несчастью, разбил бутыл с постным маслом.

И одним духом рассказывает матери обо всем, делая вывод:

– Я принес розгу, потому что заслужил на нее. Возьмите, мама.

И он протягивает прутик, глядя на мать своими полными раскаяния и в то же время озорными глазами. Маргарита некоторое время молча смотрит на него, потом раздражается громким смехом.

– Знаешь, Джованнино, однако же ты ловкач! Мне жаль эту бутыл с маслом, но я рада, что ты не старался меня обмануть. Все же будь повнимательней в будущем, потому что масло стоит дорого.

В это время приближается Джузеппе, увидев, что гроза, которой ожидал, «прошла стороной». Джузеппе уже исполнилось 10 лет. Это тихий и спокойный юноша. Он не обладает столь живым и вспыльчивым характером, как Джованнино. Он терпелив, настойчив, ловок. Всей своей душой он любит мать и брата, немного побаивается Антони.

Антони старше Джованнино на семь лет. Он замкнут, вспыльчив, иногда груб. Случается иногда, что он беспощадно избивает младших братьев, и тогда Маргарита бежит им на помощь. Но на самом деле это неплохой парень, лишь чрезмерно впечатлительный; смерть матери и отца оставила на нем свой трагический отпечаток.

### 3. Канун весны

Жизнь семьи Боско проходит спокойно и скромно. Среди многочисленных домиков Бекки домик Боско отличается бедностью. Двухэтажное строение служит одновременно жилым помещением, ригой и хлевом. В кухне хранятся мешки с кукурузной мукой, а за тонкой перегородкой мычат две коровы. На втором этаже и под чердаком расположены тесные и темные жилые комнатки.

Настоящая бедность, но не нищета, так как все работают. Хотя труд в деревне и не окупается, но все же кое-что дает. На стенах пусто, но они чисто выбелены. Мешков с кукурузной мукой немного, но расходуются они бережливо, поэтому муки кое-как хватает. Коровы тоже должны работать в поле – они впрягаются в телегу или плуг. Молока они дают мало и нежирного, но этого хватает.

Дети семьи Боско веселые и не жадные. Ведь и в беде можно быть счастливым.

Между восьмым и девятым годом жизни Джованнино начинает активно работать вместе с семьей и делить ее суровую и жесткую жизнь. Работают с рассвета до поздней ночи, а ведь летом солнце восходит очень рано. «Кто рано поднимается, тому Господь благословит» – любила говорить Маргарита, поднимая детей на рассвете. Завтрак очень скромный и простой: кусок сухого хлеба и кружка чистой воды.

Джованнино умеет уже копать, косить сено, управлять садовым ножом, доить коров. Он настоящий крестьянин. Расстояния преодолеваются здесь пешком. Дилижанс проезжает далеко от дома по дороге на Кастельнуово, и за него надо дорого платить. Вечером все укладываются спать на матрацах, набитых кукурузными листьями.

### Ноги бедняка

Если кто-нибудь ночью заболел в округе, всегда прибегали будить Маргагиту. Все знали, что она не откажет в помощи. В свою очередь она будила одного из своих сыновей, забирала его с собой и говорила:

Идем, надо сделать доброе дело. «Сделать доброе дело» – этим простым предложением определялось много ценностей, которые сегодня называем благородство, услужливость, равнодушие, милосердие, альтруизм.

«Зимой – вспоминает дон Боско – часто стучал в наши двери один нищий. Вокруг все было покрыто снегом, а он просился переночевать в риге на сене».

Прежде чем проводить его на чердак, Маргарита всегда давала ему тарелку теплого супа. После этого осматривала его ноги. Чаще всего они были в плачевном состоянии. В истоптанные ботинки проникала вода. У Маргариты не было ни одной пары запасной обуви, поэтому она окутывала ноги старика кусками сукна.

В одном из домов Бекки жил убогий старик по фамилии Цекко. Когда-то он был богат, но растратил все. Деревенские ребята высмеивали его, называя «кузнечиком», так как матери, показывая его своим детям, часто рассказывали поучительную басню о стрекозе и муравье. «В то время как мы трудились, он пел и бездельничал. Был беззаботным как кузнечик. А теперь, видишь как выглядит? Запомни это себе!» – говорила Маргарита.

Старик стеснялся просить хлеба и часто был голоден. Мать Джованнино каждый вечер оставляла на подоконнике горшочек горячего супа. Когда темнело, Цекко приходил и забирал еду. Как раз поэтому и Джованни учился больше милосердию чем бережливости.

Один парень служил батраком в хозяйстве по соседству. Его звали Секондо Матта. Утром хозяин давал ему ломоть черного хлеба и велел пасти двух коров до полудня. Спускаясь в ложбину, он встречал Джованнино, который тоже выводил коров на пастбище. Обычно он имел в руках кусочек белого хлеба. В те времена белый хлеб считался деликатесом. Однажды Джованнино сказал товарищу:

– Ты можешь мне сделать одну услугу?

– Охотно сделаю.

– Давай заменим наш хлеб. Твой ведь вкуснее, чем мой.

Секондо Матта поверил и на протяжении трех лет ребята при встрече меняли свой завтрак. Только став взрослым, Матта понял, что Джованнино Боско уже тогда имел очень благородное сердце.

### Политика и дезертиры

Недалеко от дома был лес. Не раз, когда темнело, в дверь Маргариты стучались беглецы, преследуемые стражниками. Обычно, они просили немного еды и соломы, на которой могли бы поспать.

Маргарита не боялась таких визитов. Она к ним привыкла. При Наполеонеа много молодых людей пряталось от службы в армии. Историки утверждают, что в последние годы правления императора в лесах и горах укрывалось до 70 % призывников. В поисках этих «бандитов» – как их тогда называли – часто приходили карабинеры, призванные на службу Виктором-Эммануилом I.

Посещающих дом семьи Боско обязывал обычай «тихого перемирия». Карабинеры, утомленные восхождением на холм, просили у Маргариты чашку воды, иногда глоток вина. Укрытые же на чердаке или в хлеву дезертиры, услышав чужие голоса, тотчас же тихонько уходили. «Хотя карабинеры многократно прекрасно знали, кто укрывается дома – пишет Лемонье, главный биограф дона Боско, который сам об этом говорил с ним – они делали вид, что ничего не видят и никогда никого не старались арестовать».

Джованнино присматривался ко всему этому и пытался понять. От матери он узнал, что вначале солдаты демократичного режима преследовали тех, кто был верен королю. В настоящее время недавние преследователи сами стали преследуемыми. Королевские карабинеры как раз охотились за демократами. В скором времени ситуация должна была измениться: демократы станут министрами, возглавят полицию, станут управлять общественными делами. Преследовать будут кого-нибудь другого.

Мать Маргарита, привыкшая к переменам этих фронтов, подает тарелку супа и кусок хлеба каждому, кто стучится в дверь, не спрашивая, к какому кто принадлежит. Может как раз эти события и повлияли на то, что в Джованнино родилось недоверие к политике и к разного рода политическим группировкам. В жизни он осуществлял более ценные идеалы: спасение души, воспитание и содержание бедных ребят. Впоследствии он назовет эту деятельность «политикой Отче наш».

### **«Мама научила меня молиться»**

Жители Бекки были милосердными. Они руководствовались не только симпатиями, но и христианской любовью. Маргарита не умела читать и писать, но она знала наизусть целые главы из Ветхого Завета и Евангелия. Верила в то, что надо обязательно молиться, т. е. беседовать с Богом, чтобы почерпнуть нужную силу к жизни и исполнению добрых дел.

– «Когда я был еще маленьким – пишет дон Боско – она сама учила меня молиться. Велела мне и братьям становиться на колени утром и вечером и вместе читать молитвы».

Священник жил далеко, и мать не ждала, пока он найдет время, чтобы навестить их и научить детей катехизису. Вот несколько вопросов и ответов из «Сокращения христианской доктрины», которые Маргарита выучила в детстве и передала потом Джованнино, Джузеппе и Антонио.

«Вопрос: Что должен сделать истинный христианин сразу после пробуждения?»

Ответ: Перекреститься.

Вопрос: Что должен сделать истинный христианин после того, как встанет и оденется?

Ответ: Если может, должен встать на колени перед святой иконой и, возбудив в своем сердце веру в присутствие Бога, набожно произнести: Прославляю Тебя, Боже мой...

Вопрос: Что следует сделать перед началом работы?

Ответ: Посвятить свой труд Богу».

Одним из первых религиозных упражнений, в котором участвовал Джованнино, было чтение розария. В то время это была вечерняя молитва всех христиан. Повторяя пятьдесят раз «Аве Мария» также и крестьяне Бекки «вели свою беседу» с Мадонной, которую представляли себе больше матерью, нежели царицей. В то время как пальцы перебирали зернышки розария, мысли молящихся часто обращались то к детям, то к полям, жизни и смерти. Подобным образом Джованнино стал беседовать с Марией и знал, что она смотрит и слушает.

В своих «Воспоминаниях» дон Боско описывает также свою первую исповедь.

«Это мама подготовила меня к ней. Она привела меня в храм, сама исповедалась первой и поручила меня исповеднику. Потом помогла мне прочитать благодарственную молитву».

### **В мертвом сезоне – учеба в школе**

По всей вероятности в первый класс начальной школы Джованнино ходил зимой 1824–1825 года, когда ему было уже девять лет. В те времена школьные занятия начинались 3 ноября и продолжались только до 25 марта. Это был так называемый «мертвый сезон» в деревне. До него и после даже слабые детские руки нужны были для работы в поле и дома.

С 1822 года в Италии обязывало положение о школьной повинности. Обучение было обяза-

тельным и бесплатным. Детей учили читать, писать, преподавали арифметику и Закон Божий. Однако не все волости могли выполнить это положение.

Поскольку волостная школа в Кастельнуово находилась в 5 км от Бекки, первым учителем Джованнино был один крестьянин, который умел читать и писать. После этого тетка Джованнино, Марианна Окхиена, которая вела хозяйство у священника – учителя в Каприллио, попросила своего попечителя, чтобы взял в школу ее племянника.

Дон Лякуа согласился, и Джованнино по всей вероятности несколько месяцев жил у своей тетки. Так было зимой 1825-26 года. Однако в это время Антони опять воспротивился учебе брата.

– Зачем посылать его еще в школу?. Если кто-нибудь умеет читать и сможет расписаться, вполне достаточно этого. Пусть берет лопату в руки, как это сделал я.

Маргарита старалась переубедить Антони:

– С каждым годом обучение становится все более нужным. Ведь теперь даже сапожники и портные ходят в школу! Хорошо будет, если дома кто-то научится чему-нибудь больше.

Как только Джованнино научился читать, книги стали его увлечением. Он брал их у дон Лякуа, и летом, в послеобеденное время в тени деревьев, читал их запоем. На пастбище был готов присмотреть за коровами своих товарищей, чтобы те только разрешили ему спокойно почитать. Однако чудачком он не был. Любил читать, но любил также играть и взбираться на деревья.

Однажды пополудни вместе с друзьями он высмотрел среди ветвей густого дуба гнездышко щеглов. Взобрался на дерево и увидел, что в гнездышке находятся малые птенчики, которых можно посадить в клетку. Гнездышко было свито на самом конце длинной ветки, параллельной земле. Подумав минуту, Джованнино крикнул друзьям: «Пойду» – и стал медленно ползти по ветке. Ветка становилась все тоньше и гибче. Он протянул руку, взял четырех птенцов и положил себе за пазуху. Теперь надо было вернуться вдоль толстой ветви, которая гнулась под его весом. Джованнино двигался медленно, но внезапно ноги его соскользнули с дерева. Он повис на руках на большой высоте. Быстрым движением охватил он опять ветви ногами, но не смог больше ничего сделать. Все усилия, направленные на то, чтобы снова взобраться на ветвь и лечь на ней ничком, не удались. На лбу выступила испарина. Снизу друзья кричали и подпрыгивали, но не смогли ничем помочь. Когда, наконец, руки обессилели – он упал на землю. Удар был очень сильным. На несколько минут он потерял сознание, потом удалось ему сесть.

– Тебе очень плохо?

– Наверное, нет – прошептал он с трудом.

– А птички как?

– Они здесь, живые. Он расстегнул рубашку и осторожно вынул птенчиков. – Дорого же они ему стоили...

Джованнино попытался идти домой, но его охватил озноб и он вынужден был присесть на землю. Когда, наконец, добрал до дома, он сказал Джузеппе:

– Мне плохо, только ты ничего не говори маме.

Ночью в кровати почувствовал себя лучше, но последствия этого несчастного случая ощущал еще много дней.

### **Большая трагедия по поводу маленького дрозда**

Птицы были его увлечением. Однажды добыл из гнездышка маленького дрозда. Поселил его в клетке из ивовых прутьев и научил свистеть. Как только дрозд увидел Джованнино – тут же приветствовал его своим птичьим голосом. При этом весело подпрыгивал между прутьями и всматривался в Джованнино своими блестящими глазками. Это был в самом деле симпатичный дрозд.

Как-то утром Джованнино не услышал знакомого пения – дрозд навсегда замолчал. Какая-то кошка проникла в клетку и съела беднягу. Осталась только горстка окровавленных перышек. Джованнино расплакался. Мать старалась его успокоить: ведь найдет еще не одного дрозда в гнездах. Но Джованнино продолжал всхлипывать – его любимый маленький дрозд убит, и он никогда больше не увидится с ним...

Несколько дней мальчик был очень опечален, и никому не удавалось его развеселить. «Наконец, – как рассказывает Лемонье – он начал задумываться над незначительностью земных дел и принял удивительное в этом возрасте решение – не быть привязанным сердцем к земным делам». Эти слова повторил несколько лет спустя, после смерти своего любимого друга. И еще потом многократно повторял.

К счастью, однако, можно отметить, что этого решения Джованнино Боско никогда не смог

выполнить. Ведь как и все люди он тоже имел сердце, которое должно было любить других людей, а также большие и малые дела. Поэтому его сердце разрывалось от боли, когда он плакал при смерти дона Калоссо, Алоиза Комолло и тогда, когда впервые увидел своих ребят за решеткой тюрьмы. Как-то он сказал, что «если бы это не было грехом, он задавил бы собственными руками тех, кто обижал его ребят». Его ребята не один раз повторяли: Он любил меня! Один из них, Алоиз Орионе, написал: «Я бы охотно прошелся по раскаленным углям, если бы мог увидеть его еще раз и поблагодарить».

В то время духовные отцы учили о том, что не стоит привязываться сердцем к живым существам. Лучше не рисковать и любить поменьше. Директивы же II Ватиканского собора (1962–1965) утверждают, что, конечно, не следует существ боготворить, что надо усовершенствовать нашу любовь, но ведь это же Бог и дал нам сердце, чтобы мы могли любить, не боясь. Бог философский – это бог бесчувственный. А бог из Библии – любит, гневается, терпит, радуется и нежно улыбается.

### Его земля

В возрасте девяти лет ребенок начинает постепенно выходить из мягкой оболочки семьи и оглядываться вокруг. Джованнини тоже смотрел на все широко открытыми глазами и находил, что его земля является прекрасной, холмистой, спокойной. Росла на ней шелковица, виноград, кукуруза, конопля. Паслись стада коров и овец. Густые, широкие леса казались темно-зелеными пятнами. Крестьяне, работая на солнце не спеша, были терпеливыми и стойкими, привязанными к своей земле, в которую запустили корни, подобно деревьям. Они не стеснялись приподнять шляпу перед Богом и священником, но когда закрывали двери своего дома, чувствовали себя удельными князьями.

Джованни Боско был великим сыном Бога, но он был также и сыном своей земли. Провидение послало ему призвание, но сформировала его обстановка родной земли, родной воздух и характер окружающих его людей. В своем языке сохранил он навсегда специфический акцент диалекта родной стороны, а в сердце – наследие своих соотечественников.

## 4. Маленький фокусник

Девятый год жизни Джованнини носит на себе знамение «большого сна», о котором уже вспоминалось в прологе: огромное множество детей, Человек, который увещевал: «надо завоевывать себе сердца людей мягкостью, а не силой», Женщина, которая предсказывала, что «в свое время все поймешь». Помимо благоразумных слов бабушки, сон этот пролил свет на будущее. С этого времени пророческая «визия» имела влияние на весь образ жизни и мышление Джованни Боско. Наложила она также свой отпечаток на дальнейшее поведение матери. Для нее также этот сон означал проявление высшей воли, был ясным знаком священнического призвания сына. Только так можно объяснить ее стойкость в направлении Джованнини по пути, который впоследствии привел его к алтарю. Во сне Джованнини увидел целые отряды ребят, которые велено было ему окружить добротой. Так почему же не начать сразу? Ведь у него много друзей, ровесников из ближайших селений, разбросанных среди полей. Многие из них – порядочные ребята, но хватает также грубиян и таких, которые проклинают и ругаются.

Зимой много семей сообща проводило время в каком-нибудь коровнике, где коровы и волыогревали помещение не хуже калориферов. В то время, как женщины пряли пряжу, а мужчины покуривали трубки, Джованни читал своим друзьям книги, которые одалживал у дона Лякуа. Среди них были увлекательные рассказы о французских королях и другие интересные истории. Читательский успех был исключительным. «Все хотели заполучить меня в свой коровник – рассказывает дон Боско. – К слушающим ребятам присоединялись взрослые различного возраста и положения. Все были рады тому, что могут таким образом провести время, слушая чтение молодого лектора. Сам он стоял выпрямившись, на скамейке, чтобы все могли его видеть». Наиболее охотно слушалась книга «Короли Франции». Повествовала она о замечательных, легендарных приключениях Карла Великого и его палатинов: Орланда, Оливера, изменнике Гано, епископе Турпино, а также о волшебном мече Дурлиндане. «Перед началом моих рассказов и после них – продолжал он – все мы крестились и читали Аве Мария».

### Звуки рожков на холмах

В теплые ясные дни бывало иначе. Чтение и рассказы уже никого не привлекали. Джованнино отдавал себе отчет в том, что следует придумать что – то особенное, чтобы собрать друзей. Но что?

На ближайших холмах в это время раздавались звуки рожков фокусников. Там проводилась ярмарка, и Джованнино с матерью отправился туда. Люди покупают, продают, спорят, лукавят. Ищут развлечений. Собираются вокруг фокусников и акробатов. Крестьяне с удивлением смотрят на их фокусы и акробатику. Джованнино приходит в голову мысль, что и он мог бы что-то сделать похожее. Поэтому необходимо подсмотреть секреты эквилибристов и фокусников. Большие представления бывают только во время храмовых праздников. Циркачи прыгают по канату, фокусники демонстрируют различные удивительные вещи: например, достают голубей и кроликов из – под шляпы, разрезают пополам какого-нибудь человека, потом опять показывают его целым и невредимым. Большим успехом пользуется также «безболезненное» удаление зубов. Но чтобы увидеть все это, надо иметь билет, который стоит два сольда. Откуда их взять? На вопрос Джованнино Маргарита отвечает:

– Справляйся сам. У меня денег не проси, их у меня нет.

И Джованнино справляется. Он ловит птичек и продает их. Плетет корзины, мастерит клетки и отдает их на продажу странствующим торговцам. Собирает лечебные травы и везет их в Кастельнуово к аптекарю. Заработав таким образом деньги, он сидит потом в первых рядах и пристально наблюдает цирковых артистов. После внимательного наблюдения он приходит к выводу, что с помощью длинной и тонкой жерди можно легче сохранить равновесие на канате. Отмечает также, что быстрое движение пальцев фокусника скрывает в себе секрет его искусства. Удастся ему также разгадать и другие трюки. В те годы удаление испорченного зуба было для всех пыткой. Впервые обезболивание было применено в Америке только в 1846 году. В 1825 году Джованнино на ярмарке участвует в таком «безболезненном» удалении зуба при помощи какого-то порошка. У крестьянина, который должен был пройти эту операцию, был испорчен коренной зуб. Фокусник сначала обмакнул палец в порошок, а потом среди грохота трубок и барабанов, решительным движением вырвал зуб при помощи английского ключа, спрятанного в рукаве. Мужчина завыл от боли и вскочил на ноги, но грохот заглушил все. Фокусник же, обнимая жертву, говорил: «Спасибо, спасибо, испытание удалось на славу!». Джованнино был одним из немногих зрителей, заметивших английский ключ, извлеченный из рукава. Уходил, смеясь своему открытию.

Дома он пробовал подражать фокусникам. «Я тренировался целыми днями, пока не научился». А ведь требовались месяцы тренировки, упорство и неудачи, чтобы суметь извлечь голубя или кролика из шляпы, удержаться на канате и т. д.

«Возможно, вы мне не поверите – писал дон Боско – но в возрасте одиннадцати лет я умел делать различные фокусы, сальто-мортале, ходить на руках и танцевать на канате».

### Зрелище на лугу

Однажды воскресным летним вечером Джованнино объявил своим друзьям свое первое выступление. На коврике из мешков, разостланном на траве, он совершает чудеса в упражнениях с банками и кастрюльками, которые удерживает на кончике носа. Велит открыть рот одному из маленьких зрителей и вынимает оттуда несколько цветных шариков. Демонстрирует магическую палочку. Наконец, вскакивает на канат и проходит по нему под всеобщим одобрением друзей.

Слухи об этом расходятся по окoliце. Увеличивается число зрителей. Приходят совсем маленькие дети и постарше, ребята и девушки, иногда кто-нибудь из взрослых. Преимущественно те, кто участвовал в чтении «Французских королей». Теперь могут увидеть, как Джованнино вынимает из носа крестьянина кучу монет, как превращает воду в вино», как магически размножает яйца, и, открыв сумочку одной даме, выпустил из нее голубя. Все заливаются смехом и хлопают в ладоши. Как вспоминает дон Лемонье, брат Джованнино, Антони, тоже наблюдал эти фокусы, но никогда не пробиравшись к первым рядам. Приходил, прятался за деревья, потом уходил. Иногда издевался над маленьким акробатом, говоря:

– Вот имеем клоуна и лентяя! Я тяжело тружусь в поле, а он разыгрывает шарлатана. Джованнино переживал по этому поводу. Иногда прекращал представление и невдалеке начинал опять. Удивительным шарлатаном был этот юноша. Перед последним номером представления вынимал из кармана розарий, становился на колени и всех приглашал помолиться. Иногда пересказывал проповедь, которую утром услышал в церкви. Это было оплатой за билет, который требовал от своей публики. Во всей своей жизни Джованнино Боско щедро делился своим трудом, всегда за это требуя не денег, а самоотверженности для Бога и для бедных ребят. Наконец, наступал эффектный конец.

Джованни натягивал канат между двумя деревьями, восходил на него и, держа в руках тонкую жердь, проходил среди общего напряжения, которое сменялось горячей овацией.

«После нескольких часов таких развлечений – писал он – когда я совсем устал, прекращались все игры, читалась короткая молитва и каждый возвращался домой».

### Первое Святое Причастие

В 1826 году Пасха выпала на 26 марта. В этот день Джованнино впервые принял Св. Причастие в приходской церкви в Кастельнуово. Вот как он вспоминает свою радость:

«Мама сопровождала меня везде. Во время великого поста привела меня к исповеди. „Мой Джованнино – сказала она – Бог готовит тебе великий дар. Приготовься хорошенько и ты. Признайся во всем, сожалея о своих грехах и обещаю Богу, что в будущем станешь лучше“. Я пообещал все. Только один Бог знает, сдержал ли я потом свое слово.

В то утро мама подвела меня к Господнему Столу, мы вместе подготовились и прочли благодарственную молитву. Не разрешила мне в этот день работать физически, а пожелала, чтобы я занимался молитвой и чтением. Многократно повторяла: «Это был великий день в твоей жизни. Бог взял в свое владение твое сердце. Теперь обещай ему, что сделаешь все, что только сможешь, чтобы быть добрым до конца жизни. В будущем часто причащайся, во всех провинностях сознайся на исповеди, будь послушным, охотно посещай лекции катехизиса и слушай проповеди. Берегись как заразы всех тех, кто ведет дурные разговоры».

Я всегда старался осуществить на практике советы моей матери. Мне кажется, что с этого дня мое поведение улучшилось, особенно в повиновении и подчинении другим, к чему я питал особое нежелание».

### Самая грустная зима

Наступившая вскоре зима была самой печальной зимой в жизни Джованнино. Умерла бабушка, а 18 – летний Антони все больше отдалялся от семьи. Взрывы гнева повторялись все чаще. В последние дни октября Маргарита вспомнила о возможном обучении Джованнино на протяжении года в школе дон Лякуа. Он бы смог получить там основы латыни. Антони бурно отреагировал:

– Зачем латынь! Для чего латынь в хозяйстве? Надо работать, работать!

Может быть Маргарита напомнила ему о возможности поступления Джованнино в семинарию, но Антони признал этот проект как нереальный.

– Чтобы стать священником, нужно 10 тысяч лир. Джованнино много раз слышал от него об этом. Это была ошеломительная сумма денег для крестьянской семьи того времени.

Под предлогом помощи тете Марьянне и дедушке в Кастельнуово, удалось Джованнино несколько раз посетить дон Лякуа зимой 1826–1827 годов. Антони это не понравилось. Однажды вспыхнула открытая война. Дон Боско так об этом рассказывает:

«Сначала моей матери, потом брату Джузеппе Антони сказал:

– Хватит. Надо покончить с этой грамматикой. Я вырос крепким и здоровым мужчиной и никогда не смотрел на книги.

В этот момент под воздействием горечи и гнева я произнес слова, которые не должен был произносить:

– Наш осел тоже никогда не посещал школу, а ростом он больше тебя!

Услышав эти слова, Антони впал в бешенство, и мне с трудом удалось убежать из-под града его кулаков. Мать была очень опечалена, а я плакал».

Вопрос висел над домом, как грозовая туча, вызывая растущее напряжение. Антони был упрям, Джованнино тоже не позволял никому вмешиваться в свои дела и вспыльчиво реагировал. Некоторое время спустя вспыхнула ссора, о которой уже упоминалось, поводом стала книга, которую Джованнино положил на стол рядом с тарелкой. Джованнино не удалось бежать и он крепко получил от брата.

На следующее утро Маргарита сказала ему эти самые печальные слова: «Будет лучше, если ты уйдешь из дому».

Туманным февральским днем Джованнино пришел в хозяйство Молиа и отчаянным плачем выпросил, чтобы его приняли мальчиком на конюшню.

## 5. Детские мечты

Прошло несколько дней, и Алоиз Молиа сказал своей жене:

– Приняв этого парня мы сделали выгодное дело!

Джованнино же взялся за работу с воодушевлением, охотно и был послушным. Его обязанностью была забота о коровнике. Труднее всего было ежедневное выстилание свежей соломой стойла коров и вывезение старой подстилки при помощи тачки и вил. После этого мальчик должен был скребницей вычистить коров, вывести их на водопой, залезть на чердак и оттуда сбросить сена в ясли на целый день, а также выдоить коров. Конечно, Джованнино не делал всего этого один. Он помогал пастуху, который определял ему работу, посильную для выполнения малым ребенком.

Также во время вечерней молитвы Джованнино отличался усердием, и синьора Дорота несколько раз доверяла ему предводительство при чтении молитвы.

Хозяева выделили ему маленькую светлую комнатку и удобную кровать. Поэтому здесь ему было лучше, чем в Бекки, где он должен был делить постель с Джузеппе или Антони. Спустя несколько вечеров, Джованнино осмелился зажечь огрызок свечи и попробовал часик почитать одну из книг, одолженных у дона Лякуа. Никто ему этого не запретил, поэтому он продолжал читать перед сном и в дальнейшем.

В субботу вечером попросил разрешения пойти на следующий день рано утром в Монкукко. Вернулся он к завтраку и в девять часов вместе с синьором Алоизом и его семьей отправился к обедне. Поскольку в последующие субботы просьба повторялась, синьора Дорота решила убедиться, куда мальчик ходит. Она ведь отвечала за него перед матерью. Перед рассветом она ушла в Монкукко и, наблюдая за мальчиком из дома своей приятельницы, отметила, что он вошел в храм. Потом увидела, как он стал на колени у исповедальни, выслушал Святую Мессу и принял Святое Причастие. В те времена причащались очень редко. Во время обедни, в которой участвовали все жители деревни, вообще не раздавали Святого Причастия. Кто хотел причащаться, должен был участвовать в тихой Св. Мессе, которую служил приходский священник рано утром.

На обратном пути домой Дорота сказала мальчику:

– С сегодняшнего дня, если захочешь пойти на утреннюю мессу, всегда можешь идти, не спрашивая разрешения.

Исповедуясь перед приходским священником, донон Коттино, Джованнино признался ему в своих трудностях и желании стать священником. Дон Коттино поощрил его к еженедельной исповеди и Причастию, к молитве на протяжении дня и к доверию к Богу. Если только Бог этого желает, обязательно удастся победить трудности. Рекомендовал Джованнино не забрасывать учебу. Предложил также дать ему несколько уроков латыни, если это только не станет мешать работе в хозяйстве.

### Два зернышка и четыре колоса

Старый Джузеппе, дядя хозяина, возвращался однажды после работы в поле, вспотевший, с лопатой на плече. Был полдень и с башни в Монкукко раздался колокольный звон. Утомленный старик присел на траву, чтобы немного отдохнуть, и невдалеке увидел Джованнино, стоящего на коленях и читающего молитву «Ангелюс» так, как научила его мать Маргарита – ежедневно утром, в полдень и вечером. Полушутя, полусерьезно Джузеппе сказал:

– Вы только посмотрите! Мы, хозяева, надрываемся от работы с утра до ночи, а батрак молится с полным спокойствием. Джованнино также полусерьезно, полушутя, ответил:

– Если надо что-то сделать, прекрасно знаете, Джузеппе, что я не ленюсь. Но моя мать учила меня, что если молиться, то из двух зерен вырастают четыре колоса. И наоборот, если не молиться, то из четырех зерен вырастут только два колоса. Так что будет лучше, если и вы немного помолитесь!

– Вот те и на! – ответил старик. – Значит имеем теперь также священника в доме!

С наступлением весны мальчик должен был выгонять стадо на пастбище. Следил, чтобы коровы не причинили кому-нибудь убытка, не ели слишком мокрой травы, не бились рогами.

В то время, как стадо спокойно щипало траву, Джованнино, сидя в тени деревьев, всегда находил время немного почитать. Хозяин не сердился, только качал головой:

– Зачем ты столько читаешь? – спрашивал он.

– Хочу стать священником.

– А ты не знаешь, ведь нынче для того, чтобы учиться, надо иметь 9-10 тысяч лир? Откуда ты их возьмешь?

– Если Бог этого захочет, может быть кто-то об этом позаботится.

На пастбище иногда приходила поиграть Аня, старшая дочь хозяина. Ей было 8 лет. Однажды, заметив, что Джованнино читает книгу вместо того, чтобы следить за ее играми, она обиженно сказала:

– Брось это чтение, Джованнино!

– Но ты подумай, ведь я хочу стать священником, мне надо будет читать проповеди и слушать исповеди.

– Ты священником? Никогда не поверю! Ты будешь... пастухом – пошутила девочка.

Однажды Джованнино ей сказал:

– Аня, ты высмеиваешь меня теперь, но помни, что когда-то придешь еще ко мне исповедаться!

Много лет спустя синьорина Анна вышла замуж и долгое время жила в Мирондо. Не раз рассказывала она своим детям об этом разговоре. Действительно, со временем она четыре, пять раз в год отправлялась в Вальдокко, чтобы исповедаться у дона Боско. Он приветствовал ее всегда радостно, как сестру.

С наступлением зимы хозяева разрешили ему время от времени посещать школу дона Коттино, но это было только несколько уроков и то нерегулярных, поэтому они почти ничего не дали. Однако дружеские отношения со священником помогли ему сблизиться с ребятами из Монкукко. Просторные сени дома приходского священника, которые в обычные дни служили школьным классом, в воскресенье превращались в малую ораторию (место отдыха и молитвы). Джованнино Боско показывал здесь свои фокусы, читал самые интересные страницы Священного Писания и молился со своими малыми друзьями.

При плохой погоде, когда нельзя было добраться до Монкукко, ребята приходили к Джованнино в дом Молиа. Он вел их на чердак, играл с ними и обучал катехизису.

В хозяйстве Молиа Джованнино провел почти 3 года – с февраля 1827 по ноябрь 1829 года. Что касается учебы, эти годы были потеряны. Но можно ли так считать, если иметь ввиду миссию, к которой призывал его Бог?

Петр Стелла вспоминает один незначительный эпизод. «Синьора Дорота и ее шурин Джованни однажды застали мальчика, стоящего на коленях с книгой в руках. Глаза его были прикрыты, лицо обращено к небу. Им пришлось довольно сильно потрясти его за плечо – так глубоко он был погружен в размышления». Петр Стелла делает вывод: «Поэтому несомненно эти годы не прошли даром, так как в Джованнино все более углублялась любовь к Богу и созерцание Его. Он умел общаться с Богом во время полевых работ. Итак, это были годы тихого молящего ожидания Бога и людей».

В 1827 году в Милане вышло в свет первое издание книги Александра Манцони<sup>3</sup> «Жених и невеста». В 1828 году в Реканати Джакомо Леопарди<sup>4</sup> начал писать свои великие «Идиллии». В 1829 году Россини<sup>5</sup> впервые поставил свой шедевр «Вильгельм Телль». А пока что на протяжении этих трех лет Джованнино Боско доил коров в глухом хуторе Монферрато. Но как раз в то время он начал беседовать с Богом.

## Дядя Михаил

Мать Маргарита очень глубоко переживала разлуку с сыном, связанную с его пребыванием на хуторе Молиа. По всей вероятности она поделилась своим беспокойством с братом Михаилом. Когда контракт подошел к концу (11 ноября), Михаил отправился к Молиа, чтобы поговорить с племянником. Как раз в это время Джованнино выгонял скот на пастбище.

– Ну как, Джованнино, ты доволен своей жизнью здесь?

– Нет, дядя. Обращаются, правда, здесь со мной хорошо, но я хочу учиться. Годы проходят, мне уже четырнадцать, а я все топчусь на месте.

– Раз так, то загоняй скот обратно и возвращайся в Бекки. Я переговорю с твоими хозяевами, а потом поеду на базар в Кери. Но сегодня зайду к тебе домой и что-нибудь решим.

---

<sup>3</sup> Манцони Александр (1875–1873) католический писатель, представитель итальянского романтизма, автор религиозных гимнов и исторических драм. Повесть «Жених и невеста» – одна из самых популярных его произведений.

<sup>4</sup> Джакомо Леопарди (1739–1837) поэт, выдающийся лирик и прозаик.

<sup>5</sup> Россини Михаил (1792–1866), итальянец, выдающийся композитор, автор многих опер. Самые знаменитые и популярные – «Вильгельм Телль», «Севильский цирюльник».

Джованнини собрал свой узелок, попрощался с синьорой Доротой, хозяином Алоизом, старым Джузеппе, с Аней и Терезой. За время своего пребывания здесь он подружился со всеми, и эта дружба сохранилась на всю жизнь.

Он возвратился в Бекки. Увидев его издали, мать Маргарита быстро выбежала навстречу.

– Антони дома. Ты спрячься и потерпи, пока подойдет дядя Михаил. Если Антони тебя увидит, он может заподозрить сговор и неизвестно, что потом может случиться.

Джованнини спрятался за плетнем и присел на краю канавы. Значит, ситуация все та же. Опять надо быть готовым к преодолению трудностей.

Дядя возвратился поздно вечером и привел окоченевшего племянника домой. Чувствовалось напряжение, но, к счастью, до войны не дошло. Антони исполнился двадцать один год, и он решил жениться. Когда его заверили, что содержать и учить Джованнини он не будет, то перестал предъявлять претензии.

Михаил тем временем разговаривал с приходскими священниками в Кастельнуово и Буттильера о возможности определить Джованнини к одному из них. Но это оказалось очень сложным делом. Неожиданно все же удалось счастливо решить эту проблему.

### Четыре сольдо за проповедь

В сентябре 1829 года прибыл в Мориальдо на должность капеллана дон Джованни Мельхиори Калоссо. Ему уже исполнилось семьдесят лет, и по состоянию здоровья он отказался от управления приходом в Бруино. Священник преклонного возраста, очень набожный с большим пастырским опытом.

В ноябре месяце в Буттильера проходили миссии. Участвовали в них также Джованнини и дон Калоссо. На обратном пути старый священник заметил среди крестьян 14-летнего юношу.

– Откуда ты родом, сынок?

– Из Бекки. Я слушал проповеди миссионеров.

– Очень интересно, что же ты понял из всех этих латинских цитат? – Улыбаясь, он сомнительно покачал головой. – Думаю, что мать могла бы прочитать тебе лучшую проповедь!

– Это правда. Моя мама часто читает мне хорошие проповеди. Но мне кажется, что я понял также и миссионеров.

– Хорошо, если сможешь повторить мне хотя приблизительно содержание сегодняшней проповеди, дам тебе четыре сольдо!

Джованнини начал спокойно пересказывать проповедь наизусть, будто бы читал по книге.

Не выдавая своего изумления, дон Калоссо спросил:

– Как тебя зовут?

– Джованни Боско. Отец мой умер, когда я был еще маленьким ребенком.

– А какую школу ты посещал?

– Читать и писать меня научил дон Лякуа в Каприлио. Я бы очень хотел учиться дальше, но мой старший брат не желает и слушать об этом, а приходские священники в Кастельнуово и Буттильера не имеют времени заниматься со мной.

– А для чего ты хочешь учиться дальше?

– Я хочу стать священником.

– Скажи своей маме, чтобы пришла ко мне в Мориальдо. Быть может, я помогу тебе немного, хотя я уже и стар.

Когда Маргарита присела у стола напротив дон Калоссо, она услышала слова:

– У вашего сына поразительная память! Он должен обязательно, не теряя времени, продолжать учебу. Я уже стар, но я сделаю для него все, что я только смогу.

Они быстро договорились, и с этого дня Джованнини должен был брать уроки у капеллана, который поселился невдалеке от Бекки. Домой он должен был возвращаться только на ночь. Во время полевой страды будет помогать родным.

Таким образом, неожиданно Джованнини получил все то, чего ему недоставало до сих пор: отцовскую заботу, чувство безопасности, доверие.

«Я сразу отдал себя в руки дон Калоссо – писал он позже – открыл перед ним свою душу, поверил ему все свои намерения и каждую мысль. Я тогда» почувствовал, что значит иметь постоянного наставника, верного друга души, которого до сих пор я был лишен. Между прочим, он запретил мне самоистязания, не соответствующие моему возрасту, которые я до сих пор применял. Поощрял меня к частой исповеди и Причастию, научил короткому ежедневному размышлению или больше –

как пользоваться духовной литературой».

### **«С ним умирала и вся надежда...»**

В сентябре 1830 года Джованнино стал оставаться и на ночь у дона Калоссо (возможно, для предотвращения конфликтов с Антони). Домой он приходил только раз в неделю для смены белья.

В учебе делал большие успехи. Вспоминает эти дни словами, полными благодарности и радости:

«Никто не может представить себе мою радость. Я любил дона Колоссо как отца, оказывал ему услуги во всем. Этот человек Божий одарил меня большой любовью и часто повторял: „Не беспокойся о будущем. Пока я жив, тебе ни в чем не будет недостатка. А когда я умру, ты тоже будешь обеспечен“. Я был вполне счастлив, но неожиданная беда перечеркнула все мои надежды».

Одним ноябрьским утром 1930 года, когда Джованнино как раз был дома за чистым бельем, кто-то прибежал с известием, что дон Калоссо почувствовал себя плохо.

«Я не бежал, я мчался» – вспоминает дон Боско. У дона Калоссо был инфаркт. Он узнал Джованнино, но уже не мог сказать ни слова. Показал ему только ключик от ящика стола и дал знак, не отдавать его никому. Это было все. Юноша мог теперь только с горечью плакать над усопшим своим вторым отцом. – «Вместе с ним умирали все мои надежды» – вспоминает он.

Остался лишь последний проблеск надежды – ключ. В ящике находилось 6 тысяч лир. По знакам, которые старался дать дон Калоссо, следовало, что деньги эти были предназначены Джованнино для обеспечения его будущего. Подтвердили это также лица, находившиеся при смерти дона Калоссо. Были, однако, и такие, которые утверждали, что жесты умирающего не имеют никакого значения, и только настоящее завещание решает финансовые дела.

Родственники дона Калоссо, которые съехались на похороны, поступили благородно. Сначала они собрали сведения, а потом обратились к Джованнино:

– Нам кажется, что дядя хотел тебе оставить эти деньги. Так, что бери, сколько хочешь.

Джованнино минуту призадумался, потом ответил:

– Я ничего не хочу.

В своих «Воспоминаниях» он кратко изложил эти переживания: «Приехали наследники дон Калоссо, я им отдал ключ и все остальное».

Этим решением и жестом были закрыты все расчеты. Уже будучи священником, выбрал себе девиз – короткую фразу из Библии: «Да михи анимас, цетера толле – Дай мне души – остальное отними».

И вот Джованнино снова остался один. Ему исполнилось пятнадцать лет, и он снова остался без учителя, денег и перспективы на будущее. «Я неутешно плакал» – записал в своих «Воспоминаниях».

## **6. Между молотом и книжкой**

А ведь надо было как-то жить.

Чтобы избежать новых скандалов со стороны Антони, Маргарита решила разделить оставленное Франческо хозяйство. Как раз подвернулся случай, который затушевывал это неприятное дело перед глазами посторонних. Антони решил жениться. 21 марта 1831 года он должен был повенчаться с Анной Россо, девушкой из Кастельнуово. Были разделены поля и дом в Бекки. Антони стал владельцем восточной части дома с деревянной лестницей, ведущей на второй этаж. Другую половину заняли Маргарита, Джузеппе и Джованнино.

В декабре Джованнино опять собрался в путь. Он стал посещать занятия в начальной школе в Кастельнуово. Кроме обычных занятий, волость организовала здесь пятилетние курсы латинского языка. Немногочисленные ученики всех классов латыни собирались вместе в одном маленьком классе со своим учителем – доном Эммануэле Вирано.

### **Обед в котелке**

Пять километров, которые делят Бекки от Кастельнуово, вначале показались пустяком 15-летнему крепкому юноше. Поскольку уроки в школе проходили в две смены (по три с половиной часа утром и после обеда), Джованнино выходил из дому рано утром с краюшкой хлеба в руках, возвращался к обеду домой, потом опять шел в школу, чтобы вернуться вечером. Почти 20 км в день.

Этот изнуряющий образ жизни через несколько дней (быть может после первых заморозков) должен был измениться.

Дядя Михаил нашел племяннику что-то наподобие комнатки у порядочного человека, Джованни Роберто, местного портного и музыканта. У него Джованни и обедал, съедая то, что ежедневно приносил с собою из дома в котелке.

Пять километров утром и столько же вечером это не пустяк, особенно зимой. Джованни шагал охотно. Когда тропинка была сухой и бесснежной, он снимал сапоги, вешал их себе на плечо и бежал босиком. Дожди и ветры, солнце и пыль сопутствовали юноше на протяжении многих дней. Но случались и такие январские вечера, когда бушевала пурга, и он был не в силах возвращаться домой. Тогда он просил разрешения у портного переночевать в кладовке под лестницей. Тогда он оставался без ужина.

Мать Маргарита хорошо понимала, что, посещая каждый день зимой школу, сын может легко заболеть. Поэтому она отправилась к синьору Роберто, который, за не очень высокую плату (преимущественно в натуре зерном и вином), согласился принять Джованни на квартиру. В полдень и вечером он давал ему теплый суп, спал же Джованни в том же чуланчике под лестницей. О хлебе должна была позаботиться мать. Она же и проводила сына до Кастельнуово, неся в сумке немного вещей, необходимых для 15-летнего юноши. Попросила также портного, чтобы «присмотрел за сыном и при необходимости надрал ему уши», а Джованни сказала: «Почитай Матерь Божию и ты вырастешь порядочным человеком».

В Кастельнуово Джованни обучался вместе с десяти-одиннадцатилетними детьми. Полученная им до сих пор школьная подготовка была очень скромная. Если прибавить к этому непомерно большую куртку и громоздкие сапоги, легко можно представить, на какие колкости он был выставлен перед своими сверстниками. Его часто называли «пастухом из Бекки».

Он, которого раньше обожали ребята из Мориальдо и Монкукко, переживал теперь по поводу этих колкостей. Несмотря на это, он при помощи учителя по уши погрузился в учебу. Дон Вирано был человеком способным и милым. Видя добрую волю мальчика, он занимался с ним отдельно и за короткое время помог добиться больших успехов. Когда однажды Джованни написал совсем неплохое изложение о библейском персонаже – Элеазаре, дон Вирано прочел эту работу в классе и отметил:

– Тот, кто сумеет так хорошо написать, может себе позволить носить обувь пастуха. Потому, что в жизни ценится голова, а не сапоги!

Дон Боско рассказывал: «В том году мне угрожала большая опасность. Товарищи хотели вовлечь меня в игру на деньги, к тому же во время уроков. Но поскольку я говорил, что у меня нет денег, они меня поучали: „Давно уже пора проснуться. Надо научиться жить. Стащи деньги у своего хозяина или у матери“. Помню, что я тогда ответил: „Мать меня очень любит. Я не могу сделать ей неприятность“».

### **«В Бекки живут одни ослы»**

В апреле, когда Джованнино значительно уже наверстал упущенное в школе, случилось то, что повлекло за собой печальные последствия. Дон Вирано был назначен приходским священником в Мондонио и должен был оставить школу в руках дона Миколо Молиа. Этому почтенному и милосердному священнику было уже 75 лет. Он совершенно не мог совладеть со своими воспитанниками. Случалось, что он впадал в бешенство и хлестал розгой по кому попало, а в другие дни недели терпел беспорядок. Предъявлял претензии к старшим ученикам и обвинял их в постоянном беспорядке. Особую неприязнь питал к самому рослому из них, к «пастуху из Бекки», хотя Джованнино и сам переживал по поводу отсутствия дисциплины в школе. Дон Молиа не пропустил ни одного случая, чтобы ему досадить.

– Что ты хочешь понять в латыни? Ведь в Бекки живут только большие ослы. Может быть отличные ослы, но только ослы! Иди за грибами, за птичьими гнездами. Вот подходящее занятие для тебя, а не изучение латыни!

Товарищи, которые раньше видели доброжелательность дона Вирано к Джованнино и оставили его в покое, теперь опять взялись за дело. Джованнино был близок к депрессии. Но однажды он решил показать себя. Дон Молиа назначил контрольную работу по латыни. Джованнино, который должен был сделать перевод по программе первого класса, попросил у учителя разрешения перевести текст третьего класса. Священник оскорбился:

– Ты что думаешь? Возвращайся к своему заданию и старайся не быть ослом, как всегда.

Но Джованнини настаивал, и, наконец, дон Молиа согласился.

– Делай, что хочешь, только не думай, что я потом буду читать твои бездарные творения.

Юноша проглотил горькие слова и взялся за перевод. Он был трудным, но Джованнини чувствовал, что справится. Сдал контрольную одним из первых. Учитель взял листок и отложил его в сторону.

– Я Вас очень прошу, прочтите и скажите, пожалуйста, какие ошибки я сделал.

– Иди на свое место и не мешай мне.

Джованнини вежливо, но упорно добивался своего:

– Ведь я не прошу ничего особого, только прочитать текст.

Дон Молиа прочел. Перевод был хороший, более того – отличный. Это привело к тому, что священник потерял терпение.

– Я же сказал, что ты ничего не способен сделать. Ведь это задание ты списал с начала до конца.

– Но у кого я мог его списать?

В это время соседи Джованнини по парте, обгрызая перья, все еще потели над последним предложением.

– Это уже наглость! – разозлился священник. – Иди на свое место и благодари Бога за то, что я не выброшу тебя из школы.

Склероз и в те времена имел жуткие последствия, остальное дополнило предубеждение. И так, последние месяцы этого года были для Джованнини полными горечи. Правда, в своих «Воспоминаниях» дон Боско не называет фамилии дон Молиа, поскольку к старшим он всегда относился с уважением. Намекает только на человека, «который, не умея сохранить порядок, загубил почти все то, чему я научился в предыдущие месяцы».

### Сутана, которая отгораживает

Было еще одно огорчение, которое не давало Джованнини покоя в эти месяцы. Он познакомился с двумя прекрасными священниками: доном Калоссо и доном Вирано. Однако он не мог примириться с тем, что не все священники такие. «Случалось мне – пишет он – встречаться на дороге с моим приходским священником, который шел в сопровождении капеллана. Я приветствовал их издали, приблизившись, склонялся к их одеянию, но они держались равнодушно и довольствовались вежливым кивком головы в ответ, не прерывая прогулки». Черная сутана, в которую были одеты, будто отделяла их от других. В семинариях в то время господствовало убеждение, что именно такое поведение является наиболее подходящим для духовных лиц. Сдержанность и достоинство. Огромное расстояние.

«Это меня огорчало, и я говорил своим друзьям: Если я когда-нибудь стану священником, то буду вести себя совсем по-другому. Я буду подходить к ребятам, сердечно беседовать с ними, давать им добрые советы».

Не мог тогда юный ученик предвидеть, что этим своим решением он вызовет в недалеком будущем тихую революцию между священниками. Только позже в семинариях отметят, что этот юноша из Бекки был прав и начнут воспитывать новое поколение выпускников не в духе значительности, а в духе доброжелательности, которая как раз это расстояние перечеркивает.

Свое свободное время в Мориальдо Джованнини проводил в тихих беседах с доном Калоссо. Старый священник вспоминал свое прошлое, юноша мечтал о будущем. Потом подметал пол в храме, убирал кухню, рылся в книгах маленькой библиотеки.

Здесь, в Кастельнуово, священники не хотели с ним беседовать. Чем же тогда занимался он в свободные минуты?

### Хобби Джованнини

Первым его хобби была музыка. Синьор Роберто руководил хором в приходе. Дома у него был спинет (музыкальный инструмент, похожий на рояль). Много раз Джованнини взбирался вместе с синьором Роберто на хоры в храме и с его помощью упражнялся в игре на спинете, потом на органе.

Но Роберто был прежде всего портным в местечке, поэтому вторым хобби Джованнини стало вышивание у портного в мастерской. Таким образом он научился пришивать пуговицы, отделять, шить платки, кроить жилеты. Он стал делать это так мастерски, что портной предложил ему бросить школу и стать его помощником.

Когда ему стал досаждать дон Молиа и начались беспорядки в школе, Джованнини убедился, что только напрасно теряет время. С согласия мамы Маргариты он начал работать несколько часов в день у кузнеца Эвазио Савио. Там он научился обращаться с молотом и напильником, выполнять различные работы в кузнице. Наверное, Джованнини Боско тогда еще не думал о том, что овладение этим ремеслом позволит ему в будущем открыть мастерские для бедных ребят из окраин Турина. Единственным его желанием было скопить немного денег. Вскоре они ему оченьгодились. Посоветовавшись с матерью, он решил в будущем году сделать решительный, хотя и рискованный шаг: поступить в школу в Киери.

## 7. Я должен учиться

Собрав свои вещи и попрощавшись с синьором Роберто, Джованнини не вернулся в Бекки. Он отправился в Суссамбрино, в хозяйство, которое взял в аренду его брат Джузеппе вместе с Джузеппе Фебраро. Маргарита также уехала из Бекки вместе с сыном.

Каникулы использовал Джованнини для интенсивной учебы. Ведь не мог же он быть среди отстающих в Киери. Не хотел он также быть обузой для брата. Помогал ему в полевых работах, в примитивной кузнице чинил хозяйский инвентарь, пас коров. Последнее занятие позволяло ему читать и учиться.

Роза Фебраро, дочь Джузеппе, рассказывала как Джованнини часто был так занят книгами, что коровы шли, куда хотели. Это она, в то время десятилетняя девочка, бежала за ними далеко в поле, в кукурузные ряды и выгоняла их обратно на луг, пока никто не заметил.

– Твои коровы опять паслись среди хлебов.

– Спасибо тебе, Роза.

Она всматривалась в него долго, потом спрашивала:

– Зачем же ты выгоняешь их на пастбище, если потом не смотришь за ними?

– Я должен учиться, Роза, поэтому иногда случается, что я забываю о них.

– Это правда, что ты будешь священником?

– Да.

– Если хочешь, я немного присмотрю за твоими коровами. Я и так должна следить за своими!

Джованнини поблагодарил ее и опять погрузился в чтение.

## 20 лир на верхушке столба

Летом в местности Монтафия проводились храмовые торжества. Деревня была расположена недалеко от Суссамбрино. Джованнини узнал, что будет устроен там также «столб удачи». Среди других призов предвиделся и кошелек с 20 лирами.

– Они бы мне очень сейчасгодились – подумал он и отправился посмотреть праздничные развлечения.

Столб оказался очень высоким, гладким, смазанным растительным маслом и жиром. Окружающие смотрели на металлическое кольцо на верхушке, к которому были прикреплены свертки с копченостями, бутылки вина и заветный кошелек с деньгами. Ежеминутно, среди возгласов толпы кто-нибудь, поплевав на ладони, пытался взобраться на столб. Сначала все шло хорошо, но уже на полпути силы оставляли соперников, и, сопровождаемые свистом и криками, они оскальзывались на землю.

Улучив момент и тщательно оценив ситуацию, Джованнини подошел к столбу. Он тоже поплевал на ладони и крепко обхватил столб руками. Начал медленно и спокойно взбираться вверх, отдыхая на корточках через каждые несколько минут. Внизу люди нетерпеливо покрикивали, уверенные в том, что и ему тоже не повезет. Но Джованнини очень нужны были деньги. Ведь в Монкукко он должен был целый год работать за 15 лир, а здесь, всего в нескольких метрах над его головой его ожидали 20 лир! Он был готов выдержать на столбе и до вечера, только бы дотянуться к желанному трофею. Продвигаясь спокойно вверх, он дотянулся до того места, в котором столб стал уже очень тонким. Глубоко вздохнув, он сделал усилие и подтянулся еще выше. В напряжении и уже в абсолютной тишине люди следили за его усилиями. Тем временем Джованнини протянул руку, снял с кольца кошелек с деньгами, зажал его в зубах. Потом, сняв еще колбасу и платок, соскользнул на землю.

## Просьба, которая дорого стоила

Двадцать лир, полученных на «столбе удачи», конечно, нехватило для переезда в Киери. Надо ведь было купить костюм, ботинки, книги. Кроме того ежемесячно платить за квартиру. Аренда в Суссамбрино тоже не была золотым прииском. В октябре Джованнино сказал Маргарите:

– Мама, если вы хотите, я возьму две кошелки и обойду хозяйства в нашем селении. Это было большим терзанием для его самолюбия. В будущем дон Боско должен был стать одним из самых великих «нищих» XIX века. Однако всегда это ему будет стоить очень дорого, и никогда не будет легко протянуть руку за милостыней. В памятный октябрьский день впервые превозмог отвращение к прошению милостыни.

Селение, которое входило в состав Мориальдо, состояло из нескольких дворов и отдельных хуторов. Джованни ходил от дома к дому, стучал в дверь и говорил:

– Я сын Маргариты Боско. Хочу поступить в Киери в школу, так как очень хочу стать священником. Моя мать бедная, поэтому если можете, помогите мне.

Его знали все. Присутствовали ведь при его играх, вспоминали, как пересказывал им слышанные проповеди, любили его. Но немного было зажиточных хозяев в тех местах. Поэтому давали ему преимущественно яйца, кукурузу, по несколько мер зерна.

Одна вдова, Люция Матта решила как раз переехать в Киери, чтобы находиться ближе к своему сыну – студенту. Маргарита договорилась с ней о том, что Джованнино будет проживать в Киери вместе с ними. Ежемесячно за угол должен был платить 21 лиру. По правде говоря, Маргарита не могла раздобыть столько денег, но обязалась поставлять муку и вино, а Джованнино должен был выполнять хозяйские работы: носить воду, рубить дрова, развешивать белье.

## История движется вперед

В то время, как среди холмов Кастельнуово Джованнино Боско проводил свое трудное детство, история продвигалась вперед. Автор книги не ставит своей целью показать исчерпывающую историю Италии того времени, но он видит необходимость отметить важнейшие факты, так как на их фоне разыгрывалась личная история Джованнино Боско. Как и каждому человеку, ему тоже история доставляла много впечатлений, формировала взгляды, создавала условия.

В 1815–1820 годах по всей Италии образовались тайные общества, целью которых была подготовка восстания и революция. Это была форма реакции на жесткую и отсталую реставрацию.

Беспокойства начались в Испании в январе 1820 года. В Кадыксе военный мятеж заставил Фердинанда VII отказаться от абсолютной монархии и признать конституцию. Она гарантировала каждому гражданину основные права, в том числе право голоса. Король присягой обязывался к признанию конституционных постановлений. Шесть месяцев спустя, эта испанская «искра» привела к огненному взрыву в Италии. Небольшой отряд кавалерии взбунтовался в Королевстве Обеих Сицилии. Появились призывы: «Да здравствует свобода и конституция!». Чтобы не потерять королевства, спустя 8 дней Фердинанд признал конституцию из Кадыкса и дал присягу на Библию, что будет ее соблюдать.

10 марта 1821 года (Джованнино Боско тогда уже исполнилось 6 лет) военный мятеж вспыхнул также в Пьемонте. Руководил им граф Санторре да Сантароза. В городе Александрии был снят голубой флаг сабаудской династии, а на башне было водружено трехцветное знамя, напоминающее времена французской революции и провозглашенные ею права. Гарнизоны в Пинероло и Верцелли взбунтовались также. Один из офицеров возглавил полк и двинулся из Фоссано к Турину. Испуганный событиями король Виктор Эммануил выехал из Монкальери в Турин, созвал коронный совет и, чтобы не потерять всего, согласился тоже на конституцию. Он уже хотел огласить ее, когда стало известно, что австрийцы собираются вмешаться и «навести порядок» в Италии.

Под воздействием этих событий Виктор Эммануил отказался от престола в пользу своего брата Карла Феликса. Поскольку Карло в то время находился у своего тестя в Модене, Виктор Эммануил объявил регентом молодого 23-летнего Карла Альберта.

## «Передайте князю...»

Карло Альберто часто встречался с графом Сантароза, ценил его мнение, но не сумел решительно встать на сторону абсолютизма или же либералов. У него был неустойчивый характер, поэтому его прозвали «нерешительным королем». Любой ценой он желал одного: сохранить свое право

на престол и защитить его как от австрийцев, так и от либералов.

Перед огромной толпой, которая под окнами дворца Кариньяно добивалась обещанной конституции (правда, неизвестно, сколько человек осознавало, чем она является на самом деле), Карло Альберто уступил. Вечером 13 марта он подписал, а спустя два дня принял присягу верности ее правам. Он сформировал новое правительство, в котором Сантароза занял пост военного министра.

Когда Карло Феликс получил в Модене письмо от Карла Альберта, в котором тот сообщал ему о всех событиях, он очень рассердился. Посланцу, который принес письмо, он крикнул: «Передайте князю, что если в его жилах течет хоть капля нашей королевской крови, пусть он тотчас же отправляется в Новару и там ожидает моего распоряжения».

Вначале казалось, что Карло Альберто будет сопротивляться, но из Неаполя пришло трагическое известие: австрийские войска разбили подразделения либералов. Парламент был распущен, конституционная система перестала существовать. Тогда молодой князь отправился в Новару. Там он выступил с обращением, в котором отказывался от титула регента и призывал всех к повиновению королю. Потом уехал во Флоренцию, в изгнание.

Возврату Карла Феликса в Пьемонт предшествовали действия австрийских войск, которые разгромили добровольцев Сантароза и «восстановили порядок». Семьдесят вожаков революции было приговорено к смертной казни (однако шестьдесят восемь из них успели скрыться во Франции и Швейцарии), а триста офицеров и чиновников были лишены своих постов.

Волнения 1821 года – по описанию историков того времени – захватили лишь мещан, так называемое среднее сословие. Рабочие и крестьянские слои остались безразличными к этим событиям, более того, были даже настроены к ним неприязненно. Среднее сословие, которое представляли купцы, мелкие торговцы, промышленники, предприниматели, военные и гражданские служащие, участвовали в этой «либеральной революции» с целью захвата власти и получения места бывшей аристократии. Реформы, которых добивались представители этого сословия, не были популярными и демократическими. Право голоса предоставлялось только тем, кто имел соответствующее состояние. Только они могли направлять своего представителя в парламент для защиты своих интересов. Как и предыдущая французская революция, так и революция либералов стремилась перечеркнуть все привилегии за исключением богатства.

### **«Король Божьей милости»**

Карло Феликс возвратился в Турин только в октябре 1821 года. Эта личность с перспективы нашего времени является очень интересной и своеобразной. Он никогда не стремился стать королем. Любил тихую и скромную жизнь, был очень религиозным. Принял престол лишь по «долгу совести». Но с той минуты, как на него вступил, последовательно служил идеям твердого абсолютизма. Считал себя королем «Божьей милости и никого другого». Стремился править своими подданными так, как суровый отец правит в семье своими легкомысленными сыновьями. По его мнению, каждый смертный приговор должен служить «благотворным предостережением» для горячих голов и поэтому согласился на применение раскаленных щипцов и пытки обреченных. Недаром называли его Карлом Жестоким.

Десять лет его правления Дассимо Д'Азелиа выразил в словах: «деспотизм, полный справедливых и благородных намерений. Карло Феликс умер в 1931 году, оставив престол Карлу Альберто».

### **«Длинный и печальный, как великий пост»**

Карло Альберто был на престоле в Турине 33 года. Снискал себе доверие как у сторонников абсолютизма, так и у реакционеров, выступая в Испании против либералов, которые в свою очередь называли его предателем и клятвопреступником.

Это был бледный мужчина, очень высокого роста (2 метра и четыре см), а народ Пьемонта называл его «длинным и печальным, как великий пост». Чтобы доказать всем, что он уже не тот князь, который подписал конституцию, он приговорил к смертной казни семерых сторонников Маццини<sup>6</sup> в Александрии и десять в Генуи, а семьдесят посадил в тюрьму. Но Пьемонт и вся Италия, помимо попыток задержать бег истории, уже изменились. Мещанство получило большое влияние и хотя еще

---

<sup>6</sup> Маццини Джузеппе (1805–1882) итальянский деятель, организатор тайных Союзов Молодежи Италии и Молодой Европы, организатор демократических восстаний. Стремился к воссоединению Италии.

не понимало значения демократических свобод, добивалось свободы торговли с целью возрастания благосостояния всего полуострова.

В то время в Пьемонте строились каналы, осушали болота, корчевали леса, расширяли площади садов, полей, виноградников. Началось выращивание картофеля, которое положило конец голоду в засушливые месяцы. Была расширена сеть дорог, и было начато также строительство железной дороги. Политическое мышление также изменилось.

В конце 1831 года в Марселе Маццини основал тайную организацию «Молодая Италия». Все шире расходилась идея Италии как национального государства, богатого народными и культурными традициями. В 1832 году в Турине Сильвио Пеллико опубликовал свою книгу «Мои темницы», которая потрясла Италию. Австрия, которая до сих пор считалась хранительницей порядка, начала терять свое значение. Автор из Салюццо, который десять лет провел в царских тюрьмах, показал жестокое лицо австрийского правительства, пытающего и угнетающего своих подданных.

## 8. Зеленые годы в Киери

«Лето святого Мартина» выдалось погожим днем 4 ноября 1831 года. Джованни Боско вместе со своим сверстником Джованни Филшшелло направляются пешком в Киери. По пути Джованнино рассказывает своему другу о предстоящей учебе, о прошлых событиях и о предпринимаемых до сих пор попытках. Улучив момент, Филшшелло, простой парень, замечает:

– Ты только начнешь учиться в Коллегии, а уже столько знаешь. Быстро станешь приходским священником.

Джованнино говорит ему серьезно:

– А ты знаешь, что значит быть приходским священником? Он имеет очень важные обязанности. Когда поднимается из-за стола в обед или вечером, он должен задуматься: я-то поел, а не голодают ли мои прихожане? Он должен делиться с бедными всем, что имеет. Дорогой Филиппелло, я никогда не соглашусь стать приходским священником. Я хочу посвятить молодежи всю свою жизнь.

В то время, когда двое юношей путешествовали, рассуждая о голоде и о нищих Лиона, находящегося в 250 км по прямой линии, там начиналась забастовка рабочих шелковой фабрики. Люди тысячами высыпали на улицу, протестуя против низкой заработной платы и бесчеловечно длинного рабочего дня, продолжавшегося до 18 часов в сутки. Забастовка была подавлена после многих дней уличной борьбы. Против рабочих были высланы специальные отряды войск французского правительства. Погибло более тысячи человек!

В следующем году забастовка вспыхнула в Париже, приведя к смерти восьмисот человек. Весной 1834 года лионские и парижские рабочие выступили вновь. Против них была выставлена артиллерия.

Джованнино Боско ничего об этом не знает. Газеты, подверженные строгой цензуре в Королевстве Пьемонта, не передают таких вестей. Революция, о которой время от времени упоминают шепотом, должна принести Италии конституцию и освобождение из-под гнета Австрии. В недалеком будущем эта революция будет названа «Рисорджименто». Нет подозрения на другую революцию, более глубокую, более радикальную, видоизменяющую Северную Европу и ожидающую входа в Италию. Это промышленная революция, с которой связана и рабочая проблема. Почти трагические ее последствия можно будет увидеть через десять лет, когда она дойдет до Турина.

## Среди младших друзей

«Моя квартира – пишет дон Боско – находилась в доме Люции Матта, вдовы, имеющей единственного сына. Она приехала сюда, чтобы вместе с ним жить и заботиться о нем».

Маргарита прибыла в Киери вскоре после Джованнино и направились вместе с сыном к Люции. Один знакомый привез два мешка зерна.

– Это мой сын – сказала она Люции, а это плата. Я сделала все, что меня касалось. Джованнино, думаю, выполнит свои обязанности, и я надеюсь, что вы будете им довольны.

«Первым человеком, с которым я здесь познакомился, был блаженной памяти дон Пласидо Валимберти. Он дал мне добрые советы, проводил к префекту школ и представил профессорам. Поскольку мои знания, полученные до сих пор, были очень поверхностными, мне посоветовали пойти в шестой класс (отвечающий приблизительно первому классу итальянской средней школы).

Учитель, отец Валериано Пугнетти оказался очень сердечным. Он заботился обо мне в школе,

приглашал домой. Он сочувствовал мне по поводу моего возраста, а увидев мою добрую волю, не щадил своих сил. Мой возраст (полные шестнадцать лет) и мое телосложение произвели впечатление великана среди моих малых товарищей. Желая выбраться из такой ситуации, я попросился сдать экзамен экстерном. Через два месяца меня перевели в пятый класс. (Счет классов тогда вели в обратном порядке).

Я с охотой перешел в новый класс, так как воспитателем там был мой дорогой дон Валимберти. Еще через два месяца, получив отличные результаты по всем предметам, я в порядке исключения был допущен к экзаменам и переведен в четвертый класс. Профессором там был Винченцо Цима, человек, придерживающийся строгой дисциплины. Когда в середине учебного года у него в классе появился ученик такой же комплекции, как и он сам, профессор пошутил:

– Этот ученик будет или последним неучем, или большим гением.

Ошеломленный такой необычной встречей, я ответил:

– Чем-то средним. Я бедный парень, но по доброй воле хочу выполнить свои обязанности и продвигаться вперед в учебе.

Эти слова понравились учителю, поэтому с неожиданной любезностью он добавил:

– Если по доброй воле, то знай, что ты попал в хорошие руки! Я не разрешу тебе бездельничать. Не теряй надежды. Если встретишься с трудностями, скажи мне сразу, а я тебе помогу.

Я поблагодарил его от всего сердца».

### Необыкновенная память

Местечко Киери расположено в десяти километрах от Турина. Оно расположилось у подножия Туринских холмов. С другой стороны находится столица Пьемонта. Когда Джованнино прибыл в Киери, там насчитывалось девять тысяч жителей. Это был городок монастырей, ткачей и учащихся, которые прибывали сюда со всех сторон Монферрато и окрестностей Асти, чтобы провести здесь годы учебы. Обучение было бесплатным, но не было и никаких стипендий. Чтобы уплатить за квартиру, многим ученикам надо было хорошенько поработать. Поэтому после уроков они подыскивали какое-нибудь платное занятие: работали у секретарей, убирали в богатых домах, репетировали, присматривали за лошадьми и каретами. Для экономии на топили печи, занимались, укутанные в одеяла, носили на ногах деревянные башмаки.

Разделяя вместе со всеми трудную судьбу, среди этих убогих учеников жил и Джованнино Боско. Время от времени из Суссамбрино приезжала Маргарита и расспрашивала Лючию обо всех новостях. Почтенная вдова делилась с ней добрыми вестями. Джованнино помогал по хозяйству, был набожным и прилежным. Помогал также в учебе ее сыну, хотя был моложе его.

Также и Джованнино искал случая, чтобы заработать денег на оплату. Ему удалось немного заработать в мастерской знакомого плотника. Научился там также владеть рубанком, долотом и напильником.

«Я учился уже почти два месяца в четвертом классе, когда обо мне стали ходить разговоры в связи с незначительным инцидентом. Профессор латыни переводил биографию Агесилауса, написанную Корнелием Непосом. Как раз в тот день я забыл дома учебник, а чтобы скрыть это от учителя, положил перед собой учебник по грамматике. Товарищи это заметили – один из них толкнул приятеля в бок, другой рассмеялся.

– Что здесь происходит? – спросил профессор Цима.

Заметив, что все смотрят в мою сторону, он велел мне повторить перевод, предварительно прочитав отрывок текста. Я встал и, держа в руках учебник по грамматике, повторил наизусть услышанный текст, а также его перевод. Товарищи стали аплодировать.

Господин Цима очень рассердился. Он впервые не мог совладеть с собой и удержать порядок. Он даже хотел меня ударить, но мне удалось увернуться. После этого, положив руку на мою книгу, велел моим соседям объяснить причину этого замешательства.

– У Боско вообще нет текста Корнелия Непоса. В руках у него была грамматика, а он прочитал и перевел задание, как по книге.

Тогда профессор взглянул на книгу, которая находилась у него под рукой, и потребовал, чтобы я продолжал чтение и перевод. Наконец он сказал:

– Я прощаю тебе ради твоей исключительной памяти. Тебе повезло! Старайся употребить ее на пользу».

Свою удивительную память Джованнино продемонстрировал уже дон Калоссо. Но здесь, в Киери, стали происходить поистине странные дела. Однажды ночью ему приснилось задание по ла-

тыни, которое он должен был перевести в классе. Проснувшись, он записал текст, который хорошо запомнил, и перевел его при помощи своего друга, священника. В школе учитель действительно продиктовал этот отрывок текста, и Джованнино смог очень быстро сдать перевод. Что-то подобное случилось с ним еще раз, но теперь уже гладко не обошлось. Джованнино слишком быстро вернул перевод. Профессор прочитал, посмотрел на черновик и остолбенел: на смятом листке бумаги находился также текст, который он хотел предложить ученикам, но в последнюю минуту раздумал, так как текст показался ему слишком длинным.

– Откуда ты взял этот отрывок? – спросил профессор.

– Он мне приснился...

Сон. Событие, обыкновенно не имеющее значения в жизни людей. Но в жизни Джованни Боско «сон» сыграл большую роль. Со временем это слово набирало все большего значения. Это был один из тех вопросов, которые изумляли и не перестают вызывать изумления и по сегодняшний день. Те, кто услышал в Вальдокко, как дон Боско говорил: «я сегодня имел сон» – сразу слушали его внимательно. Во сне этот странный священник видел грехи своих ребят, предвидел смерть королей и блестящую карьеру карапуза, играющего в кегли.

### Братство радости

«В первых четырех классах – пишет дон Боско – я должен был за свой счет научиться, как вести себя с товарищами».

Помимо того, что школа требовала строго христианской жизни (каждый должен был представить карточку, подтверждающую месячную исповедь), хватало и плохих ребят. «Один из них был настолько наглым, что уговаривал меня украсть какую-нибудь ценную вещь у моей хозяйки».

Вначале Джованнино решительно отстранился от этих превратных товарищей, чтобы не попасть как мышь в лапы кота. Но в скором времени его успехи в школе дали возможность наладить с ними другие отношения, основанные на его престиже. Почему же не использовать эту ситуацию и не сделать для них что-нибудь хорошее?

«Товарищи, уговаривавшие меня на плохие поступки, были отстающими в учебе – вспоминает Джованнино. Поэтому они стали приходить ко мне с просьбой помочь выполнить домашние задания».

Джованнино помогал им охотно. Он даже преувеличивал свою помощь, подсовывая под парту готовые шпаргалки (однажды на экзамене он был пойман во время такой «акции» и только благодаря дружественному отношению одного из профессоров, разрешившему ему повторить экзамен, он вышел «сухим из воды».)

«Благодаря этому я снискал расположение и дружбу. Ребята стали искать меня на перемене по поводу заданий, потом начали прислушиваться к моим рассказам, наконец, стали приходить безо всякого повода».

Им было хорошо вместе. Образовалось что-то вроде союза, а Джованнино придумал название: «Братство радости». Обдумал также для него очень простой устав:

1. Строго избегать действий и разговоров, которые бы заставили христианина покраснеть.
2. Выполнять школьные и религиозные обязанности.
3. Быть всегда радостным.

Радость всегда будет представлять главный принцип дон Боско. Доминик Савио, его любимый ученик, сказал: «Святость у нас обосновывается на радости. Мы стараемся избегать греха, который выкрадывает у нас из сердца радость». Радость для дон Боско является проявлением глубокого спокойствия, которое рождается из сознания того, что мы находимся, в руках Бога, а это значит, в хороших руках. Это скромное слово, которым выражается большая ценность: христианская надежда.

«В 1832 году я стал среди моих товарищей вроде капитана небольшого отряда». Мы вместе игрались, прыгали, бегали. Это были очень упорные и очень веселые состязания. Когда все уставали, Джованнино устанавливал на лужайке табуретку и демонстрировал свои фокусы.

«Я доставал сотню цветных шариков, из пустой банки добывал десяток яиц. Ставил шарик на носы зрителей, угадывал сколько денег находится в чужом кармане. Обыкновенным прикосновением пальцев я превращал в порошок монеты из любого металла».

Так же, как и раньше в Бекки, каждая игра заканчивалась молитвой. «В каждый праздник мы

ходили в церковь святого Антония, где иезуиты прекрасно преподавали катехизис, представляя много примеров, которые я помню еще до сих пор».

### Четыре залога канатоходца

Однажды в воскресный день в церкви святого Антония собралось немного слушателей. Дело было в том, что приехал канатоходец, который показывал акробатические номера и призывал более ловких ребят к состязанию с ним в беге и в прыжках. Люди приходили толпами.

Джованни был недоволен, что друзья оставили его одного, но в конце концов также пошел посмотреть на канатоходца, настоящего атлета, который бегал и прыгал с невиданной энергией. Он был намерен задержаться в местечке подольше.

Джованнино собрал самых лучших своих друзей:

– Если этот человек будет продолжать устраивать свои представления в воскресенья днем, то Братству грозит распад. Кто-то должен держать с ним пари и победить его. Тогда он будет вынужден вступить с нами в переговоры.

– Это так, но кто его победит?

– Может кто-нибудь найдется. В конце концов не является он альфой и омегой. А что касается бега, я чувствую себя не хуже его.

Джованнино было семнадцать лет, и он чувствовал себя прекрасно. Но в своих «Воспоминаниях» добавляет: «Я не предвидел последствий моих слов. Какой-то неосторожный товарищ передал весь разговор канатоходцу, и я оказался впутанным в пари – студент будет соревноваться с профессиональным атлетом!»

Местом, выбранным для проверки, была аллея при Туринских воротах. Дело было в том, что предстояло бежать по всему городу. Награда составляла 20 лир, что было равносильно месячной оплате за квартиру. Джованнино не имел столько денег, но друзья из Братства собрали нужную сумму. «За всем этим наблюдала толпа людей» – вспоминает дон Боско.

Двинулись по сигналу. Канатоходец быстро опередил Джованнино примерно на десять метров. Он был отличным спринтером, в то время как Джованнино чувствовал себя увереннее на средних дистанциях. «Я быстро его догнал и оставил далеко сзади, так что в половине пути он остановился и признал мою победу».

На этом все должно было закончиться, но канатоходец потребовал реванша. «Посмотрим, кто победит в прыжках – сказал он. – Держу пари на 40 лир. Мы согласились».

Он выбрал место: надо было перепрыгнуть через небольшой поток, берега которого были обложены кирпичом. Канатоходец оттолкнулся и приземлился на краю противоположного бережка. «Лучше прыгнуть было невозможно – вспоминает дон Боско. – Я мог только проиграть, но не победить. И тут в голову пришла одна мысль. Я выполнил такой же прыжок и, сделав упор на руках, прыгнул еще дальше». Это напоминало прыжок с шестом. И на этот раз Джованнино победил!

Канатоходец был сердит по поводу проигранных денег, а также язвительных реплик зевак. «Я хочу еще раз с тобой сразиться. Выбери какое-нибудь упражнение на ловкость». Я согласился и предложил ему «волшебную палочку», пари возросло до 80 лир. Я взял палочку, на верхний конец ее надел шляпу, другим концом поставил себе на ладонь. Подбросив палочку, я поставил ее на кончик малого пальца, потом среднего, указательного и большого. Перевел ее на тыльную поверхность ладони, на предплечье, плечо, на бороду, губы, кончик носа, на лоб. Возвращаясь обратно таким же путем, палочка оказалась у меня на ладони.

– На этот раз я тебе не уступлю – сказал с уверенностью канатоходец. Взяв ту же палочку, он с поразительной ловкостью довел ее до губ. Однако помешал его длинный нос – палочка зацепилась за него, и надо было схватить ее рукой.

В этот момент Джованнино охватило сочувствие к этому человеку, который в конце концов был хорошим специалистом в своем деле. «Этот бедняга понимал, что капитал его на исходе, и бешено закричал: Я имею еще сто франков и ставлю пари при восхождении на дерево. Кто поставит ноги как можно ближе к верхушке – тут он указал на растущий поблизости вяз – тот победит. Мы согласились и даже в некотором смысле были довольны его победой, так как совсем не хотели его разорять».

Он должен был взбираться первым. Взобрался и остановился так высоко, что если бы поднялся еще хотя на несколько сантиметров, ветвь могла бы сломаться, и он бы упал на землю. Все утверждали, что дальше взобраться невозможно. Подошел мой черед. Я добрался почти до того же места, что и он. А потом, обхватив руками ствол, я поднял свое тело вертикально вверх, и мои стопы оказа-

лись на метр выше той отметки, до которой дошел канатоходец. Внизу грянули аплодисменты. Мои друзья обнимались и прыгали от радости. А тот бедняга совсем отчаялся, даже заплакал. Мы вернули ему деньги, однако с одним условием, что он нас угостит обедом в гостинной «У огады»».

Дон Боско записал даже в «Воспоминаниях», сколько стоил этот обед (25 лир) и сколько осталось канатоходцу (215 лир). Записал также слова атлета, который согласился не мешать больше ребятам:

«Благодаря тому, что вы мне возвратили деньги, я спасен от разорения. Спасибо вам. Буду вас сердечно вспоминать, но уже никогда не буду держать пари со студентами».

## Впервые в Турине

«Братство радости» вышло из этого поединка окрепшим и славным. Во время каникул его члены путешествовали по холмам Суперги. Они собирали грибы, пели песни, иногда делали короткие вылазки в Турин, чтобы увидеть «мраморного коня» на лестнице королевского дворца. Это составляло почти 30 км пешком – дорога туда и обратно. Возвращались с волчьим аппетитом и рассказывали своим ленивым товарищам о чудесах столицы.

Как раз во время одной из таких экскурсий Джованнино Боско впервые увидел Турин. Город рос. Численность населения возросла непомерно – почти на треть за последние десять лет. Возросла также головокружительно цена жилых помещений и арендная плата. Болезненно чувствовалась нехватка больниц, приютов для престарелых, детских домов и школ.

Весной того года, когда Джованнино Боско и его друзья путешествовали по туринским холмам, на периферии города поселился каноник Коттоленго со своими 35 больными, которых не хотела принять ни одна больница. Это было 27 апреля 1832 года. В окрестности Вальдокко дон Коттоленго снял в аренду помещение, бывший трактир, и поселился там вместе с ослом, телегой и двумя сестрами. Над дверью укрепил вывеску: «Малый дом Божьего Провидения». Этот дом вскоре должен был стать чудом Турина. Он откроет двери для 10 тысяч неизлечимых больных, всеми заброшенных.

В июне Джованнино Боско впервые услышал имя Винченцо Джиоберти. Это был молодой туринский священник, профессор философии в университете. Он был арестован за принадлежность к тайному антимонархическому кружку. Его осудили к изгнанию и под стражей доставили к границе Франции. Спустя десять лет священник выпустил в Брюсселе известную книгу «Первенство Италии». А через восемнадцать лет он стал премьер-министром Карла Альберто.

В королевском дворце, на лестнице которого члены Братства радости ласкают мраморного коня, король готовит (медленно, среди опасений и сомнений) необходимые реформы. Первую из них подписывает в 1832 году. Были отменены пытки – этот бесчеловечный пережиток варварского века.

## 9. Время дружбы

Осенью 1832 года Джованнино Боско стал посещать третий класс, так называемую грамматику. Следующие два года учился регулярно в классе гуманистики (1833-34) и риторики (1834-35).

Он по-прежнему был отличником, увлекался книгами, отличался исключительной памятью. «В то время – вспоминает он с оттенком грусти – я не чувствовал разницы между чтением и учением. Я легко мог повторить материал прочитанной книги. Приученный матерью к короткому сну, я мог две трети ночи посвятить литературе, читая при огоньке моей маленькой лампадки. Один книготорговец – еврей по имени Элиас, стал одалживать мне книги итальянских классиков. Я платил по одному сольдо за томик. Ежедневно я прочитывал почти по одному тому».

Джованни исполнилось восемнадцать лет. Это возраст глубокой дружбы. Продолжая оставаться «вожаком маленького отряда», он собирал вокруг себя самых близких друзей.

## Две пощечины

С первым из этих друзей он познакомился во время школьной драки. В то время не все профессора бывали пунктуальными, и первые минуты лекций часто протекали среди шума и суматохи. Во всю шла игра «в лошадку». Те, кто меньше всего увлекался учебой – отмечает с иронией дон Боско – в этой игре были лучшими мастерами. Один из учеников, новичок, на вид которому было лет пятнадцать, среди общего шума занял спокойно свое место за партой и раскрыл книгу. Тут же подбежал к нему один сорванец и схватил за руку:

- Пошли, ты тоже поиграешь.
- Я не умею.
- Научись. Не заставляй себя упрашивать!
- Ты можешь меня даже ударить, но я не пойду.

Хулиган дал ему две пощечины, эхом раздавшиеся по всему классу. Увидев эту сцену, я почувствовал, как кровь начинает кипеть во мне. Я ожидал соответствующей отплаты, тем более, что новичок был сильнее. Тем временем он не прореагировал. Щека его горела, даже приобрела фиолетовый оттенок. А он только сказал:

- Ну что, доволен? А теперь оставь меня в покое. Я тебе прощаю.

В Джованнино как будто ударил гром. Это был геройский поступок. Поэтому он решил узнать, как зовут паренька. Его имя было Алоиз Комолло. С этого времени он стал моим лучшим другом, и могу утверждать, что от него я начал учиться жить по-христиански».

Джованни открыл под его кажущейся слабостью большое богатство души. Не отдавая себе отчета, он стал защитником Комолло, охраняя его от выходок грубых и вспыльчивых мальчишек.

### Правильное применение силы

Один из учителей как всегда опаздывал, и в классе царил невообразимая суматоха. «Некоторые хотели избить Комолло и еще одного хорошего паренька, Антони Кандело – пишет дон Боско. Я требовал оставить их в покое, но хулиганы не послушались и начали ругаться. Тогда я сказал:

– Кто из вас посмеет произнести еще хоть одно оскорбительное слово, будет иметь дело со мной.

Самые большие и наглые выстроились стенкой передо мной, а в это время кто-то ударил Комолло по лицу. Мне потемнело в глазах, но под рукой не оказалось ни палки, ни стула, поэтому я схватил одного из этих парней за шиворот, потряс им, как дубиной. И стал им же бить других. Четыре нападающих упали на землю, другие с криком стали удирать.

Как раз в это время вошел в класс профессор и, увидев летающие в воздухе ноги и руки среди невообразимых воплей, стал наносить слепые удары направо и налево. Когда буря немного притихла, велел объяснить, что было причиной драки. Не веря рассказу, потребовал, чтобы я повторил сцену. Тогда он громко рассмеялся, засмеялись все, и учитель по просту забыл нас наказать.

– Мой дорогой, – обратился ко мне Комолло, когда немного пришел в себя. – Твоя сила приводит меня в ужас. Она дана тебе Богом не для того, чтобы ты расправлялся со своими товарищами. Бог желает, чтобы мы прощали и добром отплачивали тем, кто нас обижает».

Джованнино слушал внимательно. Вскоре они вдвоем отправились к исповеди. Однако не так быстро Джованнино научился выполнять евангельское учение: «если тебя кто-нибудь ударит по правой щеке, подставь ему левую». Он силой воли навязывал себе это приказание, но никогда не выполнял его инстинктивно. Много раз он должен был повторить себе слова, услышанные когда-то во сне: «Не дракой, а любовью будешь завоевывать себе своих друзей».

### Вечера в бильярд мой салоне

В конце 1932/33 года сын Люции Матти заканчивал обучение. Джованнино предстояло искать новую квартиру.

Знакомый их семьи, Джованни Пионта, в то время открыл кафе в Киери и предложил ему место помощника бармена. Утром перед занятиями следовало убрать помещение, вечером – обслуживание бара, потом бильярдного салона. Взамен за это хозяин обеспечивал его дважды в день тарелкой теплого супа и уголком для сна.

Джованнино был согласен, так как ничего лучшего не нашел. Потянулись дни трудной работы, он сидел до глубокой ночи в бильярдной, записывал результаты игры на доске.

В 1988 году (спустя более 50 лет) Пианта еще вспоминал: «Нельзя было найти паренька лучше Джованни Боско. Ежедневно утром он прислуживал при святой Мессе в церкви Святого Антония. Дома у меня была больная старушка – мать. Он оказывал ей удивительное милосердие».

Намного менее достойным внимания было обращение этого жадного хозяина со своим молодым, 18-летним рабочим. Он велел готовить пареньку кофе, шоколад, печенье, мороженое, а давал ему только суп. Это мама Маргарита приносила ему из Бекки хлеб и все остальное. Уголок, который он выделил Джованнино, был «узкой нишей над небольшой печью, в которой пекли печенье, а войти в нее возможно было только по лестнице». Когда Джованнино на своем неудобном матрасе вытяги-

вался во весь рост, его ноги торчали из ниши.

## Иаков Леви, прозванный Ионашем

В школе, которую посещал Джованнино, было несколько еврейских ребят. На основании декрета Карла Фелличио евреи в городах должны были проживать в определенном районе, так называемом гетто. Их считали людьми второго сорта и относились к ним очень плохо. Эти ребята еженедельно переживали серьезную дилемму: в субботу религиозным предписанием им запрещался любой труд, также и все классные работы. Они должны были выбрать: поступать против совести или довольствоваться плохими отметками и язвительными насмешками школьных друзей.

Джованнино многократно помогал своим еврейским товарищам, выполняя за них субботние задания. С одним из них, Иаковом Леви, которого называли Ионашем, он крепко подружился. Они оба потеряли отцов, и это сиротство их особо сдружило.

Это была прекрасная, горячая дружба. «Иаков хорошо играл в бильярд. Я относился к нему с большой приязнью, а он безумно любил меня. Каждую свободную минуту проводил со мной. Мы пели, играли на рояле, читали книги, рассказывали обо всем друг другу».

Однажды какой-то скандал, связанный с дракой, приводит к печальным результатам, и молодой еврей попадает в депрессивное состояние. Джованнино – руководствуясь только чистосердечной привязанностью – предлагает другу самое ценное что имеет: свою веру. Одалживает ему свой катехизис. «На протяжении нескольких месяцев ознакомился он с основными положениями веры и остался очень доволен. Ежедневно на словах и на деле он становился все лучше».

Когда мать Иакова находит христианский катехизис в комнате сына, возникает семейная драма. Она обращается к Джованнино с горькими словами: «Ты меня погубил!»

Джованнино ищет самые соответствующие слова, но это ни к чему не приводит. Под воздействием угроз родных и раввина «Ионаш» на некоторое время уходит из дому. Постепенно спокойствие возвращается. 10 августа в базилике Киери молодой еврей принимает крещение. Сохранившийся в архиве официальный документ гласит: «Я, Себастиан Схиоппо, теолог и каноник, имея полномочия преподобного и почтенного архиепископа Турина, торжественно окрестил молодого еврея Иакова Леви, 18 лет, назвав его именем Людовик».

Ионаш остался навсегда другом дона Боско. Еще в 1880 году он приходил в Ораторию Вальдокко навестить его и вспомнить вместе прекрасное время прошлого.

## Яблоки Бланхарда

Супы синьора Пианты, конечно, не утоляли аппетита 18-летнего Джованнино Боско. В те времена он часто голодал. Заметив это, один из его приятелей, Джузеппе Бланхард, бежал к своей матери, которая продавала фрукты, и набивал свои карманы яблоками и каштанами. Добрая женщина понимала, что это означает, но делала вид, что ничего не видит. Часто дома за столом Джузеппе также опорожнял корзину с фруктами по той же причине. Однажды его брат Леонардо вскипел:

– Мама, ты никогда ничего не видишь. Джузеппе целыми килограммами уносит фрукты, а ты даже этого не замечашь.

– Прекрасно вижу. – ответила женщина. – Однако я знаю, кому он носит яблоки. Джованнино хороший парень, а голодать в его возрасте очень неприятно.

Несмотря на голод, Джованнино всегда находил пару сольдо для одолжения книг у еврея Элисея. Ночами он поглощал их содержание. Заметил это Пианта, который позже рассказывал: «Много раз он всю ночь напролет проводил над учебниками, а утром я опять находил его при горящей лампаде читающим и поглощенным учебой». Неизвестно, что больше впечатляло господина Пианта: сила воли паренька или же количество израсходованного масла в лампадке. Дон Боско также вспоминает те времена: «Часто случалось, что надо было утром вставать, а я еще держал в руке книгу, которую начал читать вечером». Но тут же добавлял: «Это отразилось серьезно на моем здоровье. Поэтому я всегда буду советовать делать только возможное, но не более. На собственном горьком опыте я убедился, что ночь предназначена для отдыха».

Джованни Боско не был каким-то необычным исключением, он был юношей доброжелательным и беспокойным. Выносливости и правильному пониманию предела его, как и других, учила жизнь.

## 10. Трудное решение

Март 1834 года. Джованнино Боско оканчивает класс гуманистики и подает прошение о принятии его в орден францисканцев. Школьный друг, Эугениус Никко, приносит ему ответ.

– Тебя ожидают в Турине на экзамене в монастыре Матери Божьей де Ангелюс.

Джованнино направляется туда пешком. В списке принятых монастыря появляется запись: «Юноша Джованни Боско из Кастельнуово принят с отличным результатом. Отвечает всем требуемым условиям. 18 апреля 1834 г.».

Сразу же Джованнино готовит документы для поступления в монастырь «Депла Паче» в Киери.

Почему он решился на этот шаг? Ему исполнилось уже 19 лет, и он решил, что наступила пора определить свою будущую жизнь. Он трудился и терпел, потому что хотел стать священником. Но в последние месяцы опять столкнулся лицом к лицу с трагической проблемой бедности. Он признался в этом своему другу из Кастельнуово, Эвазио Савио: «Ведь моя мама не сможет мне постоянно помогать во время учебы». На эту тему он разговаривал также с несколькими францисканцами, а те, хорошо его зная, тотчас же предложили: «Приходи к нам. Не будет проблемы даже с оплатой, которую вносят новации при вступлении в монастырь». Как исключение, Джованни Боско должен был быть освобожден от оплаты.

### Крестьянка в черной шали

В конце апреля Джованнино направляется к своему приходскому священнику и просит у него документы, необходимые для вступления в монастырь. Дон Дассано посмотрел на него с сомнением:

– Ты хочешь в монастырь? А хорошо ли ты подумал над этим?

– Мне кажется, да.

Спустя несколько дней дон Дассано посетил усадьбу в Суссамбрино и разговаривал с мамой Маргаритой:

– Джованнино хочет стать францисканцем. Я не против, но мне кажется, что ваш сын больше подходит для работы в приходе. Он умеет обращаться с людьми, привлекать к себе ребят, его все любят. Почему же он должен укрыться в монастыре? Кроме этого, Маргарита, хочу вам ясно представить дело: Вы уже немолода и небогата. Сын – настоятель прихода, всегда вам поможет в старости, а сын – монах будет для вас потерян. Я убежден, что вы должны отговорить его от этого намерения. Мне кажется, что это только послужит вашему добру.

Набросив на себя шаль, мать Маргарита отправляется в Киери.

– Дон Дассано был у меня и сказал, что ты хочешь вступить в монастырь. Это правда?

– Да, мама. Я надеюсь, что ты не будешь иметь ничего против.

– Послушай меня внимательно, Джованнино: Я хочу, чтобы ты все спокойно обдумал. Если решишь – иди своим путем, не оглядываясь. Здесь самое важное, чтобы ты выполнил Божью волю. Приходский священник хочет, чтобы я повлияла на смену твоего решения, так как в будущем я могу нуждаться в твоей помощи. Но я тебе говорю: в этих делах мать не в счет. Я бедной родилась, жила убого и хочу бедной умереть. Более того, хочу сказать тебе сразу, что если бы ты, к своему несчастью, стал богатым священником, нога моя не ступит в твой дом. Запомни себе это хорошенько.

Старая крестьянка в черной шали говорила решительным тоном и с огромной энергией, которую излучало ее лило. Дон Боско никогда не забыл этих слов.

### Очень странный сон

Джованнино уже почти принял решение, когда случилось непредвиденное. Спустя много лет, он вспоминает об этом так: «За несколько дней до моего вступления в монастырь мне приснился странный сон. Мне казалось, что я вижу толпу монахов в разодранных рясах. Они бежали в различных направлениях. Один из них подошел ко мне и сказал: „Ты ищешь покоя, но здесь его не найдешь. Бог готовит тебе другое место и другую жатву“».

Сон – дело обычное, ничего не значащее. Однако Джованнино должен был учесть, что для него сны были чем-то важным, хотя, быть может, не всегда удобным.

Он открыл душу перед своим другом Алоизом Комолло и получил ответ, типичный для этого набожного юноши, горячо верующего:

Отслужи новенну и напиши письмо моему дяде – приходскому священнику, а потом уже слепо слушайся. «В последний день новенны – вспоминает дон Боско – я вместе с Алоизом исповедался,

принял Святое Причастие, выслушал Св. Мессу, потом служил к другой мессе у алтаря Матери Божьей Милосердной. После возвращения домой нас ожидало письмо от дона Комолло, дяди Алоиза, который писал: „Учитывая все обстоятельства, я бы не советовал твоему другу вступать в монастырь. Пусть станет семинаристом“».

### **«Почему не посоветуешься с доном Кафассо?»**

Стать семинаристом – означало поступление в семинарию. Но откуда взять деньги? Эвазио Савио, друг Джованнино, подсказал ему:

– Иди в Турин и посоветуйся с доном Кафассо. Это лучший из священников, которые родились в Кастельнуово. Джузеппе Кафассо было всего 23 года, но он считался одним из лучших духовных руководителей душ. Много сомневающихся и встревоженных обращалось к нему за советом. Он жил в Турине в церковном интернате, совершенствуя курс теологии и одновременно занимаясь больными и заключенными.

Джованнино пришел к нему и представил свои сомнения. С большим спокойствием, не колебась, дон Кафассо сказал:

– Пройди курс риторики, потом поступай в семинарию. Проведение Божье объявит, чего ожидает от тебя. Относительно денег – будь спокоен, кто-то об этом подумает.

Во время этого разговора Джованни Боско столкнулся с важным элементом равновесия в своей жизни. Бурный темперамент водил его всегда среди мечтаний, проектов, сомнений, успехов и разочарований. Дон Кафассо, спокойный и уравновешенный, стал для него тактичным другом, мудрым советником и молчаливым благодателем.

## **11. Сутана и семнария**

Облачение семинаристов в те времена было важным событием. Кандидат в сан священника снимал с себя штатский костюм и надевал длинную черную сутану. Она должна была ему напоминать: «Хочу стать священником и жить так, как подобает священнику».

Воскресенье 25 октября. В церкви Кастельнуово перед обедней настоятель должен облачить Джованнино в сутану. Джованни Боско приближается к алтарю, неся перекинутое через плечо семинарское одеяние.

«Когда настоятель, дон Цинцано, велел мне снять штатский костюм, при словах „Господь да разденет тебя из человека старого с его привычками и способом поведения“ – я отметил про себя в глубине души: „Сколько устаревшего надо устранить! Боже мой, уничтожь все мои порочные привычки“. А потом, когда он добавил: „Да облачит тебя Господь в человека нового, сотворенного на подобие сердца Божьего, в справедливости, правде и святости“ – я вздохнул: „Боже мой, лишь бы только я в самом деле начал новую жизнь, согласно Твоей воле. Мария, приди мне на помощь!“»

### **Семь строчек, совершивших переворот в жизни**

После Святой Мессы – неожиданность. Дон Цинцано просит Джованнино сопутствовать ему на храмовом празднике в местности Барделла.

«Я согласился, но не очень охотно, только чтобы не огорчить дона Цинцано. Этот момент не был для меня подходящим. Я чувствовал себя как марионетка. Несколько недель я сосредоточенно готовился к этому дню, а тут вдруг оказался за праздничным столом среди людей, которые пришли сюда посмеяться, поговорить, поесть, попить и поразвлекаться. Что же общего с ними мог иметь кто-то, кто несколько часов назад получил одеяние святости, чтобы целиком посвятить себя Богу?»

По дороге домой настоятель спросил меня, почему я был таким задумчивым. Со всей искренностью я ответил, что происходящее там совсем не соответствовало утреннему торжеству. Вид священников, которые вели себя несерьезно среди подвыпивших гостей, произвел на меня удручающее впечатление. Если бы я должен был стать священником, подобным этим – добавил я – лучше уже сразу снять это одеяние».

Последние четыре дня, отделяющие Джованнино от поступления в семинарию, провел он в молчаливом размышлении. Сформулировал себе в это время семь постановлений, которые означали коренной поворот в его прежней жизни. Они звучали так:

- 1 Не буду посещать развлечений, театров, публичных представлений.
2. Оставлю свои фокусы и хождение по канату.
3. Буду придерживаться умеренности в употреблении еды, питья и отдыха.
4. Буду читать книги исключительно религиозного содержания.
5. Буду бороться с мыслями, разговорами и литературой, выступающими против невинности.
6. Ежедневно сделаю хотя бы краткое размышление и духовное чтение.
7. Ежедневно буду рассказывать о событиях и делиться мыслями, которые могут оказать положительное влияние.

«Я подошел к иконе Пресвятой Девы и решительно обещал исполнить эти постановления, даже за цену наибольших жертвований».

Не всегда это ему удавалось, так как и он имел свои человеческие слабости, но основное направление в работе было определено.

### **«Этих слов я никогда не забуду!»**

30 октября Джованнино должен был прибыть в семинарию. Накануне вечером в Суссамбрино он укладывал в небольшой сундучок свое приданное, которое приготовила ему мама Маргарита.

«Моя мать – пишет он – смотрела на меня такими глазами, будто хотела мне что-то сказать. Улучив момент, отвела меня в сторону и сказала:

– Джованнино, ты получил одежду священника. Я чувствую огромную радость, которую может в связи с этим переживать мать. Однако помни, что не одежда вызывает уважение у людей, а добродетель. Если когда-нибудь ты бы засомневался в своем призвании, ради Бога, не запятнай этого одеяния. Сними его сразу. Лучше я буду иметь сына – бедного земледельца, чем священника, который бы пренебрегал своими обязанностями. Когда ты родился, я посвятила тебя Матери Божьей. Когда начал учиться, я велела тебе любить эту нашу Матерь. Теперь поручаю тебе целиком довериться Ей. Я плакал, когда она взволнованно окончила речь.

– Мама – прошептал я – спасибо тебе за все, что ты сделала для меня. Твои слова я никогда не забуду.

Ранним утром я отправился в Киери и в тот же день вечером поступил в семинарию».

С высоты белой башни солнечные часы послали ему первое приветствие. Под щитом часов виднелась надпись: «Печальным время тянется медленно, радостным – быстро проходит». Это было хорошее жизненное правило для молодого человека, которому в этих стенах предстояло провести 6 лет.

### **Железное расписание занятий**

В семинарии обязывало строгое расписание дня – точное до минуты. Распорядок дня, вывешенный в углу зала рядом с колокольчиком, вмещал в себе весь перечень часов, получасов и четвертей. В конце каждого занятия звонарь приближался к колокольчику и звонил. На звон колокола вся семинария выходит, разговаривает, погружается в молчание, учится, молится. Первое, чему учатся молодые, переступившие порог семинарии, это то, что звон колокола является голосом Бога.

Расписание занятий в семинарии в Киери было очень строгим. Оно было установлено королем Карло Феликсо и обязывало все школы в королевстве. Даже для лиц княжеского происхождения не предвидилось никаких снисхождений. Можно убедиться в этом, просмотрев распорядок дня, которого должен был придерживаться наследник трона, пятнадцатилетний князь Виктор Эммануил, проживающий в королевском дворце в Турине.

«Подъем в 5.00; Святая Месса – 7.00; занятия с 9.00 до 12.00. Потом обед. С 14.00 до 19.30 – занятия в школе, ужин. В 21.00 – вечерняя молитва и сон. По воскресеньям – две мессы: перед завтраком „тихая“ в часовне дворца, после него Обедня в Кафедральном соборе».

Питание было очень простым. «Следует принимать пищу для того, чтобы жить, а не наоборот, – это одно из часто повторяемых правил.

Минутами, когда молодые люди могли почувствовать себя несколько свободнее, была перемена. Дон Боско вспоминает, как они ожесточенно в то время играли в карты. «Я не был превосходным игроком, однако выигрывал почти всегда. В конце игры я имел полные горсти денег, но, видя товарищей, удрученных проигрышем, чувствовал себя печальнее их. Кроме того, мои мысли были по-

стоянно заняты картами, и во время лекции или молитвы перед моими глазами часто вставали то трефовые короли, то валеты. Поэтому на втором курсе философии я решил покончить с этим делом».

Джованнини решился на этот шаг после большого выигрыша. Один из семинаристов, беднее его, упорно добивался реванша, но постоянно проигрывал и в конце концов, чувствуя себя совершенно побежденным, чуть ли не расплакался. Сконфуженный Джованнини вернул ему весь выигрыш и решительно порвал с картами навсегда.

### Глоток кислорода в четверг

Был один день – четверг, который прерывал монотонность семинаристских занятий. В послеобеденное время – вспоминают друзья Джованнини – привратник громко звонил и выкрикивал на пьемонтском наречии:

– Боско из Кастельнуово!

Семинаристы, которые только и ждали, чтобы немного развлечься, слаженным хором кричали:

– Боско из Кастельнуово!<sup>7</sup>

Джованнини тоже смеялся и радовался, так как знал, что у ворот его ожидают члены Братства радости, которые хотят встретиться с ним, рассказать ему все новости. Ведь это друзья из гимназии, ребята, которых он развлекал своими фокусами и рассказами. Они хотят, чтобы он снова был среди них.

Один из семинаристов, товарищ Джованнини по спальне, рассказывает: «Многие ребята радостно окружали его. Он разговаривал с каждым и весело проводил с ними время». После разговоров, шуток, смеха – несколько минут в часовне, у ног Мадонны.

Четверг был для Джованнини своеобразным глотком свежего воздуха, это было продолжение дорогой ему «оратории» со времен гимназии.

### Среди богатой молодежи

В пору нестерпимого зноя почти каждое лето вспыхивала эпидемия холеры. Была вспышка и в 1836 году. В Турине поселился страх. Иезуиты ускорили выезд своих воспитанников из колледжа дел Кармине в замок Монтальдо – чудесное место отдыха. Они подыскивали заслуживающего доверия попечителя спальни, который мог бы также давать уроки греческого языка. Дон Кафоссо направил туда семинариста Боско. «Сможешь заработать себе пару лир» – сказал он ему.

С 1 июля по 17 октября Джованнини впервые пребывал среди молодежи из зажиточных семей, наблюдал вблизи достоинства и недостатки молодых «барчуков». Убедился там «как трудно снизить среди них такой авторитет, который позволил бы священнику сделать что-нибудь для их добра». Он пришел к выводу, что Бог призывает его к деятельности лишь только среди бедной молодежи.

В будущем он глубоко убедился, что так же, как не было ему дано призвание к воспитанию женской молодежи, так же не был он призван и к воспитанию детей богатых.

## 12. Сбывшиеся мечты

24 июля – праздник Св. Иоанна Крестителя. Ежегодно для Джованнини – это день именин и начало длинных, четырехмесячных каникул.

Он одолевает тракт, ведущий из Киери в Кастельнуово, потом тропинкой идет к Суссамбрино. В общем – двенадцать километров – порядочное расстояние. Во дворе брата его приветствует громкое пение петухов и застенчивая улыбка прелестной племянницы.

Джузеппе женился два года назад. В 1933 году он взял себе в жены двадцатилетнюю Марию Калоссо, девушку из Кастельнуово. Первая их дочь Маргарита прожила только 3 месяца. Весной 1985 года родилась Филомена, тихая девочка, которая с восхищением смотрит на дядю Джованнини. Он строгаёт, работает на токарном станке, в кузнице, кроит и шьет одежду, мастерит ей чудесные тряпичные куклы.

На кустах винограда уже появились зеленые гроздья, на полях белеет рожь. Окончив работу в

<sup>7</sup> Боско – по-итальянски означает «лес» Кастельнуово – «Новый замок». Получается «лес из Нового замка».

своей незатейливой мастерской, Джованнини с серпом в руке становится в длинный ряд жнецов. Пот выступает у него на лбу под широкой соломенной шляпой. Он чувствует огромную радость от своей работы на свежем воздухе после восьмимесячного сидения за школьной партой.

3 ноября 1937 года Джованнини начинает в семинарии курс теологии. Теология – это учение о Боге, оно является основной наукой для кандидата в священники. Курс в то время продолжается пять лет.

### Кавур, Маццини и Гарибальди

В 1837 году будущие руководители «Ризорджименто», движения, которое потрясет Италию, были еще рассыпаны по свету.

Джованни Мастаи-Феретти, который в 1846 году будет избран папой, был тогда епископом Имо-ли. Ему было всего 45 лет, и он считался «епископом без предрассудков», так как осуждал выходы папской полиции и являлся другом графа Пасолини, самого известного в городе либерала.

Камилло Кавуру<sup>8</sup> было 27 лет, он был управляющим земским имением в Лери. В длинных сапогах, соломенной шляпе на голове он неумоимо странствовал с утра до вечера по полям и лугам, по рисовым плантациям. В 1831 году служил молодым подпоручиком в генуинском гарнизоне. Услышав о революционных вспышках в Модене и Болонии, он призывал: «Да здравствует республика!» Переведенный в Балле д'Аоста, бросил военную службу. Отец, комендант полиции, «сослал» его в деревню. Между сбором винограда и риса он ездил по Европе, восхищался парламентом в Париже и Лондоне. Встречая итальянских политических беженцев, он называл их «шайкой безумных дураков и фанатиков, из которых охотно бы сделал навоз под свою свеклу».

Тридцатидвухлетний Маццини был недавно удален из Швейцарии, откуда руководил революционными заговорами. Устроился теперь в одном из домов на периферии Лондона. Писал статьи в газеты, чтобы заработать на хлеб. Он отрастил бороду и, надев черный костюм, ходил по туманным улицам города.

Джузеппе Гарибальди,<sup>9</sup> который после неудачной революции Маццини в Сабаудии, бежал в Южную Америку, осел в Бразилии. Ему было 30 лет, он был корсаром на южных морях в службе «революционного правительства» в Рио Грандо. Немного погодя, одел свой «итальянский легион» в легендарные красные рубахи, купив за бесценок в Монтевидео целый запас фартуков, предназначенных для мясников в Аргентине.

Семнадцатилетний Виктор Эммануил жил в королевском дворце в Турине, как в суровой казарме. Он был обязан сопровождать своего отца на всех торжествах и аристократических приемах, стоя целыми часами рядом с ним. Единственные минуты радости он переживал в конюшне. Разговаривал на родном диалекте с конюхами, смело и задорно ездил верхом. Мечтал о действиях, обожал свободу.

Близко и далеко – история неумолимо катилась вперед. Малые и большие события, чередуясь, двигали ее вперед.

В 1836 году Морсе открыл электротелеграф и свою азбуку точек и тире. Вскоре в мире стали передавать телеграммы на листках бумаги. Сначала это было доступно только для правящих кругов и крупных издательств, потом для всех.

В 1837 году во время эпидемии холеры в Торре дель Греко умер Яков Леопарди. Ему было всего 39 лет. В Англии вступила на трон королева Виктория, начав свое очень долгое правление, во время которого Великобритания стала великой колониальной державой.

В 1838 году умер маркиз Танкреди ди Бароло, бывший синдик Турина. Овдовев, его жена решила отдать свое состояние в пользу несчастных женщин. Благодаря этому в окрестностях Турина, параллельно делу Коттоленго, стала развиваться помощь для женщин, пребывающих в тюрьмах, и для падших женщин.

1839 году Фердинанд II построил первую железнодорожную линию в Италии на трассе Неаполь – Гранателло, а Жак Дагуерре сконструировал первый фотоаппарат. Этому скромному изобретателю обязан кое – чем и дон Боско: он является одним из первых святых, точный портрет кото-

---

<sup>8</sup> Камилло Кавур (1810–1861) – первый премьер объединенной Италии, союзник Наполеона III в войне с Австрией 1859 г. Боролся с церковью.

<sup>9</sup> Гарибальди Дж. (1807–1882) – итальянский борец за объединение государства, противник папского государства, участник войны с Австрией. В 1860 г. захватил Сицилию и Неаполь, соединяя Северную и Южную Италию.

рого мы имеем благодаря фотографии.

### **«Но люди не понимают»**

Каникулы 1838 года. Теолог Джованни Боско приглашен произнести первую проповедь в Алифано, в праздник Матери Божьей от Розария. Позже он об этом так вспоминает:

«Настоятель, дон Джузеппе Пелато, был человеком большого благочестия и мудрости. Я попросил его сказать, что он думает о моей проповеди. Он ответил:

- Очень красиво, правильно. Вы станете хорошим проповедником.
- А люди поняли проповедь?
- Немногие. Понял ее мой брат-священник, я и еще несколько человек.
- Но ведь это были простые вещи.
- Это вам они кажутся простыми, а люди понимают их с трудом.
- Что же тогда делать?

– Надо оставить классический стиль, проповедовать на местном наречии или, в крайности, на литературном языке, но очень доступно, доступно, доступно! Вместо обобщенных выводов надо давать поучительные примеры, делать простые и практичные сравнения. Прошу запомнить, что люди не успевают за оратором, и что истины веры надо излагать самым простым способом».

Дон Боско пишет, что этот совет был одним из самых ценных указаний в его жизни. Он помнил об этом во время проповедей, катехизации и писательской работы.

### **«Священник не идет на небо один...»**

26 мая 1841 года дьякон Джованни Боско начинает реколекции (говение), которые должны приготовить его к посвящению в духовный сан. По желанию своего духовного руководителя в эти дни он долго размышляет над словами псалма: «Кто же вступит на гору Господню и кто встанет в Его святом месте? Тот чьи руки невинные и сердце чистое». Оглянувшись на свою жизнь, он видит, что чудесным образом его руки остались чистыми с тех пор, когда Маргарита впервые сложила их к молитве. В своей тетрадке дон Боско отмечает: «Священник на небо не идет один, не один он также отправляется и в ад. Если он творит добро, пойдет на небо вместе с душами, которых спас своим добрым примером. Если делает зло, сеет совращение, пойдет на гибель вместе с душами, осужденными на вечные муки из-за его совращения. Поэтому приложу все старания, чтобы выполнить следующие обещания». Здесь следуют девять обязательств, которые он принял за основу в своей жизни. В большинстве они повторяют обязательства, принятые в день облачения. Три из них, однако, отражают характерное углубление того, что в будущем стало «стилем священника» дона Боско. Они следующие:

- Время должно быть всегда занятым.
- Если дело касается спасения душ – страдать, действовать, унижаться всегда и во всем.
- Во всем руководствоваться любовью и кротостью Св. Франциска Салезского.

### **Священник на века**

5 июня 1841 года. В часовне Дворца Архиепископа, одетый в белую альбу, лежит, распростершись перед алтарем, Джованни Боско. Орган играет суровые тона григорианских мелодий. Присутствующие священники и семинаристы призывают поочередно великих святых Церкви: Петра, Павла, Бенедикта, Бернарда, Франциска, Екатерину, Игнатия...

Побледневший в последние дни от волнения, утомленный Боско поднимается и становится на колени у ног архиепископа. Алоиз Францони лежит на его голову свои руки и призывает Святого Духа снизойти и сделать его священником на века. Спустя несколько минут, присоединяя свой голос к голосу архиепископа, Джованни Боско начинает свою первую Св. Мессу совместно с архиепископом. Он стал «доном Боско».

«Мою первую святую Мессу – напишет он позже – я отслужил в церкви Св. Франциска Ассизского, в ассистенции дона Джузеппе Кафассо, моего преподобного благодателя и руководителя. Меня с нетерпением ожидали в моей деревне (а это была как раз Троица), где на протяжении долгих лет не было ни одной примиции. Но я предпочитал отслужить ее в Турине, без шума, у алтаря Св. Ангела Хранителя. Я могу назвать этот день самым прекрасным днем моей жизни. В молитве за умерших я вспомнил моих близких, благодателей, особенно дона Калоссо, которого я всегда считал

большим и великодушным человеком. Существует набожное убеждение, что Бог всегда оказывает милости, о которых просит священник, отправляя свою первую мессу. Я горячо молил о действительности слова, чтобы иметь возможности делать добро душам».

Свою вторую святую Мессу дон Боско отслужил перед алтарем «Консолата» (Матери Божьей Утешения) в большом Святилище Марии в Турине. Подняв глаза, он увидел Мадонну, светящуюся подобно солнцу, которая семнадцать лет назад обратилась к нему во сне: «Будь покорным, сильным, стойким». Теперь наступало время, когда он «все должен будет понять».

Затем в четверг, в праздник Божьего Тела, дон Боско отслужил святую Мессу в своей родимой местности.

Радостно заливались колокола. Все толпились в большом храме. «Меня любили – вспоминает дон Боско – и каждый делил со мною радость».

Удивленные малыши узнавали, что этот священник был когда-то малым фокусником. Взрослые вспоминали его, как компаньона игр и школьного товарища. Старики из окрестных холмов помнили, как много раз бежал он босиком с книгами под мышкой по дороге в школу.

В тот памятный вечер мама Маргарита улучает минутку, чтобы поговорить с сыном наедине. Обращаясь к нему, говорит:

– Теперь ты священник, находишься ближе к Иисусу. Я не читала твоих книг, но ты запомни, что тот, кто начинает отправлять святую Мессу, начинает страдать. Быть может, ты сразу этого не заметишь, но со временем убедишься, что твоя мать говорила правду. С этого времени думай только о спасении душ. Обо мне совершенно не беспокойся.

### 13. Первые шаги

Что же теперь будет делать дон Боско? Он образован, хотя и беден, он хочет работать. Получает три предложения для работы. Одна дворянская семья из Генуи хочет иметь его воспитателем своих детей. В те времена многие богатые семьи предпочитали содержать у себя личного учителя, нежели отдавать детей в публичные школы. Обязанностью учителя было обучение и воспитание их сыновей и дочерей. Почти всегда эта миссия поручалась священникам, так как они относились серьезно к своим обязанностям. Патриции из Генуи предлагают дону Боско гонорар в тысячу лир в год (превосходное жалованье в те времена).

Жители родной округи просят его принять обязанности капеллана в Мориальдо. Они заверяют, что жалованье будет выше в два раза предусмотренного.

Настоятель из Кастельнуово, дон Цинцано, предлагает стать его заместителем (викарием). Он тоже обеспечивает его хорошим жалованьем. Как ни удивительно, но все говорят о деньгах, будто бы тот факт, что он стал священником, означал также достижение хорошей финансовой позиции. Одна лишь мать Маргарита, женщина, которая всегда считалась с каждой копеечкой, чтобы как-то связать концы с концами, напоминает: «Если ты разбогатеешь, ноги моей не будет в твоём доме».

Дон Боско отправляется в Турин к дону Кафассо.

– Что я должен сделать? – спрашивает он.

– Не приступайте к работе пока нигде. Придите, пожалуйста, сюда, в пансион для священников для усовершенствования образования.

Дон Кафассо умеет смотреть далеко в будущее.

Он знает и понимает, что запас человеческих и духовных ценностей дона Боско не стоит исчерпать только в одной семье или деревне. Турин – большой город и на его территории можно будет как следует использовать духовное богатство молодого священника. Новые микрорайоны, новое время, новые проблемы. Дон Кафассо должен будет только сдерживать дона Боско в его слишком глубоком увлечении разного рода деятельностью.

### Первое открытие – нищета в предместьях

Интернат для священников был размещен в здании бывшего монастыря, расположенного при костеле Св. Франциска Ассизского. В этом здании дон Луиджи Гуала при помощи дона Кафассо готовит 45 молодых священников к новым обязанностям. Они должны стать «священниками по масштабу времени и общества, в котором им придется жить».

Подготовка продолжается 2 года (для дона Боско в порядке исключения – три года), Две конференции – утром и вечером – ограничивают молодых священников. Первую проводит дон Гуала,

вторую – дон Кафассо. Остальное время священники используют для услуг в городе: в больницах, тюрьмах, в благотворительных заведениях, во дворцах и общественных зданиях, в мансардах под крышами домов. Они проповедуют в церквях, обучают катехизису, опекают больных и стариков.

С 1841 года дон Кафассо является духовным руководителем дона Боско, который постоянно исповедуется у него, советуется перед принятием каждого важного решения, посвящает его в свои жизненные планы и проекты, а также выполняет его поручения.

До этого времени дон Боско был знаком только с нищетой деревни. Не имел понятия, как выглядит и что собой несет нищета на периферии города. Дон Кафассо поручает ему: «Пойдите, пожалуйста, и посмотрите». «Начиная от первого воскресенья – подтвердит потом дон Руа – дон Боско исходил различные улочки и переулки, чтобы присмотреться, как живут молодые ребята».

Его охватил ужас. Предместья, как бы пропитанные ферментом и бунтом, стали очагами отчаяния. Молодежь бродила по улицам, не имея занятия, работы, была несчастна и способна ко всякого рода преступлениям.

## Рынок молодых рук

Рядом с главным рынком города дон Боско нашел настоящий «рынок молодых рук». «Часть города, расположенная поблизости Порта Палаццо – пишет дон Лемоин – кишела от молодых бродячих торговцев, продавцов спичек, чистильщиков обуви, трубочистов, мальчишек из конюшни, помощников базарных торговцев – влачащих свое жалкое существование изо дня в день».

Дети из бедных семей, часто безработных, искали любое занятие, чтобы только заработать на ложку супа. Это были первые результаты массового наплыва мигрантов, которые искали работу и, подобно живому черному кольцу, окружали город.

Дон Боско встречал здесь поднимающихся на подмостки помощников каменщиков, подростков, которые искали работу в магазинах или предлагали услуги трубочистов. Он замечал, как они играли на деньги на углах улиц, с ожесточенными лицами, готовые на все, лишь бы добыть себе какие-нибудь средства, чтобы проложить дорогу в жизнь. Когда он приближался к ним, они сразу же удалялись, бросая на него подозрительные и презрительные взгляды. Это были не те дети, которых он видел в Бекки. Эти не ждали от него рассказов и фокусов. Это были «волки» – дикие звери из мальчишеских снов Джованнино, хотя в их глазах отражался преимущественно страх, а не дикость.

## Промышленная революция

Все эти ребята, блуждающие по улицам Турина, были печальным плодом события, которое всколыхнуло мир – плодом промышленной революции.

В 1769 году в Англии Джеймс Ватт получил патент на паровую машину. Используя тепловую энергию, он привел в движение рычаги и приводной ремень. Одна машина Ватта, мощностью 100 лошадиных сил, равнялась мощности 880 человек. Устанавливая несколько таких машин, одна только прядильная фабрика могла выпустить столько шерсти, сколько ее производили до сих пор 200 тысяч человек. Для обслуживания такой прядильной фабрики достаточно было 750 человек.

Наступила эпоха фабрик и рабочих – пролетариев. До сих пор преобладали земледельцы, торговцы и ремесленники. Среди ремесленников были такие, которые пряли шерсть и хлопок в своих мастерских, используя собственную рабочую силу. Облегченная фабричная продукция резко снизила цену тканей и расширила рынок. Одновременно возросло потребление металлов (для продукции машин, станков) и добыча угля, что позволило применить паровую машину и для этих целей. Широко развернулось строительство железных дорог, паровозов и других средств транспорта.

В то же время, благодаря достижениям медицины и гигиены на поле битвы со смертельными эпидемиями чумы, оспы и других болезней, значительно возросла численность населения Европы. Бели в 1800 году в Европе было 180 млн человек, то уже в 1850 году стало 260 млн.

Стремительное увеличение числа фабрик привело к упадку ремесла. Массы людей в поисках работы двинулись из деревень в города. Фабрики становились центрами, в которых огромное количество людей выполняло одну и ту же работу в пользу одного владельца.

В Англии начали возникать промышленные города. Началась великая промышленная революция. Родившаяся в Англии, она быстро захватила Францию, Германию, Бельгию и, наконец, Америку.

По мнению историков, эта революция привела к самым радикальным изменениям в истории человечества.

Впервые такая «революция» произошла в древнюю эпоху. Тогда еще люди составляли разобщенные группы охотников – жестоких и примитивных. В результате этой «неолитической революции» они превратились в земледельцев и животноводов. Эта первая перемена в человеческой истории проходила на протяжении тысяч лет, и человек имел время постепенно к ней приспособиться.

Вторая большая революция – промышленная – захватила земной шар и встряхнула его на протяжении каких-нибудь 150–200 лет. Она открыла дверь к совершенно новым, неизведанным источникам энергии: к углю, нефти, динамиту, электроэнергии, атому. Результаты, достигнутые в промышленности, – огромны. Никогда до сих пор не было такого достатка, какой принесло развитие промышленности.

Численность населения мира тоже стала стремительно расти: в 1750 году – 750 миллионов, в 1850 году 1 миллиард 200 млн, в 1950 году – два с половиной миллиарда, а сейчас нас уже четыре миллиарда.

Резко и коренным образом изменились обычаи, взгляды, образование, модель семьи. Новые поколения стали перед лицом огромных проблем: бесконтрольного натурального прироста, растущего вооружения, необходимости усовершенствования образования, экологических проблем, проблем старых людей.

С другой стороны – благодаря индустриализации – человечество смогло покорить природу, перечеркнуть расстояния, сорвало оковы, державшиеся тысячелетиями.

### Цена прогресса

Неожиданный прогресс, особенно в первые сто лет, потянул за собой огромные расходы. «Меньшинство очень богатых людей навязывало условия настоящего рабства беспредельному множеству пролетариев» – писал папа Лев XIII в энциклике «Рерум новарум». В нынешние времена рабочие проблемы начинают выходить на первый план. В промышленных центрах рождается новый класс – рабочий, богатством которого являются только собственные руки и руки детей. Условия жизни этих людей устрашающие.

В 1850 году половина английского населения проживает в городах. Но жилища рабочих – это чаще всего вонючие и сырые подвалы, в которых в одном помещении гнездится вся семья без воздуха и света.

На фабриках не соблюдаются никакие правила гигиены, нет никакого другого регламента, кроме навязанного владельцем. Плата за труд ничтожная, недостаточная. Питанием часто служит крапива. Распадаются семьи, распространяется алкоголизм, преступность, профессиональные болезни.

Работают не только мужчины и женщины, работают также дети, жизнь которых становится кошмаром. Усталость (стоят весь день на ногах), переутомление, недосыпание часто приводят к несчастным случаям. Жизнь этих несчастных существ очень коротка.

Около 1890 года французский, немецкий и бельгийский пролетариат оказались в условиях английского пролетариата. Рабочие семьи с трудом влачат существование. На хватает денег на врача, лекарство и одежду. Средняя продолжительность жизни рабочего, в период 1830–1840 годов составляет 17–19 лет! В этот период как раз и выступают рабочие Лиона и Парижа, требуя улучшения условий жизни, но выступления были жестоко подавлены.

### Общественная ситуация в Италии

Промышленная революция пришла в Италию с опозданием, так как здесь не хватало сырья и капитала. Первые ткацкие мастерские, которые превратились в большие объединения, были сосредоточены в ломбардско-венецианском округе, принадлежащем к Австрии (прядильня шерсти Росси в Шиио в 1817; Марцотто в Вальданио 1836). Механическая промышленность возникла в 1846 году в Милане. Развитие итальянской промышленности было медленным и трудным.

Рудольф Морандо изображает жизнь в текстильных фабриках в Ломбардии следующим образом: «В огромных прядильных цехах шелка, в которых работало по 100–200 человек, было очень много детей. Поручались им высокомеханизированные процессы, так что через некоторое время дети совершенно тупели. Рабочий день зимой продолжался тринадцать часов, летом – пятнадцать, шестнадцать. Помещения были сырыми и антигигиеничными. Очень ранний подъем, продолжительная работа в вынужденной позе, часто приводили к различным болезням – туберкулезу, рахиту, опухолевым заболеваниям. Более 15 тысяч детей и подростков таким образом проводили свои самые пре-

красные годы».

Промышленная революция коснулась Турина только в 1841 году. Это были годы стремительного развития города. За последнее десятилетие (с 1838–1848 г.) численность населения возросла с 117 до 137 тысяч (т. е. на 17 %). Разрасталось строительство. Как раз в этом десятилетии было построено 700 новых домов, в которых поселилось семь тысяч семей. Миграция только что начиналась, достигнув своего апогея в 1849/50 годах. Тогда насчитывалось от 50 до 100 тысяч вновь прибывших со всей страны.

Сюда прибывают не только разоренные семьи, но и молодые одинокие люди из Валь Сессии, Балли ди Ланцо, из Монферрато и Ломбардии. На строительных площадках дон Боско замечает «детей от восьми до двенадцати лет, оторванных от своих деревень, которые работают помощниками каменщиков, проводят целые дни на опасных высоких подмостках, на солнце и ветре, поднимающиеся по крутым лестницам с ведрами, наполненными раствором, кирпичами, детей, лишенных воспитания, выставленных на грубые ругательства и побои».

Вечером рабочие семьи возвращаются на чердаки. Это единственная жилая площадь, которую они могут нанять по доступной для себя цене. Дон Боско навещает и эти помещения. Отмечает, что они «низкие, тесные, убогие и грязные, служащие одновременно спальней, кухней а зачастую также и рабочей мастерской».

### Надо им помочь

Толпы молодежи бродят бесчинно по улицам и берегам реки Па, преимущественно по воскресеньям. Они смотрят на богатых людей, довольных своей жизнью, которые проходят мимо, не замечая их пролетарской бедности и нужды.

Дон Боско быстро делает выводы. Этим ребятам нужна школа и работа – это обеспечит им более надежное будущее. Надо создавать им такие условия, в которых они почувствовали бы себя действительно детьми, чтобы могли свободно бегать и прыгать по зеленым лужайкам, а не влачить убогую жизнь на тротуаре. Они должны встретиться с Богом, чтобы открыть и реализовать собственное достоинство.

Дон Боско не был первым и единственным человеком, который это понял. Карло Альберто тоже увидел необходимость помощи самым низким слоям общества. Но он был обеспокоен прежде всего другой революцией – политической, которая уже висела в воздухе. Она должна была вспыхнуть в 1848 году. Не сводя глаз с Австрии, которая была противницей всяческих уступок в деле гражданских свобод, он осторожно передвигался с позиций абсолютизма к положению умеренных либералов. Этот длинный путь привел его в конце концов к тому, что он стал протагонистом первого «Ризорджименто».

Карло Альберто был также обеспокоен общественными условиями, создавшимися в его королевстве. Он поддерживал все благотворительные и просветительные мероприятия для народа.

Священники и политики были в то время разделены на сторонников и противников либеральных взглядов. Все они, однако, боролись сообща с моральной и материальной нищетой людей. Как раз в это время и было основано в Турине около двадцати школ для взрослых рабочих.

Дон Боско же был поглощен проблемами молодежи. Видя это, дон Кафассо решил целиком вовлечь его в эту деятельность.

## 14. Действовать немедленно

Жители Турина именуют дона Кафассо «капелланом виселицы», так как он посещает тюрьмы и утешает узников. Если кто-нибудь из них получает смертный приговор, дон Кафассо сопровождает его к месту казни и поддерживает морально.

Однажды, совершая свой обычный обход, дон Кафассо приглашает с собой и дона Боско.

Темные коридоры, черные влажные стены, печальные и бледные узники оставляют угнетающее впечатление. Все это вызывает в нем внутренний протест.

### Ребята за решеткой

Больше всего жаль ему несовершеннолетних преступников. «Меня охватил ужас, когда я увидел большое число юношей в возрасте от 12 до 18 лет, здоровых, сильных, развитых, которые там

бездействовали, усеянные вшами, лишённые духовной и материальной пищи».

Он возвращался сюда много раз один и вместе с доном Кафассо. Старался заговорить с молодыми узниками не только во время урока катехизиса, на котором присутствовали охранники, но также и во время индивидуальных встреч. Вначале реакции ребят в ответ были неутешительными. Не раз проглотил он горькие слова оскорбления, но постепенно некоторые из них стали обретать доверие, и он мог разговаривать с ними по-дружески. Он узнал печальные пути их жизни, злобу, ненависть, которая привела их к жестоким преступлениям. Самым частым преступлением была кража. Причиной тому был голод, желание добыть чего-нибудь больше чем мизерное содержание, зависть к богатым, которые эксплуатировали молодых, погружая их в нищету.

Ребята питались черным хлебом и водой. Они должны были слепо подчиняться охранникам, которые боялись подростков и поэтому избивали их по малейшему поводу. Держали их под ключом в больших общих помещениях. Самые отъявленные из них становились для остальных «учителями жизни».

«Меня наиболее поражал тот факт – пишет дон Боско – что многие из них, выходя на свободу, хотели вести себя лучше, но вскоре опять садились за решетку».

Дон Боско старался найти причину этого явления. Он пришел к выводу, что ребята «были предоставлены самин себе». У одних из них вообще не было семьи, от других родные отказались, так как тюрьма покрыла их позором. Дон Боско пишет: «Я сказал себе: эти ребята должны найти на свободе какого-нибудь друга, который бы занялся ими, повел в воскресенье в церковь, тогда бы они не возвращались в тюрьму».

Постепенно удалось ему войти в доверие к нескольким арестантам. «По мере того, как я указывал им человеческое достоинство – вспоминает дон Боско – они стали чувствовать радость в сердце, делали попытки исправиться». Однако, часто, возвратясь к ним, он заставлял все свои усилия сведенными на нет. Лица опять были ожесточенными, голоса пропитаны сарказмом и проклятиями. Дон Боско не всегда мог подавить в себе чувство горечи. Однажды он разрыдался. Это был момент растерянности.

– Почему этот священник плачет? – спросил кто-то.

– Потому, что он любит нас. Моя мать тоже плакала бы, увидев меня здесь.

### Непоколебимое решение

Выходя из тюрьмы, дон Боско принял непоколебимое решение: «Любой ценой нельзя допустить, чтобы молодые ребята попадали за решетку. Я обязан стать спасителем этой молодежи».

«Я известил об этом дона Кафассо – пишет дон Боско – и по его совету стал искать возможности осуществить мое решение!»

Другие священники в Турине также искали решения молодежных проблем, между ними – дон Джованни Кокжи, священник из провинции Друэнт. Он стал священником в 1836 году, когда дон Боско только поступил в семинарию. В Мосхино, бедном и слыущем дурной славой селении поблизости Ванхилия, основал он в 1841 году первую воскресную ораторию Турина и отдал ее в покровительство Ангелу Хранителю.

Дон Боско, накопив печальный опыт после посещения тюрем, тоже думал об оратории, но ежедневной. Он хотел основать центр, где ребята, лишённые семьи, могли бы найти друга, а молодые бывшие узники получить помощь и поддержку. Оратория должна была быть открытой не только по воскресеньям для катехизиса, но и ежедневно на протяжении недели, как место дружеских встреч, опеки, игр и работы.

### Для начала одно «Аве Мария»

День 8 декабря 1841 года положил робкое начало осуществления этого намерения. Прошло тридцать пять дней со дня прибытия дона Боско в интернат. Он сам описывает этот факт нежно и просто:

«В праздничный день Непорочного Зачатия Марии я как раз одевался к служению Святой Мессы, когда семинарист – ризничий Джузеппе Комотти, заметив стоящего в углу парнишку, попросил его послужить мне к Мессе.

– Не умею – ответил смущенный паренек.

– Иди же – повторил ризничий – будешь прислуживать к мессе.

– Не умею, я никогда не прислуживал.

– Ты, олух – сказал ему разгневанный ризничий. – Если не умеешь прислуживать к Святой Мессе, то зачем пришел в ризницу?

Говоря это, он схватил палку от щетки и стал колотить ею парня по рукам и по голове. Паренек бросился бежать, но я громко окрикнул:

– Что ты делаешь? Почему его избиваешь?

– А зачем он приходит в ризницу, если не умеет прислуживать к мессе?

– Нельзя его за это бить.

– А почему он вас интересует?

– Это мой друг. Прошу сейчас же позвать его сюда. Я должен с ним поговорить.

Паренек вернулся встревоженный. Он был коротко острижен, одежда его была испачкана извесью. Это был молодой иммигрант. По всей вероятности близкие наказали ему: когда будешь в Турине, пойди на святую Мессу. Он пришел, но не смел войти в церковь, где были празднично одетые люди. Попытался войти в ризницу, как это было принято в деревнях, где мужчины и подростки участвовали в богослужении, стоя в ризнице.

Я обратился сердечно к нему:

– Ты уже выслушал святую Мессу?

– Нет.

– Тогда пойдем сейчас вместе. Потом я хочу поговорить с тобой об одном приятном деле.

Он обещал остаться. После отправления Святой Мессы и благодарственной молитвы, я отвел его в боковые хоры и спокойно спросил:

– Мой милый друг, скажи мне, как тебя зовут?

– Бартоломео Гарелли.

– А из какой ты местности?

– Из Асти.

– Кем ты работаешь?

– Каменщиком.

– Отец твой жив?

– Нет, умер.

– А мать?

– Она тоже умерла.

– Сколько тебе лет?

– Шестнадцать.

– Ты умеешь читать и писать?

– Нет.

– А петь умеешь?

Парень, утирая глаза, посмотрел на меня удивленно и ответил:

– Нет.

– А свистеть умеешь?

Бартоломео рассмеялся. Этого как раз мне было и надо. Мы уже становились друзьями.

– Ты уже принял Первое Причастие?

– Еще нет.

– А ты уже исповедовался?

– Да, но когда был еще маленьким.

– Ты посещаешь занятия катехизиса?

– Не смею, так как младшие ребята смеются надо мною.

– А если бы я стал вести уроки катехизиса отдельно для тебя, ты бы пришел?

– Охотно бы пришел!

– Даже сюда?

– Конечно, только бы меня никто не побил.

– Будь спокоен, теперь ты мой друг, и никто тебя не ударит. Когда ты хочешь начать занятия?

– Когда Вы пожелаете.

– Может сразу?

– С удовольствием!»

Дон Боско опустился на колени и прочитал Аве Мария. Спустя сорок пять лет он говорил своим салезианцам: «Все благословения, которые послало нам небо, являются плодами этого первого Аве Мария, прочитанного страстно и с добрым намерением».

Окончив молитву, дон Боско для начала велел пареньку перекреститься, но заметил, что Барт-

ломео сделал только неопределенный жест, очень мало напоминающий крестное знамение. Тогда он мягко показал ему, как это делается. Он стал разъяснять ему на родном диалекте (ведь оба происходили из провинции Асти), почему мы называем Бога «Отцом». Наконец сказал:

– Я бы хотел, Бартломео, чтобы ты пришел также и в следующее воскресенье.

– Хорошо, я приду.

– Но ты приходи не один. Приведи своих товарищей.

– Бартломео Гарелло, каменщик из Асти, стал первым посланцем дон Боско среди молодых рабочих своего участка. Он рассказал своим товарищам о своей встрече с симпатичным священником, «который умеет свистеть», и о его приглашении. Спустя четыре дня, в воскресенье, в ризницу пришли девять юношей. Они пришли «искать дона Боско». Так родилась оратория.

### «Немедленно»

После беседы с Бартломео Гарелли было произнесено слово «немедленно». Кажется, что это одно из многих слов. Однако оно оказалось подобным зернышку, которое после посева дает всходы.

В то время (1841 год) слово «немедленно» стало лозунгом целой группы туринских священников.

В период неуверенности, вызванной первой промышленной революцией, когда невозможно было найти прекрасных и готовых планов действия, эти священники всю свою энергию приложили к тому, чтобы «немедленно», «тотчас же» сделать что-нибудь для бедных ребят и людей, утопающих в нищете.

Это «немедленно» стало особо характерным для дона Боско, а потом и его салезианцев, которые специализировались в «неотложной помощи» для заброшенной молодежи. Необходимость, невозможность ожидания торопила дона Боско к действию.

Надо делать что-то *немедленно* – писал он – так как бедная молодежь не может позволить себе роскошь ожидания реформ, планов, революции системы. Ясно, что одного «немедленно» не хватит. Верно говорят, что «если встретишь голодного, вместо того, чтобы дать ему рыбу, научи его ловить ее». Но правильным является и обратное толкование этой мудрости «если встретишь умирающего от голода, дай ему готовую рыбу с тем, чтобы потом он научился ловить ее». Недостаточной является безотлагательная помощь, но также недостаточным будет и ожидание лучшего будущего, так как между тем бедные погибнут от нищеты.

Дон Боско и его первые салезианцы сосредоточат свое внимание на «безотлагательном» вмешательстве. Они научат ребят катехизису, дадут им хлеб, образование, работу, гарантируемую честным договором. И будут ожидать того, чтобы другие католики, совместно с социалистами, коммунистами, анархистами приготовили планы и добились необходимых реформ у тогдашних властей, которые лицемерно отмежевались от конфликтных ситуаций рабочих, позволяя богатым быть все сильнее, а бедным – угнетенными.

## 15. За хлебом и любовью

На амвоне в церкви св. Франциска молодой священник воодушевленно читает проповедь. У бокового алтаря, на ступеньках балюстрады, несколько ребят – помощников каменщиков – дремлют, прислонившись друг к другу.

Дон Боско проходит к ним и притрагивается к первому. Все просыпаются, сконфуженные. А священник улыбается и тихо спрашивает:

– Почему дремлете?

– Мы ничего не понимаем из проповеди – шепчет самый старший из них.

– Ведь этот священник проповедует не для нас – добавляет его сосед.

– Пошли со мной!

Он ведет их в ризницу.

«Среди этих ребят были Карло Буцетти, Джованни Гарибальди и Германо» – с волнением рассказывает дон Боско своим первым салезианцам. Это были маленькие ломбардские каменщики, которые на протяжении последующих тридцати-сорока лет будут сопровождать его и которых на Вальдокко все хорошо знали. «В то время они были обыкновенными подмастерьями, теперь все стали мастерами».

В ризницу пришел также Бартломео со своими товарищами. Число ребят увеличивалось. Дон

Боско помогает им молиться, читает специально для них маленькие проповеди, проповедует оживленно, в форме диалога, переплетенного фактами и интересными сообщениями. Потом все усаживаются на скамейках и слушают отправляемую им Св. Мессу.

Первая половина дня тянется долго. После Св. Мессы и завтрака хочется поиграть. Первые такие игры проходят во дворе интерната.

### Образки и булки

В послеобеденное время, если позволяет погода, дон Боско ведет ребят на холмы, к речке или во храмы, посвященные Марие.

В первую зиму он решает собрать только тех ребят, которым грозит наибольшая опасность, особенно тех, кто вышел из тюрьмы. Но на протяжении всей своей жизни он никогда не сможет отказать никому, кто только пожелает быть с ним. В скором времени формируется группа из плотников, каменщиков, штукатуров, мостильщиков, которые приходили в город из отдаленных районов, а во время так называемого «мертвого сезона» (декабрь – март), не могли возвратиться домой.

Дон Гуала и дон Кафассо исповедуют их, беседуют с ними, помогая дону Боско. Оценивая должным образом эту дружескую помощь, дон Боско отмечает с некоторой озабоченностью: «Они охотно давали для моих ребят образки, медальончики с изображением святых, книжечки». Но его молодые каменщики и бывшие заключенные больше, чем в медальончиках и образках, нуждались в другом. Именно это имел ввиду дон Боско, вспоминая: «Я получил также средства, чтобы одеть нескольких наиболее нуждающихся, некоторые получали даже несколько недель хлеб, пока сами не зарабатывали на него».

Постоянной заботой на протяжении недели стало для дона Боско подыскивание работы для ребят, а также забота об улучшении условий тем, кто уже работал.

«Я посещал их во время работы в мастерских и на стройке. Это очень радовало моих ребят, особенно, когда они осознали, что кто-то по-дружески заботится о них. Также и работодатели были довольны и охотно брали молодых рабочих, которые находились под опекой в будние дни и в праздники».

Бывшие заключенные были весьма деликатной проблемой. Дон Боско старался каждого устроить к какому-нибудь порядочному ремесленнику. Потом на протяжении недели навещал их. Результаты были хорошие: «Ребята начинали честную жизнь, забывали свое прошлое, становились хорошими христианами и порядочными людьми».

Каждую субботу дон Боско посещал тюрьму, продолжая там самую трудную апостольскую деятельность. Он пишет: «Я отправлялся в тюрьму с карманами, набитыми табаком, фруктами, булками. Моей целью было оказать поддержку этим юным несчастливцам, которые там оказались, снять их дружбу, ободрить, пригласить прийти в ораторию, как только они выйдут из места заключения».

### Мальчик из Каронно

Пришла весна. Маленькие каменщики, которые на зиму ушли в свои родные места, опять вернулись в город. Группа дона Боско растет с каждым днем. Из Каронно Варесино прибыл также и младший брат Карло Буцетти, Джузеппе. Ему только что исполнилось десять лет. Он привязывается к дону Боско и остается ему верным на всю жизнь. Он никогда его не оставляет. С весны 1842 года до рассвета 31 января 1888 года, когда дон Боско умер, Джузеппе Буцетти сопровождает его всегда, становясь тихим и молчаливым свидетелем человеческой и Божьей судьбы священника, «который его любит». Много событий из жизни дона Боско можно было бы отнести к легендам в наше недоверчивое время, если бы не смотрели на них глаза простого каменщика из Каронно, который всегда был рядом, в двух шагах от «своего» дона Боско.

### «Если бы я имел только ломтик хлеба...»

То, что так крепко привязывает ребят к дону Боско – это его доброта, полная глубокой сердечности. Они чувствуют эту доброту и видят ее в конкретных делах и в трогательных жестах. В любое время дня дон Боско в их распоряжении.

Если они хотят научиться читать и считать, дон Боско сам находит для этого время или же подыскивает охотных к этому людей. Если случается злой хозяин или ребята лишились работы – тотчас

же он старается найти выход из положения, просит своих друзей найти работу и порядочного хозяина. Если же они срочно нуждаются в деньгах, то знают, что дон Боско готов отдать им все содержимое своего кошелька.

Если случается серый, печальный день, они говорят ему: «Придите к нам». Дон Боско приходит. Заходит в мастерские и на строительные площадки. Само появление его и беседа с ним уже приносят облегчение. Одно из его изречений, часто повторяемое ребятам, которое они хранят в памяти, как величайшее сокровище, звучит: «Я люблю тебя так крепко, что если бы однажды я имел только кусочек хлеба, то разделил бы его с тобой!»

Если приходится сделать кому-нибудь замечание, он никогда не делает его при других, чтобы не унижать виновника. Бели что-нибудь обещает, готов прыгнуть в огонь, но обещание выполнит.

Ребята любят его и привязываются к нему безгранично. Встреча с этим священником является для них радостным событием.

На виа Милано, недалеко от ратуши, встречает он подростка с покупками. Паренек несет бутылку постного масла и сосуд с уксусом, но, заметив дону Боско, бежит ему навстречу, приветствуя:

– Добрый день, дон Боско!

Масло и уксус угрожающе хлюпают в бутылках. Дон Боско смеется, увидев радость паренька, и шутит:

– Поспору, что не сможешь сделать того, что сделаю я!

И начинает хлопать в ладоши. Обрадованный встречей паренек не понимает шутки. Он сует бутылки под мышки и начинает хлопать в ладоши, крича:

– Да здравствует дон Боско!

Увы – бутылки падают на землю и раздается звон стекла. Паренек стоит с огорченным видом.

– О, я несчастный, дома получу от мамы взбучку...

– Успокойся, как-нибудь найдем выход из положения!

Они заходят в лавку, и дон Боско покупает мальчику масло и уксус.

### **Руководство папе, а итога Карлу Альберта**

В 1843 году в Брюсселе изгнанник из Пьемонта Винченци Джиоберти<sup>10</sup> издает книгу, вызвавшую большую шумиху. Книга называется «О моральном и гражданском примате итальянцев». На страницах этой книги описаны основные умеренные идеи либерального реформизма, позднее названного неогвельфизмом. Величие Италии – утверждает Джиоберти – неразрывно связано с величием папства. Независимость Италии может быть достигнута при помощи федерации итальянских государств под руководством папы. Руководство принадлежит папе, а шпага – Карлу Альберто – это предложение становится девизом неогвельфов. Карло Альберто остается довольным, но с опасением поглядывает на Австрию.

### **«Сутана слишком тонкая»**

30 апреля 1842 года в Киери умирает каноник Коттоленго. В его Малом Доме находятся несколько сотен неизлечимых больных. Пару лет назад пригласил его к себе министр финансов.

– Вы являетесь директором Малого Дома Божьего Провидения?

– Нет, я только обыкновенный работник Провидения.

– Пусть будет так. Но откуда вы берете средства для содержания всех этих больных?

– Я уже вам сказал, от Провидения.

Министр, привыкший «шагать по земле», анализировать приходы и расходы, различные балансы, потерял терпение.

– Но деньги, Ваше преподобие, деньги! Откуда вы их берете?

– Бот тебе на! Ведь я уже два раза повторил. Божье Провидение обеспечивает нас всем необходимым, нам всего хватает. Я умру, вы, господин министр, тоже умрете, но Провидение будет продолжать заботиться о бедных из Малого Дома.

Так и было в действительности. После смерти каноника Каттоленго его функции стал выпол-

---

<sup>10</sup> Винченци Джиоберти (1801–1852), священник, профессор теологии и философии Туринского университета, премьер королевства Сардинии (1848–1849), один из руководителей восстания 1848 г. Был сторонником соединения Италии под духовной властью папы и военной – короля. Усердный защитник церкви.

нять каноник Англезио. Малый Дом продолжал спокойно действовать между главным рынком города и домами, принадлежащими маркизе де Бароло.

В те дни дон Боско вспомнил свою первую встречу с дон Коттоленго. Тогда он только что приехал в Турин и пошел посмотреть Малый Дом. Каноник спросил его фамилию, местность, откуда он происходил, а потом – как это было в его привычке – шутливо и весело сказал:

– Вы производите впечатление очень порядочного человека. Придите поработать в Малый Дом. А работы здесь хватает.

Дон Боско и в самом деле часто заглядывал в Малый Дом, исповедовал больных и проводил целые часы с ребятами-инвалидами. Однажды Коттоленго встретил его опять (при этой встрече присутствовал паренек Доминик Боссо), пощупал краешек сутаны дона Боско и заявил:

– Она слишком тонкая. Постарайтесь достать более крепкую, так как многие будут иметь желание за нее ухватиться.

### **Какая это будет радость!**

Действительно, ребята липли к этой сутане. В меру того, как проходило время, число ребят возрастало. Их уже было больше ста. Они нуждались не только в хлебе и работе, но также и в вере, которая утоляет голод, когда недостает хлеба. Дон Боско, который был не столько филантропом, сколько прежде всего священником, заботился прежде всего о том, чтобы ребята могли свободно встретиться с Богом.

«Это было для меня большим переживанием – пишет он – когда на протяжении недели, а особенно в праздничные дни, я видел вокруг моей исповедальни сорок или пятьдесят ребят, ожидающих иногда долгое время исповеди».

А ребятам нелегко было исповедоваться. Дон Боско учил их, внушая простые правила: «Если сам не умеешь выразиться, попроси духовного отца, чтобы тебе помог. Этого будет достаточно, он тебе поможет, даст несколько вопросов и все уладится». Натуральным завершением исповеди было Святое Причастие, которое многие его воспитанники принимали еженедельно.

Также во время обыкновенных бесед, среди игр и прогулок, дон Боско спокойно говорил ребятам о Боге. Находясь среди своих озорников, он свободно переходил от веселых шуток и дружеских препираний к беседам о небе. В минуты большой радости, глядя на ребят, говорил:

– Какая же это будет радость, когда мы все окажемся в небе!

Иногда целыми часами беседовали о добре и зле, о жизни, о вечности. Некоторые спрашивали его:

– Буду ли я спасен?

На это дон Боско отвечал:

– Хотел бы я посмотреть, как ты идешь в ад! Ты думаешь, что Бог для того сотворил небо, чтобы оно оставалось пустым? Конечно, чтобы залезть так высоко, нужны самопожертвования, но я хочу, чтобы мы все встретились там, вверху. Какая же это будет радость!

## **16. Дон Боско. Маркиза и молодежь**

Наступило лето 1844 года. Окончен третий год пребывания дона Боско в интернате.

Дон Кафассо отправляется в околицы Вальдокко и навещает дона Бореля, духовного отца Приюта, основанного маркизой де Бароло.

– Я хотел бы прислать сюда энергичного священника. Ему понадобится комната и какое-нибудь вознаграждение.

– Но здесь даже мне нет работы. Что он тут будет делать?

– Прошу представить ему свободу действий. Если вы беспокоитесь насчет вознаграждения, я возьму это на себя. Этого священника зовут Джованни Боско. Он сейчас живет в интернате и работает в оратории для бедных ребят. Если мы не найдем ему постоянной работы в городе, архиепископ направит его викарием куда-нибудь в деревню, а его ребята окажутся на улице. Это был бы большой ущерб.

– Значит, хорошо. Я поговорю об этом с маркизой.

Дон Кафассо возвращается в интернат и говорит дону Боско:

– Соберите, пожалуйста, свои вещи и идите в Приют. Будете там работать вместе с доном Борелем и одновременно заниматься своими ребятами.

## Власяница под изысканным нарядом

Джулия Франциска Кольберт занимала одно из первых мест в то время среди туринского общества. Она бежала из Франции перед революцией и вышла замуж за маркиза Карло Галетти да Бароло, который в 1825 году занимал пост синдика Турина.

Маркиз умер в 1838 году, оставив бездетной вдове огромное состояние. Маркизе в то время было 53 года. Она носила власяницу под изысканными платьями и всецело посвятила себя работе среди бедных. Много месяцев подряд она проводила по 3 часа ежедневно в женской тюрьме. Она терпела различные оскорбления, унижения ради того, чтобы сделать узницам что-нибудь хорошее. Получила, наконец, разрешение властей на разъединение мужской и женской тюрьмы. Она перевела узниц в более приспособленное и подходящее для их здоровья помещение. Организовала также приюты и «семьи» для молодых работниц.

В Вальдокко, поблизости Малого Дома дона Коттоленго, маркиза открыла Приют для уличных женщин, которые хотели начать новую жизнь. Здесь же, рядом, она открыла дом под названием «Магдалинки» для девочек до четырнадцати лет, которые подверглись опасности морального упадка.

В 1844 году она начала свое третье мероприятие – стройку небольшого Лазарета имени Св. Филомены для больных и неполноценных девочек.

Она лично руководила всеми своими делами, не переставая быть в то же время самой элегантной и полной жизни женщиной. В ее салонах собирались самые выдающиеся интеллектуалисты того времени. Сильвио Пелмеко был ее секретарем и в ее дворце написал книгу «Моя темница». Камилло Кавур также принадлежал к числу ее друзей и поверенных. Однажды дон Борель пришел к маркизе.

– Я нашел духовного отца для Малого Лазарета. Его зовут дон Боско, он до сих пор работал в интернате.

– Хорошо, но ведь Лазарет еще только строится. Поговорим об этом через полгода.

– О нет, маркиза. Если мы сразу не устроим дону Боско, его пошлют в другое место. Дон Кафассо мне его очень рекомендовал. Он мне рассказывал об оратории, основанной этим священником. Было бы большим ущербом, если бы эта оратория перестала существовать.

Маркиза попросила подробнее рассказать ей обо всем. Переубежденная, она назначила дону Боско жалованье в 600 лир ежегодно и выделила комнату рядом с помещением дона Бореля, поблизости от Приюта.

При первой же встрече с маркизой дон Боско попросил у нее разъяснения и гарантий. Он был согласен работать в Приюте, но при условии, что не оставит своих ребят. Попросил также, чтобы ребята, когда только захотят, могли свободно приходить к нему на протяжении всей недели.

Почти шестидесятилетняя маркиза была еще полна жизненной энергии. Она была довольна этой беседой. Разрешила также молодому священнику собирать своих ребят на территории по соседству со строящимся Лазаретом. Обещала также при первой возможности отдать дону Боско две комнаты в новом здании. Они могут потом быть заменены на часовню.

Мало-мальски все начинало устраиваться.

## Ягнята превращаются в пастухов

Субботний день 12 октября 1844 года. Дон Боско в раздумье. Завтра он должен сказать своим ребятам, что оратория будет переведена в Вальдокко. Его беспокоит будущее оратории. «Этой ночью мне опять приснился сон – пишет он – который мне показался дополнением к тому сну, который мне приснился в Бекки в девятилетнем возрасте».

Во сне он видит целую стаю волков. Он хочет бежать, «но какая-то Синьора в одежде пастушки указывает мне знаками, чтобы я пошел за стадом, которое она привела. Три раза мы останавливаемся. При каждой остановке многие из животных стада превращались в ягнят. Я очень устал и хотел присесть, но Пастушка просила продолжать путь. Наконец, мы оказались на просторном дворе, окруженном внутренней галереей, в конце которой находился храм. Число ягнят очень возросло. Появилось также много пастухов, которые должны были заняться ими. Однако они недолго задерживались. И тут случилось чудо! Многие барашки превратились в пастухов, которые занялись стадом. Пастушка попросила меня посмотреть на юг. Я увидел какое-то поле... „Приглянись еще раз“ – сказала она мне. Тогда я увидел величественный высокий храм... Внутри этого храма белела полоса, на которой огромными буквами была изображена надпись: Здесь находится дом мой, отсюда разойдется слава моя».

Дон Боско заметил в конце своего рассказа: «Я не очень в это поверил, но понял все, по мере того, как сон стал осуществляться. Более того, этот сон послужил мне программой в принятии решений».

### **«Где же дон Боско? Где оратория?»**

Воскресенье 13 ноября. Дон Боско извещает ребят о переводе оратории в район Приюта. Все растерялись. Тогда он рискнул принять то, что видел во сне за действительность и весело объявил: «Там нас ожидает большое помещение, построенное специально для нас, где можно будет бегать, прыгать, петь». Все обрадовались. Каждый с нетерпением ждал, чтобы увидеть все своими глазами.

Воскресенье 20 ноября. Группы ребят оставляют позади городской шлагбаум и спускаются в район Вальдокко, который расположен ниже. Да самого правого берега Доры здесь простираются луга и поля, среди которых располагаются дворики. Малый Дом дона Коттоленго и Приют маркизы Бароло находятся недалеко от трактира и деревенских построек, в которых живут спокойные люди. Ребята не знают куда, им идти. Они стучат в двери и спрашивают:

– Дон Боско! Куда же девался дон Боско? Где же оратория?

Местные жители, которые часто встречают здесь банды озорников, относятся к ним с подозрением и отвечают:

– Какая еще оратория? Какой дон Боско? Убирайтесь отсюда, пока не поздно! Быстро! Иначе прогоним вас палками!

«Услышав шум, я вышел из дому вместе с доном Борелем. Стало тихо, и ребята подбежали к нам» – пишет дон Боско в своих «Воспоминаниях».

Здесь было много места, чтобы бегать и играть. Но не было подходящего места для молитвы, исповеди, отправления Св. Мессы.

– Большое помещение, которое я вам пообещал, пока еще не готово, но кто захочет, может прийти в мою комнату или в комнату дона Бореля, – сказал ребятам дон Боско.

«В результате всего этого в следующее воскресенье и до декабря месяца мы все толпились, как селетки в бочке. Комната, коридор, лестница – все было набито до отказа ребятами. Мы вдвоем слушали исповеди, но желающих было двести. А кто же может удержать в тишине двести ожидающих ребят?. Один хотел разжечь костер, другой – его потушить. Кто-то укладывал дрова, иной – разливал воду. Ведро, щипцы, совок для мусора, кувшин, лоханка, стулья, обувь, книги – все это находилось в ужасном беспорядке, потому что все хотели навести порядок.

В этом описании у дона Боско отмечается немного радостного преувеличения, но тот, кто длительное время имел дело с ребятами, хорошо знает, как это все похоже на правду.

На протяжении шести недель двести ребят, словно маленький полк, становились в строй рядом с доном Боско и маршем отправлялись на Св. Мессу в храм Матери Божьей Утешения или в другие храмы. Часто их сопровождал непосредственный и очень популярный дон Борель, которого называли «малым отцом», так как был он небольшого роста. Это был неутомимый работник. Он взял под свои заботливые крылышки молодого дона Боско и оказывал ему сердечную дружбу, а также многократно помогал ему материально из собственного кармана. Проповеди «малого отца» очень пришлись по душе ребятам. Он читал их на диалекте района Порто Палаццо, обильно скрашивая поговорками, остротами, шутками. Кто-то даже сделал ему замечание, что он должен проповедовать более достойно, на что он ответил: «Наш мир бесцеремонный, соответственно этому надо и проповедовать».

### **Снежинки тают на печке**

8 декабря. Готовы к заселению две комнаты, которые оборудовали под часовню. Это было в самый раз, так как с ночи повалил густой снег.

Утром все покрылось снегом, резко похолодало. В часовню принесли железную печку. Джузеппе Буцетти вспоминает, что, когда несли печку через двор, снежинки падали на нее и, тая, издавали шипящий звук.

Несмотря на ненастье, собрались все ребята. В часовне оказался небольшой алтарик, маленький табернакулум (святилище), несколько скамеек. «Была отслужена Св. Месса – просто описывает дон Боско – многие ребята исповедовались и причастились, а я плакал, так как мне казалось, что оратория, наконец, заложила свои основы».

Он ошибся. Придется ему снова заплакать, но не от радости, а от горя, пока он, наконец, найдет окончательное, определенное место.

Но в памятный день 8 декабря 1844 года оратория дона Боско получает все-таки что-то постоянное: свое название. С этого дня она будет именоваться Ораторией Св. Франциска Салезского. Дон Боско объясняет причину именно такого названия: «Маркиза велела изобразить портрет этого святого у входа в часовню. А поскольку наша деятельность требовала большого спокойствия и мягкости, мы отдали себя под покровительство Св. Франциска Салезского, чтобы он выпросил нам свою исключительную доброту и кротость».

Желая обрадовать ребят, дон Боско покупает им для игр шарики, пластинки, пульки. О футболе в то время еще не знали. Он продолжает подкармливать самых бедных, дарит им одежду, обувь.

Теперь, когда он получил собственный угол, мечтает начать обучение самых способных ребят. Вечером, отрывая несколько часов ото сна, к нему приходят группки ребят. Часто их лица перепачканы сажей и известью. От холода они укрываются накидками с капюшонами. Они очень рады этим занятиям.

Однако нужны деньги на книги, одежду, пищу, организацию досуга. Дон Боско обеспокоен всем этим. Он стесняется обратиться к богатым семьям за помощью. Тогда дон Борель уговаривает его:

– Если вы действительно любите своих ребят, то должны пойти на этот шаг.

Дон Боско решается. Первой богатой семьей, к которой он обращается, является семейство графа Коннеля. Оказывается, дон Борель приготовил ее к этому визиту. Дон Боско краснеет, протягивая руку за первыми тремя сотнями лир.

Спустя сорок лет, когда он попросит одного салезианского директора получить пожертвование, то в ответ услышит, что «не хватает смелости». Тогда дон Боско скажет ему с достоинством:

– Ты не знаешь, сколько мне стоило просить милостыню!

Никогда не оставит его чувство смущения и никогда не лишится он своего достоинства. Никогда не был он ни слишком робким, ни нахальным. Те, к кому пришлось обратиться ему за деньгами, потом отмечали:

– Нам казалось, что в наш дом входил ангел.

### Неудача у Св. Петра в Оковах

Наступил Великий Пост 1845 года. На ежедневные занятия катехизисом (которые обязывали всех детей во время Адвента и Великого Поста) старшие классы оратории собирались в церкви Св. Петра в Оковах. Рядом с церковью находилось кладбище, на котором уже десять лет никого не хоронили. Это кладбище (сохранившееся до сегодняшнего дня в районе Вальдокко) имело преддверие и большой двор, окруженный галереей.

Обучение катехизису проводилось надлежащим образом, а капеллан кладбища, дон Тезио, был другом дона Боско. Поскольку женский Лазаретик был уже почти построен, и оратория была вынуждена подыскать себе другое место, дон Боско попросил разрешения у капеллана Тезио перевести ораторию в церковь и во двор Св. Петра в Оковах.

В воскресенье 25 мая дон Тезио должен был уехать, поэтому предложил дону Боско:

– Приди со своими ребятами в это воскресенье. Заменишь меня и отслужишь Св. Мессу.

По всей видимости, капеллан имел смутное представление о двух вещах. Он думал, что оратория дона Боско состоит из нескольких вежливых и внимательных ребят, которых он видел во время занятий великопостного катехизиса. Кроме того, он надеялся, что как и раньше, после Св. Мессы ребята разойдутся по домам, разве только перекусят что-нибудь во дворе.

Тем временем все было по-другому. В воскресенье хозяйка капеллана увидела толпу ребят, которые заполнили всю церковь. После Св. Мессы все эти ребята «на ходу» хватали приготовленные им булки и с шумом разбежались по двору и галерее. Хозяйка, которая держала в галерее несколько кур, сначала потеряла дар речи, а потом вспыхнула страшным гневом. Она кричала, бегала, размахивала метлой. Перепуганные куры, громко кудахтая, разлетелись по двору. Наконец она набросилась на дона Боско и обругала его. Она назвала его «профанатором святых мест». Это было еще самое нежное определение из всего ее запаса выражений...

Дон Боско понял, что лучше будет уступить. «Я решил – пишет он – прервать отдых. Мы ушли с надеждой вернуться спокойно в следующее воскресенье».

Это был бы банальный инцидент, если бы ему не сопутствовали удивительные обстоятельства. Во время беатификационного процесса дона Боско, дон Руа под присягой дал следующие показания: «Спустя много лет рассказывал мне некий Меланотте из Ланцо, который присутствовал во время этого инцидента, что дон Боско спокойно и без гнева по поводу брани обратился к ребятам: Бедняж-

ка! Она велит нам убраться отсюда, а сама ведь в следующее воскресенье будет похоронена».

Когда вернулся домой дон Тезио, женщина так трагически представила ему ситуацию, что капеллан, не желая нарушать обещания, данного дону Боско, написал в городское управление, попросив запретить все развлечения в пределах кладбища.

«К сожалению, я должен сказать, – пишет опечаленный дон Боско – но это было последнее письмо дона Тезио». На протяжении недели неожиданно умер он и его хозяйка.

## 17. Странствующая оратория

После неудачной попытки у Св. Петра в Оковах, ребята опять стали собираться в Приюте. Маркиза ничего не имела против, однако напоминала, что открытие Лазаретика предстоит 10 августа. С этого дня, конечно, его двери для ребят закроются.

12 июля 1845 года дон Боско получил письмо из городского управления. По просьбе архиепископа его извещали о том, что он «может заниматься катехизисом с ребятами в часовне „Молини ди читта“ с двенадцати до трех часов дня».

Значит, он имел в своем распоряжении часовню в каждое воскресенье на 3 часа. Конечно, это не был королевский дворец, но все же кое – какое помещение. «Мы взяли с собой скамейки, подсвечники, несколько стульев, иконы, образки – вспоминает дон Боско – и каждый нес то, что мог. Путешествуя таким образом, мы прибыли для основания нашего штаба в вышеуказанном месте».

«Молини ди читта», которую жители Турина называли просто «Молясси», была расположена на большой площади Эммануила Филиберта, направо от пути к реке Доре. Еще и сегодня эта просторная площадь служит местом ежедневного пестрого городского базара, густо заполненного ларьками для продажи.

### Письмо с серьезными обвинениями

Дон Боско был недоволен новым местом, ребята тоже. Они должны были играть на улице или на маленькой площади перед церковью, где постоянно сновали конные повозки.

Дон Боско взял в аренду одну комнату на первом этаже и там проводил занятия катехизисом и другими предметами.

Неприятности начались спустя несколько недель. Из секретариата «Молясси» была выслана в городскую управу целая петиция обвинений, а именно: ребята причиняют ущерб церкви и близлежащим строениям, они также «являются обществом, которое может быть использовано в целях революции» (последнее обвинение было очень опасным в те времена), а также они являются «рассадником аморальности».

По распоряжению мера города на место прибыла комиссия для рассмотрения фактического положения. Она застала то, чего и следовало ожидать: ребята шумели, где-то на стене были обнаружены царапины гвоздем. Однако не было установлено никаких признаков «революции» и «аморального поведения». Единственным серьезным обвинением (что и послужило поводом к письму) было раздражение жителей окрестных домов, которым шум и песни, громкие игры, мешали в воскресном отдыхе.

Эта клевета очень беспокоила дону Боско, так как он знал, что она всегда оставляет какой-то след. Менее опечалило его принятое властями решение. Городское управление не отменило своего решения, но не захотело продлить его на следующий год. Официальное уведомление об этом должно было прийти в ноябре, а пока дону Боско попросили «быть благоразумным».

Дон Боско старался прилагать усилия, чтобы это «благоразумие» сохранить. С момента получения письма церковь «Молини» была единственным местом, где можно было собраться. Потом уводил он своих ребят на поля, простирающиеся вдоль реки Доры. На молитвы отправлялись все вместе в церковь «Мадонна дел Пилоне», в «Сасси» и «Мадонна ди Кампанья». В этих церквях пишет он – я служил Св. Мессу и разъяснял Евангелие. Вечером немного учил катехизису, рассказывал о чем-нибудь, потом все вместе пели. После этого устраивали прогулки, походы, и, наконец, наступало время расходиться по домам. Казалось, что такая критическая ситуация перечеркнет даже идею оратории, а тем временем число ребят удивительным образом росло.

**«Возьми, Микеле, возьми!»**

Невдалеке от «Молини» в сентябре дон Боско пережил одну из самых важных встреч в своей жизни. Ребята толкались вокруг него, желая получить святые медальончики. В стороне стоял бледный мальчик, лет восьми, с черной повязкой на левой руке. Два месяца назад у него умер отец. Он никак не мог пробиться за другими. Медальончики окончились, и он ничего не получил. Тогда дон Боско подошел к нему и с доброй улыбкой на лице сказал:

– Возьми, Микеле, возьми!

Но что он должен был взять? Этот странный священник, которого он сегодня увидел впервые, ничего ведь ему не давал. Протягивал ему только свою левую руку, одновременно правой разделяя ее как будто пополам. Мальчик удивленно посмотрел на него. А священник продолжал:

– Мы оба все будем делать пополам.

Что в этот момент видел дон Боско? Никогда об этом не сказал, но этот мальчик должен был стать в будущем его «правой рукой» и его первым преемником в руководстве Салезианским Обществом.

Его звали Микеле Руа. Он не понял, о чем сказал дон Боско ни сразу, ни спустя несколько лет. Но он очень привязался к этому священнику, в присутствии которого всем становилось легко и тепло на душе.

Микеле жил на территории Королевской оружейной фабрики, где раньше работал его отец. Его четыре брата рано умерли, а сам он тоже был очень хилым. Поэтому мать запрещала ему часто посещать ораторию. Но он встречался с доном Боско у Братьев Христианских школ, где учился в третьем классе. Позже он рассказывает об этом: «Дон Боско приходил к нам отслужить Св. Мессу и прочитать проповедь. Когда он входил в часовню, казалось, что в гущу собравшихся детей пропустили электроток. Мы поднимались на носки, оставляли свои места и толпились вокруг него. Пока он доходил до ризницы, проходило много времени. Добрые братья делали вид, что не замечают этого беспорядка. Когда же приходили другие священники, ничего подобного не происходило».

### Книги ценой сна

В октябре месяце произошло важное событие. Вышла «История Церкви для школ». Это был первый учебник, который написал дон Боско для своих ребят. Он писал его очень неразборчиво, при свете керосиновой лампы, отрывая часы, предназначенные для сна. Эта «История Церкви» не была научным трудом. И никакая другая книга дона Боско тоже им не будет.

Наоборот, она была написана очень популярно, соответствовала умственному и культурному уровню ребят. В своей «Истории» автор рассказывает о папах, о выдающихся событиях в деятельности Церкви, описывает портреты святых, дела милосердия, которые распространялись на протяжении веков среди Божьего люда. После этой книги вышли в свет другие: «Святая История» в 1847 году, «Десятичная система измерений» – в 1839 году, «История Италии» в 1855 году. Дон Боско найдет еще время и для написания других книг и брошюр, кроме школьных учебников. Это будут: биографии Святых, веселые рассказы, молитвенники и учебники религии. Ни одна из этих книг не является шедевром, но свидетельствует о его любви к детям, к простым людям, к Церкви. Многие из этих работ стали впоследствии причиной различных хлопот. Дело дошло до того, что некоторые настойчиво требовали, чтобы священник оставил свою писательскую деятельность.

### Три комнаты в доме Моретто

В ноябре было получено письмо из городского управления. Стояла сырая и холодная осень. «Это время уже стало неподходящим для походов и прогулок за город – пишет дон Боско. Договорившись с доном Борелем, мы сняли три комнаты в доме дон Моретто.

В настоящее время этого дома не существует. Последняя его стенка была встроена в стену филиальной церкви прихода Матери Бижьей Заступницы Христиан.

«В трех комнатах дома Моретто – отмечает дон Боско – мы провели четыре месяца. Было тесно, но мы были довольны, что можем собраться вместе, была возможность учить ребят и создать им условия для исповедования».

Дон Боско с улыбкой вспоминает, что в этих комнатах он нарушил свое второе семинарийное обещание. Чтобы развлечь ребят в таком тесном помещении, он стал им показывать свои старые фокусы. И уже не оставил этого занятия, так как результаты превзошли все его ожидания.

Здесь же при помощи дон Карпано он начал регулярный курс вечерней школы, который значительно отличался от случайных уроков, проводимых до сих пор.

## Черные тучи над ораторией

Наступил декабрь. Здоровье дона Боско начинает ухудшаться. Он продолжает оставаться капелланом Лазаретика, где приютились девочки от трех до двенадцати лет. Продолжает посещать тюрьмы, Малый Домик дона Коттоленго, городские воспитательные учреждения. Он работает в своей оратории, учит в вечерней школе, посещает ребят в местах их работы. А зима 1845/46 года выдалась очень холодной.

Зима приходила в Турин поздно. Узкие улицы были засыпаны снежными заносами, холод был мучительным и неприятным.

В эти зимние месяцы дон Боско заболел воспалением легких. Заметив это, дон Борель поставил в известность маркизу Бароло. Маркиза вручила дону Боско 100 лир на расходы оратории и велела «оставить всякого рода деятельность до полного выздоровления».

Дон Боско послушно оставил все занятия за исключением оратории. Условия для выздоровления, которые получил таким образом, были значительны, о чем дон Боско вскоре убедился. Однако более чем здоровье, его начали беспокоить черные тучи, громоздящиеся над ораторией. Дон Боско вспоминает: «Как раз в это время начали распространяться странные вести. Одни называли дона Боско революционером, другие считали его ненормальным».

## Приговор в Александрии

В 1846 году один молодой 22-летний человек, с которым дон Боско подружился в тюрьме, был приговорен вместе со своим отцом к смертной казни.

Казнь должна была состояться в Александрии. Когда удрученный дон Боско пришел навестить его, юноша расплакался и попросил дона Боско сопровождать его в последний путь. Дон Боско почувствовал, что не сможет исполнить эту просьбу, ему не хватало смелости.

Тем временем осужденных отправили в Александрию. Дон Кафассо должен был ехать дилижансом и сопровождать их в последний путь. Узнав, что дон Боско не решился ехать, дон Кафассо пригласил его к себе и заметил:

– Разве вы не понимаете, что отказать в просьбе приговоренному к смерти – это жестоко? Приготовьтесь, пожалуйста, поедem вместе.

– Но я не могу все это видеть...

– Пожалуйста, поторопитесь, дилижанс не станет ожидать.

Они прибыли в Александрию за день до казни. Юноша, увидев входящего в камеру священника, бросился ему на шею и зарыдал. Дон Боско тоже расплакался. Они вместе провели последнюю ночь на молитве и беседах о Боге. В два часа утра дон Боско отпустил ему грехи, отслужил для него в камере Св. Мессу, причастил его и прочел вместе с ним благодарственные молитвы.

Колокол на башне Кафедрального собора возвестил приближение минуты казни. Двери камеры открылись, вошли стражники и палач, который стал на колени перед осужденным, прося прощения, как было установлено обычаем. Потом связал осужденному руки и набросил ему на шею петлю.

Через несколько минут из ворот тюрьмы выехала повозка, на которой сидел осужденный и дон Боско. Вслед за ними ехала другая повозка с отцом юноши и доном Кафассо. Множество людей молча стояли по обеим сторонам улицы.

Увидев возвышение с приготовленными виселицами, дон Боско побледнел и упал в обморок. Заметив это, дон Кафассо приказал остановить повозки, снять дона Боско и привести его в сознание.

Печальный кортеж двинулся дальше и подъехал к месту казни. Приговор был приведен в исполнение. Когда дон Боско очнулся, все уже было позади. Полный глубокой боли, он обратился к дону Кафассо:

– Мне так обидно за этого юношу... Он имел ко мне полное доверие...

– Вы сделали все, что могли. Остальное оставим Богу.

## Новое изгнание

Пришел март 1846 года. Дон Моретто, честный священник, пришел к дону Боско и сказал:

– Не сердись на меня, дон Джованни, но я не могу больше сдавать тебе эти три комнаты.

– А почему?

– Вот, посмотри!

В руках он держал пачку писем. «Квартиросъемщики, напуганные шумом, вечным галдежом выбегающих и прибегающих ребят, – пишет дон Боско – пригрозили выселиться из дома, если сейчас же не прекратятся наши встречи».

Дон Боско почувствовал нарастающий в душе протест. Неужели никто не может понять молодежь? Разве эти взрослые не были когда-то детьми? Однако, наконец, он похлопал приятеля по плечу и сказал:

– Не беспокойтесь, мы уйдем отсюда.

На самом деле он не знал, куда деваться, но, к счастью, уже наступила весна, и не обязательно было искать крышу над головой.

## 18. Сарай Пинарди

Неожиданно дону Боско удалось снять огражденный лужок, расположенный недалеко от дома дона Моретто. Если сегодня пройти по улице Марии Заступницы, то по правой ее стороне, на перекрестке с Виа Цинна встретим ансамбль строений рядом с Итальянским Издательством. Как раз в этом месте и находился лужок братьев Филиппи.

Посредине луга находился шалаш, где были спрятаны различные принадлежности для игр. Каждое воскресенье здесь собиралось около трехсот ребят. Примостившись где-нибудь сбоку на скамеечке, дон Боско исповедовал их.

Около десяти часов утра раздавался барабанный бой, и ребята строились в шеренгу. Потом отзывался рожок, и колонна двигалась к церкви Матери Божьей Утешения или к Монте Деи Капуччини. Там дон Боско служил Св. Мессу и причащал ребят, а потом все завтракали.

Паоло Ч., подмастерье, который только что приехал из деревни, также присоединился к движущейся на Монте Деи Капуччини колонне. Вот, что он рассказывает:

«Вначале была отслужена Св. Месса. Многие ребята приняли Св. Причастие, а потом все направились во двор монастыря, чтобы позавтракать. Мне казалось, что я не имею права идти туда со всеми, поэтому я отстал, рассчитывая позже присоединиться к группе. Однако, дон Боско заметил меня и подошел:

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Паоло.

– Ты уже позавтракал?

– Нет, так как я еще не исповедался и не причастился.

– Но ведь не надо исповедаться и причаститься для того, чтобы получить завтрак!

– А что надо сделать?

– Надо иметь аппетит.

Он подвел меня к корзине и дал мне много хлеба и фруктов. После этого я вместе с ним пошел на лужок и играл там до самого вечера. С этого дня на протяжении многих лет я посещал ораторию и моего дорогого дона Боско, который сделал мне много доброго».

Однажды воскресным вечером, когда ребята весело играло, дон Боско увидел стоящего за забором подростка, которому на вид было лет пятнадцать. Он подозвал его:

– Заходи сюда. Откуда ты пришел? Как тебя зовут?

Мальчик молчал. Тогда дон Боско спросил:

– Что с тобой? Тебе плохо?

Мальчик заколебался. Потом с усилием произнес:

– Я голоден...

Корзина оказалась пустой. Дон Боско послал за хлебом к ближайшим соседям и разрешил мальчику поесть вволю. Через некоторое время паренек сам стал рассказывать, желая снять тяжесть с души.

– Я переплетчик, но хозяин мастерской уволил меня, так как я не смог хорошо работать. Семья моя осталась в деревне. Сегодня я ночевал на ступеньках Кафедрального собора, а утром от голода хотел что-нибудь украсть. Но мне стало страшно. Тогда я попробовал попросить милостыню, но мне сказали: «Ты здоровый и сильный, иди работать!» А потом я услышал ваши голоса и пришел сюда.

– Послушай – сказал ему дон Боско. – Я подумаю о сегодняшнем вечере и твоём ночлеге. А завтра пойдем к хорошему ремесленнику и ты увидишь – он тебя возьмет на работу. Если потом захочешь ходить сюда по воскресеньям, мне будет приятно.

– Я охотно приду! – ответил мальчик.

Во времена «лужка братьев Филиппи» странные вести стали кружить о доне Боско. Они стали причиной к возникновению неприязни и подозрений со стороны светских властей к оратории и утвердили уверенность в том, что, возможно, дон Боско является психически больным. Поэтому ушли от него его основные сотрудники. В результате этого, всей его деятельности грозила ликвидация.

### Маркиз и стражники

Это были годы революции, и триста подростков, которые входили стройной колонной в ворота города под звуки барабана и трубы, обеспокоили начальника полиции.

«Здесь были не только маленькие мальчики, но и парни постарше, сильные, дерзкие, которые не забывали носить при себе неразлучные ножи» – вспоминает дон Лемоин.

Маркиз Микело Кавур (отец Камилло и Густава), который был начальником полиции, приказал вызвать дону Боско. Сначала беседа была дипломатичной, а потом приняла характер резкого спора. Дону Боско было приказано ограничить число подопечных, перестать строить ребят в колонны, исключить старших, как самых опасных.

Дон Боско не согласился. Тогда Кавур поднял голос:

– Почему вы так заинтересованы в этих сорванцах? Пусть они сидят у себя дома. Попрошу вас не брать на себя этой ответственности, потому что отсюда получатся неприятности для всех!

– Я этих бедных ребят обучаю катехизису – решительно ответил дон Боско, – а это никому не доставляет хлопот. Впрочем, я это делаю с разрешения архиепископа.

– Архиепископ знает об этом? Хорошо. Я сам поговорю с Франсони, и он положит всему этому конец.

Архиепископ Франсони не только не положил всему конец, но взял под свою защиту дону Боско. С этого дня на краю лужка, где играли ребята, был установлен полицейский патруль. Дон Боско смеялся над этим, но внутренне был обеспокоен. Ведь если бы было замечено хотя незначительное нарушение порядка, оратория перестала бы существовать. Кавур-то в то время представлял собою могущество.

### Действительно ли дон Боско психически больной?

Сам этого не подозревая, дон Боско способствовал распространению слухов о своей будто бы психической болезни. Чтобы развлечь и успокоить ребят во время принудительных переводов с кладбища на мельницу, потом из дома дона Моретто на лужок братьев Филиппи, он стал им рассказывать свои сны. Говорил о большой, просторной оратории, о величественном храме, домах, школах, лабораториях и мастерских, о тысячах ребят и священников, посвятивших свою жизнь молодежи. Все это противоречило жалкой сегодняшней действительности.

Его ребята были единственными слушателями, которые смогли увидеть сны с открытыми глазами. Они повторяли дома, на работе все, что от него слышали. Услышав это, люди стали комментировать: «Вот бедняга, все это ему привиделось. Находясь постоянно среди такого галдежа, он непременно окажется в сумасшедшем доме!»

И это не была какая-нибудь злобность, распространяемая отдельными лицами, – это было общепринятое мнение. Микеле Руа так вспоминает об этом:

«Однажды, закончив прислуживать к Св. Мессе в Фабрика д'Арми, я собирался выйти. Меня остановил местный священник и спросил:

– Куда ты идешь?

– Я иду к дону Боско, сегодня ведь воскресенье.

– А ты знаешь, что он больной и от этой болезни редко кто вылечивается?

Эта новость поразила меня в самое сердце, вызывая неопишемую боль. Если бы я услышал, что заболел мой отец, я бы так не взволновался. Я тут же побежал в ораторию и увидел там дону Боско, улыбающегося как всегда».

«Он так забил себе голову своими ребятами, что сошел с ума» – говорили о нем в то время в Турине.

Дон Борель, сотрудник и приятель дона Боско, старался уговорить его не рассказывать о своих снах.

– Вот ты говоришь о каком – то храме, о домах, о площадях для игр. Но где же находится все это?

– Я не знаю, но они существуют, потому что я их вижу – утверждал дон Боско.

Однажды, после неудачной попытки обратиться «к благоразумию» приятеля, дон Борель заплакал. Потом вышел из комнаты, повторяя про себя: «Мой бедный дон Боско, он совсем измотался!»

Говорят, что даже Курия выслала своего наблюдателя, чтобы тот установил степень психического равновесия дона Боско. Тогда двое его друзей, дон Винченцо Понзати и дон Людовико Нази, решили вывести его из этого неприятного положения. Они предварительно договорились насчет обследования в психиатрической больнице, после чего должно было быть проведено лечение (при помощи средств, которые сегодня употребляются в африканских деревнях, укрытых в джунглях).

Однажды, когда дон Боско вел урок катехизиса, к дому подъехала закрытая карета. Из нее вышли дон Понзати и дон Нази. Они пригласили дона Боско на прогулку.

– Ты устал. Свежий воздух будет тебе очень полезен. – Уговаривали они его.

– Прекрасно. Возьму только шляпу и пойду с вами.

Один из приятелей открыл дверцу кареты:

– Пожалуйста, садись.

Но дон Боско сразу разгадал задуманное.

– Я войду после вас.

Чтобы не испортить задуманного плана, друзья согласились войти первыми. Как только они оказались в карете, дон Боско быстро захлопнул дверцу и приказал кучеру:

– Немедленно в психиатрическую больницу! Там их уже поджидают.

Больница находилась недалеко. Предупрежденные санитары надеялись увидеть одного священника, тем временем здесь было двое, и к тому еще очень раздраженных. Санитары быстро связали их. Никакие объяснения не помогли. Пришлось вмешаться капеллану больницы, чтобы их выпустили.

Что тут много объяснять: хитрость оказалась более коварной для них, чем для дона Боско. Дон Понзати и дон Нази первое время чувствовали себя очень оскорбленными, но через некоторое время забыли обо всем. Особенно дон Нази стал потом усердным пропагандистом музыки в оратории.

Однако в то время все оставили дона Боско. Об этом он вспоминает с горечью: «Все ушли от меня. Мои сотрудники оставили меня одного среди четырехсот ребят».

Это были минуты, когда терялся человеческий рассудок. Ставился вопрос: Является ли дон Боско святым или помешанным? Трудно было ответить на этот вопрос. В некоторой степени это было повторением ситуации, когда молодой Франциск из Ассиза разделся до нага и, оставив одежду у ног своего отца, отошел со словами: «Теперь могу сказать спокойно: Отче наш, который есть в небе. Это также было повторением момента, когда дон Коттоленго, выбросив в окно последние гроши, с удовольствием произнес: Теперь можно будет проверить, является ли Домик Божьего Провидения делом Бога или моим. Кто же вправе осудить молодых людей, руководствующихся в своей жизни предусмотрительностью и здравым смыслом в том, что тех троих они считали безумными».

### Агония на лугу

Как раз в то время на лугу появились хозяева. (Быть может их прислал маркиз?). Они смотрели на траву, безжалостно растоптанную восьмьюстами подошв. Потом позвали дона Боско и сказали ему:

– Здесь же образуется пустырь! Если так пойдет дальше, наш луг превратится в битый тракт. Простите нас, дон Боско, но дальше так продолжаться не может. Мы вас освобождаем от уплаты за аренду и вынуждены проститься с вами!

Были даны две недели на ликвидацию всего. Это было страшным ударом для дона Боско. К унижительным переживаниям тех дней добавились еще хлопоты, связанные с поиском нового места. На сей раз, однако, священник ничего не нашел. Кто же захочет иметь дело с сумасшедшим человеком?

5 апреля 1846 года было последним воскресеньем, проведенным на лугу братьев Филиппи. Это был один из самых мрачных дней в жизни дона Боско.

Он отправился с ребятами в храм Мадонна ди Кампанья. Во время Св. Мессы обратился к ним с проповедью, но не мог сказать ни одного утешительного слова. Сказал, что смотрит на них, как на птенцов, которым злая рука хочет разрушить гнездо. Попросил их обратиться с молитвой к Божьей Матери, ведь все находится в Ее руках.

В полдень он попытался еще раз поговорить с братьями Филиппи. Но это не дало никаких результатов. Неужели в самом деле придется проститься с ребятами? Позже об этом напишет так:

«Вечером этого дня я смотрел на толпы развеселившейся молодежи. Чувствовал себя очень одиноким, бессильным, разбитым физически. Отойдя в сторону, я стал прогуливаться, не в силах сдержать слезы. Боже мой! – восклицал я в душе – подскажи мне, что делать дальше!»

### Убогое племя, из которого все родилось

И тут подошел к нему вовсе не архангел, а маленький заикающийся человечек. Его звали Панкратти Соаве, он был владельцем фабрики соды и стирального порошка.

– Это правда, что вы ищете место для своей лаборатории – спросил он дона Боско.

– Не для лаборатории, а для оратории.

– Я не знаю, какая разница между этими словами, но место есть. Придите, пожалуйста, и посмотрите. Хозяином помещения является порядочный человек – синьор Франческо Пинарди.

Дон Боско поспешно пробежал около двухсот метров и оказался перед «двухэтажным домиком с лестницей и деревянным балконом, источенным короедами, расположенном среди цветников, полей и лугов. Я хотел войти на ступеньки – пишет дон Боско – но Пинарди и Соаве сказали мне: Место, предназначенное для вас, находится за домиком. Это был сарай».

Туристы, посещающие Турин, проходя через двор рядом с базиликой Матери Божьей Заступницы, могут увидеть этот сарай в глубине двора: хилый, маленький саженец, из которого выросло гигантское дело дона Боско. На этом сарайчике издавна видна большая надпись: «Часовня Пинарди», потому что здесь теперь действительно находится маленькая часовенка, богато украшенная картинами и орнаментами. Салезианцы вновь оборудовали ее в 1929 году.

В тот день, 5 апреля 1846 года, когда дон Боско впервые пришел сюда, это был низкий сарай, упирившийся с северной стороны в стену дома Пинарди. Каменная ограда вокруг создавала видимость барака. Сарай был недавно построен и служил мастерской для шляпника, а также складом для прачек (поблизости протекал канал, впадающий в Дору). Он имел 15 метров длины и 6 метров ширины.

Дон Боско решил отказаться.

– Он низкий, не подходит мне – сказал он.

– Я переделаю его так, как Вы захотите – ответил Пинарди. – Углубим пол, сделаем ступеньки, новый настил. Я заинтересован в том, чтобы Вы устроили здесь свою лабораторию.

– Здесь должна быть не лаборатория, а оратория – повторил дон Боско и пояснил: маленькая часовня, где могли бы собираться ребята.

Недоразумение получилось вследствие того, что у реки строили в то время много различных мастерских и лабораторий. Хозяин на мгновение задумался, а потом спохватился:

– Тем лучше. Я умею петь и помогу вам. Принесу два стула – для себя и моей жены.

Дон Боско все еще не решался. Наконец сказал:

– Если снизить уровень пола на полметра, то я согласен.

Он не хотел платить теперь за аренду ежемесячно и заплатил сразу за год вперед – 320 лир (больше половины своего годового жалованья в Лазаретике). С этого момента он мог распоряжаться сараем и полоской земли вокруг него. Там ребята смогут поиграть.

Он вернулся к ребятам и сказал:

– Какая радость! Милые мои дети! Мы нашли ораторию! У нас будет часовня, школа, двор, где можно будет попрыгать и поиграть. В воскресенье пойдем в дом Пинарди!

Это было в вербное воскресенье. В следующее воскресенье была Пасха.

### Когда зазвонили колокола

Франческо Пинарди сдержал слово. В скором времени пришли мастера, снизили пол, укрепили стены и потолок. Плотники переделали настил, покрыли пол деревянными досками. В субботу вечером отстроенное помещение было готово. На скромном алтаре дон Боско поставил подсвечники, крест, лампадку и небольшую икону Св. Франциска Салезского.

День 12 апреля остался в памяти всех. В пасхальное утро городские колокола заливались ликующим звоном. В сарае Пинарди еще не было колокола, но там находилось горячо бьющееся сердце дона Боско, который звал ребят на Вальдокко.

Они приходили волнами. Заполнили часовню, прилегающую к ней территорию и лужайку. Средоточенно и тихо участвовали они в освящении часовни и в Св. Мессе, которую сразу же отслужил для них дон Боско. Наконец, ловя на ходу булки, они разбежались по лужайке. Радость расpira-

ла им грудь. Радость от того, что, наконец, имеют помещение исключительно для себя.



**Дом Пинарди, после реставрации**

## **19. Боже, не дай ему умереть**

«Рано утром открывали часовню – пишет дон Боско, вспоминая распорядок дня, обязывающий в первые воскресенья, и начиналась исповедь, которая продолжалась до начала Св. Мессы».

После Св. Мессы дон Боско рассказывал отрывки из Святой истории, по – своему, живо и интересно, потом каждый, кто хотел, мог участвовать в школьных занятиях, которые продолжались до полудня. В час дня (дон Боско имел только около часа на обеденный перерыв) начинались игры, играли в шары, сражались деревянными винтовками и саблями, занимались гимнастическими упражнениями. В половине третьего начинался урок катехизиса, после чего читали розарий, пока ребята не научились петь вечерние псалмы (Нешпоры). Дальше следовала короткая исповедь, пение литании и благословление Пресвятым Таинством Сакраментом. После выхода из часовни каждый имел свободное время. Одни в это время доучивали катехизис, другие пели, читали. Большинство проводило время на свежем воздухе, прыгая и бегая до вечера.

«Все эти беззаботные развлечения облегчали мне установление контакта с каждым в отдельности – вспоминает дон Боско. Словцом, сказанным на ушко, я одному припоминал послушание, другому большую внимательность во время катехизиса, третьему – потребность в исповеди... и т. д.»

### **Он был священником**

Дон Боско умел играть, ходить по канату (сам об этом говорит), но прежде всего он был священником. В случае надобности он умел поступить очень решительно. Об этом свидетельствует такой факт.

Одного паренька дон Боско несколько раз уговаривал пойти к пасхальной исповеди. Парень обещал, но слова не сдержал. Однажды, в послеобеденное время, когда мальчик весело резвился, дон Боско остановил его и велел подойти в ризницу. Он хотел пойти в майке, так, как бегал.

– Нет – сказал дон Боско – надень, пожалуйста, пиджак.

«Когда он появился в ризнице – пишет дон Боско, – я предложил ему встать на колени на скамеечку.

– Что вы хотите от меня – спросил мальчик.

– Я хочу тебя исповедовать.

– Но ведь я не подготовлен...

– Знаю об этом. Приготовься, пожалуйста, а затем я тебя исповедую.

– Вы очень хорошо сделали, велев мне прийти сюда, иначе я никогда бы сам на это не решился, – признался паренек.

В то время, как я читал брeвиарий, паренек как умел, приготовился к исповеди. Потом исповедался и прочитал благодарственную молитву. С этого времени он регулярно выполнял свои религиозные обязанности..

### Прощание на перекрестке

Поздно вечером все собрались в часовне на вечернюю молитву, которая всегда оканчивалась пением. Потом наступала трогательная минута прощания.

«Выйдя из часовни – пишет дон Боско – каждый тысячу раз желал спокойной ночи, не находя сил расстаться с друзьями. Многократное напоминание о том, что пора идти домой, так как уже ночь и дома ждут родители, не имело воздействия. Я вынужден был разрешить всем собраться вокруг меня. После этого шестеро самых сильных ребят, взявшись за руки, делали что-то вроде кресла, на котором я должен сесть. Остальные, выстроившись в длинные шеренги, шли с песнями и шутками вместе с нами до перекрестка Корсо Регина (который в это время назывался Св. Массимо). Там пели еще какую-нибудь песню. После этого все затихали, и я мог пожелать всем спокойной ночи и успехов на следующую неделю. Все тут же, как можно громче, отвечали мне: спокойной ночи! Тогда я спускался со своего трона, каждый из ребят шел к себе домой, а несколько самых старших ребят проводили меня к себе, еле живого от усталости».

Многие из ребят обращались с такой просьбой: «Дон Боско, не оставляйте меня, пожалуйста, одного на протяжении недели. Навестите меня!». Начиная с понедельника, каменщики Турина были свидетелями странного зрелища: Какой-то священник, засучив рясу, залезал на подмости, где находились ведра с известью и кучи кирпича. Это был дон Боско. После исполнения своих обязанностей в Лазаретике, в тюрьме и городских школах, он шел на строительные площадки навестить своих воспитанников. Это был для них настоящий праздник. Ведь семья, куда они возвращались вечером после работы, состояла не из отца и матери, которые остались в далекой деревне, но из далеких родственников, или же земляков. Иногда это была семья хозяина, под покровительством которой и находились эти ребята. Однако везде им не хватало душевного тепла. Отсюда большой радостью была для них встреча с настоящим другом, который их любил и помогал им.

Именно желая добра ребятам, дон Боско задерживался, чтобы обменяться несколькими словами с работодателями. Он справлялся насчет заработка ребят, времени их отдыха, возможности выходного в воскресный день. Он относился к тем, кто первым добивался заключения трудового договора между молодыми подмастерьями и хозяевами и следил за тем, чтобы эти договоры соблюдались.

Он встречался со своими старыми друзьями и искал новых. «Он посещал фабрики, где работало много учеников, и всех приглашал в свою ораторию – свидетельствует дон Руа – но прежде всего он обращался к молодым людям, прибывшим из деревень».

### Болезнь дона Боско

Однако дон Боско оставался только человеком. А человеческие силы имеют свой предел. После перенесенного весной психического перенапряжения, состояние его здоровья стало резко ухудшаться.

В начале мая маркиза Бароло, которая очень ценила дона Боско, пригласила его к себе. При их беседе присутствовал также и дон Борель. Она положила перед доном Боско головокружительную сумму денег в пять тысяч лир (что составляло его 8 – летний заработок) и решительно заявила:

– Возьмите, пожалуйста, эти деньги и отправляйтесь куда хотите для абсолютного отдыха.

Дон Боско ответил:

– Благодарю Вас, синьора. С Вашей стороны это великодушный жест, но я не для того стал священником, чтобы ездить на лечение.

– Тем не менее и не для того, чтобы себя убивать. Мне стало известно, что у вас появилось кровохарканье, что легкие ваши в критическом состоянии. Сколько вы можете так протянуть? Прошу вас прекратить посещение тюрем и дома Коттоленго, а прежде всего хотя на некоторое время оставить своих ребят. Дон Борель позаботится о них.

Дон Боско (уже в который раз) заметил в этом распоряжении попытку разъединить его со своими подопечными. Отреагировал решительно:

– На эти условия я никогда не соглашусь.

Маркиза потеряла самообладание.

– Если не согласитесь по-доброму, я буду вынуждена поступать иначе. Вы нуждаетесь в моих

деньгах, чтобы связать концы с концами. Так знаете, что я вам скажу? Либо вы оставляете ораторию и едете на отдых, либо же я вас увольняю.

– Хорошо, синьора. Вы найдете много священников на мое место, а мои ребята не имеют никого. Я не могу их оставить.

Произнося эти героические слова, дон Боско ошибался. Только внешне казалось, что маркиза притесняет его, а на деле это она была права. Ближайшие месяцы это подтвердили.

Дон Боско – святой священник, но он еще очень молод (ему всего 31 год) и упрям. Он не умеет правильно оценить границы своих возможностей. Пожилая маркиза, которой уже исполнился 61 год, оказывается предусмотрительнее его. Она, должно быть была праведной женщиной, если после такой вспышки гнева, «стала на колени перед доном Боско и попросила его благословения», – как докладывает дон Джакомелли, добавив при этом: «со мной она так никогда не поступала!»

Дон Боско действительно кашлял с кровью и по всей вероятности имел в плевре жидкость туберкулезного характера. Несмотря на это он думал о будущем. 5 июня 1846 года он снял для оратории три комнаты на первом этаже дома Пинарди за пятнадцать лир в месяц.

В это время опять дал знать о себе маркиз Кавур. Каждое воскресенье он высылал полдюжины стражей, которые получали задание следить за доном Боско. В 1877 году дон Боско скажет, обращаясь к дону Барберису: «Как жаль, что у меня не было в то время фотоаппарата. Как приятно было бы взглянуть сейчас на сотни молодых ребят, внимательно слушающих меня, в то время как шестеро полицейских стражей в мундирах, стоя по паре в трех разных точках часовни, заложив руки за спину, прислушиваются к моей проповеди. Они мне оченьгодились в соблюдении порядка среди ребят, хотя были присланы для того, чтобы следить за мной. Некоторые из них тайком утирали ладонью слезы на глазах. Хорошо было бы иметь фотографии этих стражников, стоящих на коленях среди молодежи вокруг моей исповедальни и ожидающих своей очереди. Потому что проповеди я гласил больше для них, чем для ребят. Я говорил о грехах, о смерти, о суде, об аде».

### «Боже, не дай ему умереть!»

Первое воскресенье июля 1846 года. После дня, проведенного в оратории в губительной жаре, возвращаясь в свою комнату в Приюте, дон Боско потерял сознание. Его уложили в постель. «Кашель, мокрота с примесью крови, лихорадка». Эти слова означали воспаление плевры туберкулезного характера, сопровождаемое высокой температурой и кровотечением из легких. Развивалась очень опасная в то время болезнь, особенно для тех, у кого это повторялось не раз.

Спустя несколько дней казалось, что дон Боско угадает. Он принял таинство Последнего Помазания и Причастие. На стройках среди каменщиков, в мастерских среди молодых механиков молниеносно разлеталось известие: «Дон Боско умирает!» Каждый вечер в комнатку Приюта, где он лежал почти на грани смерти, приходили толпы испуганных, бедных ребят. Они были одеты в грязную рабочую одежду, лица их были перемазаны известью. Без ужина они бежали на Вальдокко. Там плакали и молились: Боже! Не дай ему умереть! Врач строго запретил все посещения, и санитар, направленный маркизой, никого не впускал в комнату больного.

Ребята были в отчаянии.

– Разрешите мне только взглянуть на него!

– Я не буду ничего говорить!

– Я хочу сказать ему только одно слово, лишь одно!

– Если бы дон Боско знал, что я здесь, он обязательно приказал бы меня впустить!

Восемь дней жизнь донна Боско висела на волоске. Нашлись такие, которые на протяжении этих восьми дней во время работы в поле под палящими лучами солнца, не выпили ни глотка воды, чтобы выпросить неба благодать возврата ему здоровья. В храме Матери Божьей Утешения маленькие каменщики молились днем и ночью. Всегда кто-нибудь стоял на коленях перед Мадонной. Иногда глаза слипались от усталости (после двенадцатичасового труда), но они героически оставались на посту молитвы. Иные – с подкупающим великодушием молодых – обещали Матери Божьей на протяжении всей жизни читать розарий ежедневно, другие – поститься на протяжении года только с хлебом и водой.

В субботу наступил кризис. Дон Боско был совсем обессилен. Малейшее движение вызывало кровотечение из легких. Ночью опасались конца. Однако получилось иначе. Наступило улучшение – благодать, выпрошенная у Мадонны ребятами, которым грозила опасность остаться без отца.

В конце июля, в воскресенье пополудни, дон Боско направился в сторону оратории, опираясь на палочку. Ребята бросились ему навстречу. Старшие усадили его на кресло, подняли высоко и тор-

жественно занесли во двор оратории. Они пели и плакали от радости, эти его маленькие друзья. Плакал также и он сам. Все вошли в часовню и вместе горячо поблагодарили Бога за возвращение к жизни. В напряженной тишине дон Боско смог сказать лишь несколько слов:

– Моей жизнью я обязан вам. Будьте уверены, что с этого момента она будет целиком принадлежать вам!

Это были самые прекрасные слова, которые дон Боско произнес когда-либо. Они являются «торжественной присягой», в силу которой он целиком посвятил себя молодежи. Исключительно ей. Другие великие слова (являющиеся продолжением первых) он высказал на смертном одре: «Скажите моим ребятам, что я их всех ожидаю в небе».

Еще слабые силы, которые в этот день дон Боско имел в своем распоряжении, он использовал для беседы с каждым воспитанником лично для того – как он сам вспоминает – «чтобы заменить в возможные для исполнения все эти присяги и обеты, которые многие делали необдуманно, когда мне угрожала смерть».

Врачи предписали ему долгое выздоравливание в абсолютном покое. Дон Боско уехал в Бекки к матери и брату. Но твердо пообещал ребятам:

– Как только начнут падать листья, я снова буду среди вас.

### «Кошелек или жизнь»

Он путешествовал верхом на ослике. Остановился в Кастельнуово, «сброшенный осликом», а вечером прибыл в Бекки.

Во дворе радостно и громко приветствовали его племянники. Антони, который построил себе небольшой дом напротив, имел пятеро детей: 14-летнего Франческо, 12-летнюю Маргариту, 9 – летнюю Тересу, 6 – летнего Джованни и 3 – летнюю Франциску. Джузеппе тоже построил себе не-вдалеке собственный дом, в котором жил вместе с мамой Маргаритой и четырьмя детьми. Филомене было уже 11 лет, Розалии – Доминике – восемь, Франческо – пять, а маленький Людовико тихо попискивал в люльке.

Дон Боско остановился у Джузеппе. Превосходный воздух, молчаливая любовь матери, длительные прогулки, которые он совершал каждый вечер среди виноградников, где гроздья уже начинали розоветь, возвращали ему силы и здоровье.

Он регулярно писал письма дону Борелю, чтобы получать все новости о своих ребятах. В августе во время прогулки он дошел до Каприллио. Возвращался домой лесной тропинкой. Вдруг его остановил резкий окрик:

– Кошелек или жизнь!

Дону Боско стало не по себе:

– Я дон Боско. А денег у меня нет – сказал он.

Он посмотрел на мужчину, который вышел из-за дерева с серпом в руках. Изменившимся от волнения голосом дон Боско сказал:

– Кортеше, ты хочешь отнять у меня жизнь?

В этом обросшем щетиной лице он узнал парня, с которым подружился в туринской тюрьме. Юноша тоже узнал дону Боско и от стыда готов был провалиться сквозь землю.

Он поведал горькую типичную историю. Когда его освободили из тюрьмы, дома о нем никто не желал слышать. «Даже мать отвернулась от меня! Сказала, что я приношу позор семье. Работу тоже нигде не найти. Как только узнают, что я возвратился из тюрьмы, передо мной закрываются все двери».

Пока дошли до Бекки, дон Боско успел исповедовать его и сказал:

– А теперь пошли со мной.

Он представил его своим родным:

– Я встретил тут своего хорошего знакомого. Сегодня он поужинает с нами.

Рано утром, после Св. Мессы, дон Боско дал мальчику поручительное письмо к одному настоятелю прихода и к нескольким ремесленникам в Турине. На прощание крепко обнял его.

Наступил октябрь. Во время длинных уединенных прогулок дон Боско спокойно обдумывал планы на ближайшее будущее. Он предполагал возвратиться в Турин и поселиться в снятой комнате в доме Пинарди. Постепенно будет там размещать и бездомных ребят. Однако это место не очень подходящее для одинокого священника. По соседству находится корчма «Садовница», где до поздней ночи шумят пьяницы. Поэтому он должен поселиться не один, а с кем-нибудь, кто охранял бы его перед злыми языками. Подумал о матери. Но как ей об этом сказать? Маргарите 58 лет, а все жи-

тели в Бекке относятся к ней, как к королеве. Как оторвать ее от дома, от внуков, от спокойных ежедневных дел? Немного оправдывает мысль о теперешнем трудном положении в деревне. В 1846 году был плохой урожай, а на 1847 предполагался еще хуже.

– Мама – сказал он однажды вечером, собравшись с духом. – Может Вы бы хотели немного пожить у меня? Я снял на Вальдокко три комнаты и скоро поселю там бездомных ребят. Когда-то Вы мне сказали, что если я разбогатею, то никогда не приедете ко мне. Тем временем я беден, имею кучу долгов, а жить в одиночку в этом районе для священника небезопасно.

Маргарита задумалась. Она не ожидала такого предложения. Но дон Боско деликатно настаивал:

– Мама, а Вы бы не хотели стать матерью моим ребятам?

– Если считаешь, что это является Божьей волею, то я приеду – соглашается она.

## Посторонние и бедные

Вторник 3 ноября. Листья падают с веток при малейшем дуновении ветра. Дон Боско собрался в дорогу в Турин. Под мышкой он нес breviарий и служебную книгу к Св. Мессе. Рядом с ним шагала мама Маргарита с кошелкой в руках, где было сложено немного белья и еды.

О своем решении дон Боско написал дону Борелю, а «малый отец» оказался таким догадливым, что распорядился перенести немного мебели из комнаты в Приюте в дом Пинарди.

Двое путешественников шли всю дорогу пешком. Когда дошли до перекрестка, их узнал один священник, друг дона Боско и подошел поздороваться. Они были усталые и запыленные.

– Здравствуй, дорогой дон Боско! Как ты себя чувствуешь?

– Спасибо. Совсем выздоровел. Вот, взял с собой маму...

– А почему же вы шли пешком?

– Нам немного не хватало того... и улыбаясь, дон Боско сделал красноречивый жест пальцами.

– Где же вы будете жить?

– Здесь, в доме Пинарди.

– Но как же проживете без доходов?

– Не знаю. Провидение позаботится о нас.

– Ты все такой же – сказал друг, качая головой.

Потом он вынул из кармана часы (в то время это был редкостный и дорогой предмет) и дал их дону Боско:

– Я бы хотел быть богатым, чтобы помочь тебе. Но пока сделать могу только это, – сказал он.

Маргарита вошла первой в свой новый дом. Три комнатки – пустые и убогие, в которых находились две койки, два стула и несколько кастрюлек. Она улыбнулась и сказала сыну:

– В Бекки я должна была много работать, чтобы везде был порядок, вытирать пыль, чистить кастрюли. Здесь мне будет намного легче.

Они немного отдохнули, потом взялись за дело. Пока Маргарита готовила ужин, дон Боско укрепил на стене крест, иконку Матери Божьей, постелил постели. Потом вместе с матерью они запели песенку:

*«Плохо станет миру – коль услышит нас,  
мы здесь посторонние, ничего нет у нас...»*

Эту песенку слышал Стефани Гастанио, один из воспитанников. Молниеносно разлетелась весть, передаваемая из уст в уста среди молодежи Вальдокко:

– Дон Боско вернулся!

## 20. Добыть любой ценой

В следующее воскресенье, 8 ноября, состоялось большое торжество. Дон Боско должен был сесть среди ребят на кресло, установленное на лужайке, и выслушать их песни, приветствия и пожелания.

Против такого раннего возвращения его к работе, несмотря на запрещение врачей, очень возмущал дон Кафассо. Он постарался даже о том, чтобы архиепископ вмешался в это дело.

Мне разрешили вернуться в ораторию – пишет дон Боско – но запретили читать проповеди на

протяжении двух лет. И тут же признается: «Но я не послушался».

### Начало школы

Первой заботой дона Боско стало открытие и расширение вечерней школы. «Я снял еще одну комнату, – пишет он. Мы учились в кухне, в моей комнате, в ризнице, на хорах и в часовне. Среди учеников были и хулиганы, которые все уничтожали и переворачивали. Через несколько месяцев мне удалось снять еще две комнаты».

Свидетели тех дней вспоминают: «Приятно были видеть, когда вечером в освещенных комнатах вертелось много ребят младшего и старшего возраста. Они стояли с книгой в руках, внимательно писали сидя на скамейках, сидели также на полу и выводили в тетрадках огромные неуклюжие буквы».

Священники Капрано, Нази, Триверо, Пакхиотти возвратились в ораторию и стали помогать. Дело об «иллюзиях» дона Боско совсем заглохло во время его болезни и длительного выздоровления. Оказалось, что если дон Боско решит что-нибудь сделать, то этот замысел он осуществит даже за счет своего здоровья.

Договор с маркизой Бароло был закончен в августе месяце и больше он не возобновлялся. Время от времени дон Боско посещал еще Лазаретик и читал проповеди для больных девочек. Маркиза же при помощи дон Боре ля и дон Кафассо вплоть до 1864 года, то есть до своей смерти, передавала щедрые пожертвования для его озорников.

Все эти заботы были ничем по сравнению с грозными событиями, висящими в воздухе. Единственным важным делом было укрепление оратории и полное выздоровление. Тем временем надвигалась большая политическая буря.

### Папа Мастаи-Феретти принимает имя Пия IX

В 1846 году Турин выглядел подобно пороховой бочке перед взрывом.

В июне был избран папой кардинал Мастаи-Феретти, родом из Имолы, человек свободный от предрассудков. Он принял имя Пия IX. Это был очень набожный человек и очень прямолинейный. Он не был политиком и не содействовал либералам. Зато он был великим гуманистом, поэтому провел в жизнь некоторые реформы, давно ожидаемые в церковном государстве. Ошибочно они были приняты за либеральные реформы, поэтому отсюда возникли различные недоразумения.

Через несколько дней после своего избрания, несмотря на сопротивление многих кардиналов, Пий IX объявил широкую политическую амнистию. Многие заключенные, вся вина которых состояла в принадлежности к какому-нибудь движению за свободу, вышли на волю. В следующие месяцы он притормозил злоупотребления полиции и выдвинул решительное требование, чтобы навязчивая австрийская дипломатия соблюдала в полном объеме независимость Апостольской столицы.

Весной 1847 года он признал справедливую свободу прессе, установил государственный совет с участием светских, выдвинутых со стороны масс, что в некоторой степени напоминало парламент. Разрешил образовать Гражданскую Гвардию.

В атмосфере лихорадочного ожидания, начавшегося с выходом книги Джиоберти «Первенство», Пий IX показался либералам очень желанным папой. Они верили, что папа Мастаи приведет к воссоединению и независимости Италии в духе либерализма. Везде его встречали с энтузиазмом, были организованы парады и походы с факелами в его честь.

Но не только либералы так относились к Пию IX. Представители левого крыла также были очарованы им. Говорят, что даже Меттерних, известный австрийский канцлер, жандарм абсолютизма и консерватизма издал печальный возглас: «Всего я готов был ожидать, только не папы – либерала!»

Пий IX не был папой-либералом, хотя на протяжении двух лет события и обстоятельства свидетельствовали в пользу этого.

Летом 1847 года с целью защиты против папы-либерала, Меттерних отдал приказ войскам австрийского гарнизона занять папский город Феррару. Либералы расценили этот поступок как окончательный разрыв дипломатических отношений между Австрией и Святым Престолом и считали, что это может стать поводом к возникновению войны за независимость. Карло Альберто отдал в распоряжение папы свою армию, а Гарибальди, который в то время находился в Америке, свой легион добровольцев. Манцини из Лондона написал Пию IX пламенное письмо.

Итак, Пий IX стал символом свободы народа. Он никогда не думал о спровоцировании войны, но обстоятельства сложились так удивительно. Освободительная волна, узаконенная его именем по-

висла в воздухе.

После Рима – Турин стал центром манифестаций в честь Пия DC и его «либеральных» начинаний.

### Яростный град камней

Параллельно великой истории, в Вальдокко катится скромная история повседневности: неустанно предпринимаемый труд для блага ребят, молчаливая борьба с долгами. Дон Боско, которому в декабре 1846 года удалось получить в аренду все комнаты дома Пинарди и прилегающий участок (за 710 лир в год), распорядился привести в порядок забор вокруг лужайки для игр и сделать с двух его сторон калитки. Благодаря этому, темные типы, которые по воскресеньям осаждают корчму «Садовница», не смогут проникнуть на территорию оратории и мешать играющим ребятам. Часть лужайки (где сегодня находится ларек с религиозными предметами) дон Боско отвел под огород. Ребята называли его «огородом мамы Маргариты». Расходы на аренду за помещение и на помощь самым бедным постоянно растут, поэтому всегда не хватает средств на питание. Маргарита, женщина деревенская, старается найти выход из положения, разводя в огороде салат и картошку.

По воскресеньям на ближайших лужайках встречаются также различные банды подростков. Они играют на деньги, пьют вино, которое покупают в больших количествах в корчме, ругаются, обзывают нецензурными словами ребят, идущих в ораторию. Дон Боско терпеливо старается завоевать их доверие. Иногда садится с ними поиграть в карты. Постепенно ему удается многих перетянуть к себе. Но случается и так, что во время занятий катехизисом во дворе, его воспитанники вынуждены прятаться в часовню от града камней. Дон Боско хорошо знал, что даже пятьсот ребят из его оратории ничего не значат против этих подростков, лишенных веры и хлеба, праздно шатающихся по городу. Селение Ванхилия, находящееся недалеко от Вальдокко, было пристанью хулиганских банд, которые досаждали карабинерам и окружающим жителям. Эти банды содержались на средства от кражи денег и ограблений людей, возвращающихся с рынка. Между бандами часто возникали драки с камнями и даже ножами.

Проходивший в то время дон Боско не раз старался разнять дерущихся при помощи тумачов и пуская в ход кулаки. «Без тумачов...» – было сказано ему во сне, но ведь и в области снов бывают исключения...

### Священник-«воришка»

Одним из способов, применяемых доном Боско для привлечения ребят в ораторию, было посещение лавок, в которых они работали. Он обращался к хозяину лавки с вопросом:

– Синьор, вы не могли бы оказать мне любезность?

– Пожалуйста, если это только в моих силах.

– Конечно, что в ваших силах. Я вас попрошу прислать мне ваших ребят по воскресеньям в ораторию на Вальдокко. Они научатся немного катехизису и станут лучшими.

– О, этого им как раз не хватает. Некоторые из них ленивые, непослушные.

– Ну что вы! Разве они не похожи на джентльменов. Значит, договорились: в воскресенье я их жду в оратории. Вместо поиграем и отдохнем.

К другим он применял иную тактику. В то время как дон Борель следил за порядком в оратории, дон Боско отправлялся на площади и улицы отдаленных районов города. Ватаги подростков играли на тротуарах в карты на деньги. Карты переходили от одного к другому, а деньги (иногда пятнадцать – двадцать лир) лежали в центре на платочке. Хорошенько разобравшись в ситуации и улучив момент, дон Боско ловким движением хватал платочек с деньгами и бежал. Пораженные неожиданным поступком священника игроки бросались за ним в погоню с криком:

– Деньги, отдай наши деньги!

Эти бедные ребята видели в жизни уже все, но священника – вора еще не встречали. Что есть мочи, дон Боско мчался в направлении оратории, отвечая на ходу:

– Деньги отдам, если меня догоните. Ну, быстрее бегите!

Через калитку он вбегал на лужайку, а оттуда в часовню. Ребята за ними. В то время на амвоне проповедовал дон Борель или дон Карпано. Часовня была полна молодежи. Начинался спектакль. Дон Боско выдавал себя за странствующего торговца, поднимал платочек и провозглашал:

– Нугаты, нугаты! Кто купит нугаты?<sup>11</sup>

Проповедник на амвоне притворялся, что теряет терпение:

– Убирайся отсюда! Здесь не базар!

– Но я ведь должен продать сладости! А здесь столько ребят. Неужели не будет желающих?

Разговор шел на пьемонтском наречии, и ребята хохотали до упада. Вновь прибывшие стояли, оцепенев. Куда же они попали? Тем временем священники весело спорили, но постепенно переводили разговор на темы денег, ругательств, говорили о радости, вытекающей из общения с Богом. Наконец и те, которые прибежали за «вором», начинали улыбаться и интересоваться затронутыми вопросами.

Наконец начиналось чтение литании. Смущенные азартными играми, пробираясь к дону Боско, спрашивали:

– А деньги вы нам вернете?

– Через минуту, после благословления.

Выйдя во двор, он отдавал им содержимое платочка и угощал полдником. Потом брал от них обещание, «что с сегодняшнего дня будут сюда приходить поиграть». И действительно, многие из них потом приходили в ораторию.

### Неприятное соседство

Стефано Гастанье так вспоминает о своем детстве. «Дон Боско был всегда первым во всех играх, был душой отдыха. Не знаю, как это у него получалось, но он умел находиться во всех уголках двора, среди каждой группы молодежи. Он всех нас видел. Мы были растрепанными, часто неряшливыми, назойливыми, капризными. А он любил общаться с наиболее бедными. К самым младшим питал материнскую любовь. Мы часто дрались, ссорились. Он нас разнимал, поднимая руку как бы для удара, но никогда никого не ударил, только с силой взяв за плечи, разводил нас в стороны».

Джузеппе Буцети тоже вспоминает: «Я познакомился с сотнями ребят, которые приходили в ораторию безо всякого воспитания и понятия о религии, но в скором времени коренным образом меняли свое поведение. Они так привязывались к нашей оратории, что никогда ее не оставляли, а исповедовались и причащались каждое воскресенье». Крепко досаждала, особенно летом, расположенная вблизи «Садовница» (густо посещаемая корчма). В часовню, когда окна и двери были открыты, доносились пьяные песни и возгласы. Иногда громкие ссоры заглушали голос проповедника. Неоднократно дон Боско был вынужден сойти с амвона, снять комжу и епитрахиль и пойти в корчму утихомирить пьяниц, пригрозив им позвать карабинеров.

### Молодые учителя и светские помощники

Со временем оратория стала все больше нуждаться в сотрудниках. Священники Борель, Карпано и другие были заняты по воскресеньям другими делами. Откуда взять воспитателей, катехистов и учителей, особенно в вечернюю школу? Дон Боско вспомнил свой сон, где «много барашков превратились в пастухов». Поэтому он стал подыскивать себе помощников среди своих ребят. Он подобрал среди старших юношей наиболее старательных и стал их обучать отдельно. «Эти юные наставники – пишет дон Лемони (а было их в начале восемь-десять) – оказались идеальными, более того, некоторые из них в будущем стали прекрасными священниками».

На помощь пришли также светские люди из города: золотых дел мастер, два купца, владелец торговой лавки, коммерсант и плотник.

## 21. Друг и отец

Зимой 1846/1847 года произошел драматический случай. Четырнадцатилетнему пареньку, который давно уже посещал ораторию, отец лавочник, неисправимый алкоголик, запретил принимать участие в этих встречах. Юноша не послушался отца и продолжал приходить. Отец пригрозил сыну, что убьет его, если это повторится еще раз.

Однажды воскресным вечером паренек вышел из оратории позже обычного. Дома его уже

<sup>11</sup> Нуга (фр. итал.) – сухое печенье из сахара, меда, миндаля, орехов и яичных белков.

поджидал еле стоящий на ногах родитель с топором в руках. Он встретил сына с криком:

– Ты опять был у дона Боско!

Испуганный мальчик бросился бежать. Отец бежал за ним, вопя:

– Убью тебя как собаку!

### Дерево и туман

Наблюдавшая эту сцену мать побежала за мужем, чтобы задержать его. Благодаря молодости и быстрым ногам, юноше удалось прибежать к орактории первым, но калитка была заперта. Он отчаянно колотил по ней кулаками, но никто не выходил открыть ее. Чувствуя, что силы его покидают, паренек быстро взобрался на большую шелковицу, росшую недалеко. Дерево было безлистным, но, к счастью, ночь была темная и туманная.

Несколько мгновений спустя прибежал пьяница со своим топором и стал громко стучать в калитку. Мама Маргарита, которая заметила карабкающегося на дерево паренька, предупредила обо всем дону Боско и пошла открывать калитку. Не успела открыть ее, как пьяный вбежал по ступенькам в комнату дона Боско, грозно крича:

– Где мой сын?

Дон Боско решительно ответил:

– Вашего сына здесь нет.

– Он должен здесь быть! – Начал шарить по углам и шкафам, угрожая:

– Вот найду его и убью!

– Я же вам сказал, что его здесь нет, – строго повторил дон Боско. Но если бы даже он и был, то это мой дом и вы не имеете никакого права входить сюда. Или вы сейчас же уйдете отсюда, или же я позову карабинеров.

– Можете себя не утруждать. Это я сейчас пойду за карабинерами и вы вынуждены будете отдать мне сына.

– Прекрасно, если так, то пошли вместе. Я имею кое-что доложить полиции о вашем поведении. Как раз представился удобный случай.

Этот человек имел свои счета с полицией, поэтому предпочел удалиться, угрожая расправой. Когда он ушел, дон Боско с мамой Маргаритой подошли к дереву. Священник тихо позвал мальчика. Никакого ответа. Тогда он позвал громче:

– Спустись, мой мальчик, здесь уже нет никого.

Опять никакого ответа. Обеспокоенный тишиной Дон Боско по лестнице взобрался на дерево и увидел съездившегося в комок беглеца с вытаращенными от ужаса глазами. Дон Боско прикоснулся к нему. Как бы проснувшись от кошмарного сна, ребенок стал громко кричать и вырываться. Оба чуть не упали с дерева. Дон Боско крепко прижал его к себе и прошептал на ухо:

– Нет здесь уже твоего отца. Это я. Не бойся!

Постепенно мальчик успокоился и тихо заплакал. Тогда священник помог ему спуститься и отвел на кухню. Мама Маргарита приготовила тарелку горячего супа, а дон Боско постелил возле печки матрац, чтобы ребенок мог выспаться в тепле. На другой день, во избежание отцовского гнева, он отправил мальчика к знакомому хозяину, двор которого находился невдалеке. Мальчик смог вернуться домой лишь спустя продолжительное время.

Быть может, как раз это событие еще больше усугубило беспокойство дона Боско, давно живущего в его сердце, о тех воспитанниках, которые вечером не имели куда деваться. Они устраивались ночевать под мостками или в мрачных общественных приютах. Давно уже думал дон Боско о том, как принять в свой дом самых нуждающихся.

Первый шаг в этом деле был сделан однажды апрельским вечером 1847 года. Справа от дома Пинарди (если смотреть на него со стороны фасада) находился навес для сена (в настоящее время там находится проход на большой тыльный двор). Как раз под этим навесом дон Боско и разрешил переночевать шестерым ребятам. Но его ожидало разочарование. Утром гости исчезли, захватив с собой одеяла, одолженные им мамой Маргаритой. Через несколько дней дон Боско повторил попытку. Она окончилась еще хуже: ребята унесли еще и сено с соломой в придачу. Но дон Боско не унывал.

### Мокрый и окоченевший паренек

Майские сумерки. Дождь льет как из ведра. Дон Боско с матерью только что поужинали, как

раздался стук в калитку. Оказалось, что стучал паренек лет пятнадцати, промокший до нитки и очо- ченевший от холода. Он сказал:

– Я сирота. Иду из Вальсезиа. Могу работать каменщиком, но не нашел работы... Я очень за- мерз и не знаю, куда идти дальше.

– Войди в дом – сказал дон Боско. – Стань около печки и погрейся, а то ты так вымок, что легко можешь заболеть.

Мама Маргарита приготовила ему покушать, а потом спросила:

– А куда ты теперь собираешься?

– Не знаю. Когда я пришел в Турин, у меня было три лиры с собой, но я их уже истратил. Он начал тихо плакать. – Не выгоняйте меня, пожалуйста, отсюда!

Маргарита вспомнила об украденных одеялах и сказала:

– Я бы могла тебя оставить, но кто поручится, что ты не унесешь мои кастрюли?

– О нет, синьора! Я беден, но я никогда ничего не украл.

Несмотря на дождь, дон Боско вышел во двор и принес несколько кирпичей. На них он при- мостил доски, а потом снял со своей кровати матрас и постелив его на доски, объяснил:

– Будешь здесь спать. Останешься у нас на столько, сколько будет надо. Дон Боско не выгонит тебя отсюда.

В своих воспоминаниях он пишет дальше:

«Моя добрая мама предложила ему помолиться.

– Я не умею молиться – ответил паренек.

– Тогда помолимся вместе – решила она.

А потом она еще прочла ему маленькую проповедь на тему труда, верности и религии».

Именно в этой маленькой проповеди мамы Маргариты салезианцы видят первое «вечернее словечко», (несколько предложений, которые произносит настоятель дома перед сном). Им оканчи- вается день в воспитательных заведениях дона Боско. Это «словечко» он сам считал «ключом мора- ли, прогресса и успеха в добрых делах». Видимо мама Маргарита была не очень уверена в действи- тельности своих слов, поскольку дон Боско заметил в своих записях: «Чтобы на всякий случай застраховаться, кухню все же закрыли на ключ до утра».

Паренок стал первым сиротой, вошедшим в дом дона Боско. К концу года было их семеро. А в будущем должны были быть тысячи. Вторым был двенадцатилетний мальчик из разбитой семьи. Дон Боско встретил его на Виале сан Массимо (сегодня называется Корсо Регина Маргерита). Мальчик плакал, уткнувшись головой в дерево. Отца у него уже не было давно, а мать умерла вчера. Хозяин дома выбросил его на улицу, оставив себе все его имущество в качестве залога за квартирную плату. Этого мальчика дон Боско привел к маме Маргарите. Потом устроил его приказчиком в лавке. По- степенно мальчику удалось занять хорошее положение. Он навсегда остался другом своего благоде- теля.

Третьим оказался Джузеппе Буцетти, каменщик из Каронно. Его пригласил сам дон Боско. Од- нажды воскресным вечером, попрощавшись с воспитанниками оратории, он взял Джузеппе за руку.

– Ты не хотел бы жить вместе с нами?

– Охотно.

– Я поговорю об этом с Карло.

Его старший брат Карло уже шестой год посещал ораторию. Он согласился на предложение дона Боско. Пятнадцать лет Джузеппе работал в городе каменщиком, дом мамы Маргариты стал его домом.

### **Маленький парикмахер дрожал как листок**

Со временем к ним присоединился Карло Гастини. Однажды в 1843 году дон Боско зашел в парикмахерскую побриться. К нему подошел ученик мастера, чтобы намылить бороду. Дон Боско разговорился с ним:

– Как тебя зовут, сколько тебе лет?

– Меня зовут Карло, мне одиннадцать лет.

– Прекрасно, Карло. Ты мне хорошенько намыль бороду. А как себя чувствует твой отец?

– Он умер. У меня есть только мама.

– Бедняжка, как мне жаль тебя!

Тем временем ученик окончил намыливание бороды.

– Ну, теперь смелее бери бритву и начинай брить мне бороду.

В то время подбежал испуганный мастер:

– Ваше преподобие, мальчик еще не умеет брить! Он пока только намыливает клиентов.

– Но ведь когда-то он должен начать это делать, правда? Поэтому, пусть начинает с меня. Ну-ка Карлетто, берись за дело!

Мальчик, весь дрожа, начал брить дона Боско. Пока выбрил подбородок, весь вспотел. Правда, не обошлось без нескольких незначительных царапин клиенту, но в конце концов он счастливо добрал до конца.

– Прекрасно, Карлетто – улыбнулся дон Боско. Я думаю, что мы будем друзьями и хочу, чтобы ты пришел когда-нибудь меня навестить.

Гастини действительно стал посещать ораторию и очень подружился с доном Боско. Летом этого же года дон Боско встретил его заплаканного у парикмахерской.

– Что случилось, Карлетто? – спросил он.

– Умерла моя мама, а шеф уволил меня с работы. Мой старший брат служит в армии, а я не знаю куда деваться.

– Пошли со мной!

Когда они пришли на Вальдокко, Карло Гастини услышал слова, которые слышали потом многие ребята. Он их никогда не забудет. Дон Боско сказал тогда: «Видишь, я бедный священник, но если я буду иметь только ломтик хлеба, я поделюсь им с тобою!»

Мама Маргарита постелила еще одну постель. Карло остался в оратории на пятьдесят лет. Веселый, живой, он стал прекрасным организатором различных торжеств. Его веселые пьесы, полные здорового юмора, развеселяли всех. Но когда он рассказывал о доне Боско, то плакал как ребенок, повторяя: «Он меня по-настоящему любил!» Часто пел куплетик, который все знали наизусть:

*«Должен я прожить семьдесят лет,  
так мне сказал Джованни – отец».*

Это было одно из многих «предсказаний», которые полусерьезно, полушутя дон Боско сообщал своим ребятам. Карло Гастини умер 28 января 1902 года. В тот день ему было семьдесят лет и один день.

Для приютских сирот переоборудовали две смежных комнаты в спальню. Там разместили восемь кроватей, крест на стене, иконку Матери Божьей и плакатик с надписью: «Бог тебя видит!»

Ранним утром дон Боско служил Св. Мессу, в которой участвовали все, потом читались утренние молитвы и розарий. После этого с хлебом в кармане ребята шли в город на работу. Днем приходили пообедать, а вечером поужинать. За обедом первое блюдо было всегда обильным. Второе зависело от количества овощей в огороде мамы Маргариты и от содержимого кошелька дона Боско.

В эти первые месяцы деньги стали драматической проблемой для дона Боско. Эта проблема осталась нерешенной до конца жизни. Первой его благодетельницей здесь была не графиня, а его мать. Эта бедная крестьянка велела прислать из Бекки свой подвенечный наряд, кольцо, сережки, бусы, которые до сих пор ревниво берегла. После смерти мужа она ни разу не надела этих украшений. Теперь продала все, чтобы прокормить бедных сирот.

### Митра архиепископа

Этот зачаток первого салезианского дома был назван «доном Боско домом, принадлежащим оратории святого Франциска Салезского».

В мае этого же года дон Боско основал для ребят из оратории «Общество Св. Алоиза». Члены общества принимали три обязательства:

- светить добрым примером;
- избегать дурных разговоров;
- часто исповедоваться и причащаться.

На протяжении короткого времени Общество собрало группу молодежи, стремящейся делать успехи в добрых делах и помогающей друг другу на этом пути.

Спустя месяц, 21 июня, впервые был отмечен день покровителя, Св. Алоиза, которого дон Боско всегда ставил в пример молодым, как образец моральной чистоты. В этот день прибыл архиепископ и уделил таинство Миропомазания тем ребятам, которые его еще не имели.

Дон Боско вспоминает об этом моменте: «Архиепископ, после возложения ему на голову Митры, быстро поднялся, забыв, что он находится не в кафедральном соборе и верхушкой митры зацепил

потолок часовенки. Все заулыбались и он тоже». Монсиньор Франсони, архиепископ Турина тихо шепнул: «Придется оказать честь ребятам дона Боско и прочитать им проповедь с открытой головой».

В сентябре дон Боско приобрел первую статуэтку Матери Божьей. Она стоила 27 лир. До сих пор статуэтка сохранилась в часовне Пинарди. Войдя в часовню, ее можно увидеть с правой стороны. Ребята во время больших торжеств в честь Мадонны носили ее в процессии по округе. Эта «округа» состояла из нескольких дворов, «Садовницы» с ее вечно пьяными и крикливыми посетителями, двух небольших каналов, орошающих поля и огороды, а также маленькой часовенки, обсаженной шелковицами (Виа делла Джаардинера), находящейся в центре нынешнего двора, рядом с Базиликой Матери Божьей Заступницы.

### **«Когда пчелы начинают роиться»**

Тем временем, в 1847 году либеральные силы начинают давить на Карло Альберто с целью положить начало реформам. Но король опасается Австрии и не хочет, чтобы кто-то его водил за руку. Еще более нерешительный, чем когда-либо, он делает шаг вперед, потом снова отступает обратно. Народные демонстрации с лозунгами «Да здравствует Пий IX разгоняет полиция. Король заявляет, что „думает о реформах, но хочет чтобы народ вел себя спокойно“».

В ноябре Карло Альберто, Леопольд Тосканский и Пий IX подписывают договор, касающийся таможенной унии между государствами. Это кажется началом федерации итальянских государств, о которой мечтал Джаиоберти. Весь Турин выражает свой энтузиазм королю.

Во время этих событий дон Боско продолжает свою воспитательную деятельность. В ораторию приходит уже очень много ребят. Дон Лемоин насчитывает их уже около восьмисот. Ребята приходят даже из самых отдаленных пригородов. Посоветовавшись с доном Борелем и Карпано, дон Боско пришел к выводу, что следует открыть вторую ораторию в южной части города.

Вдоль аллеи, которая сегодня именуется Карло Витторино, стояли в то время убогие хижинки, заселенные прачками. Белизна белья, которое сушилось на солнце, придавала специфический деревенский характер этому пригороду Турина, который назывался «Порта Нуова». Сюда приходили на воскресную прогулку зажиточные мещане, а на протяжении недели ватаги подростков играли здесь «в войну».

С согласия архиепископа дон Боско снял у синьоры Вальенти за 450 лир в год домик, навес и лужайку, расположенную недалеко от железного моста. Потом сообщил об этом своим ребятам так:

«Дорогие мои, когда в одном улье пчелы слишком размножатся, часть их улетает в другое место. Мы последуем их примеру. Откроем вторую ораторию и создадим новое семейство. Тем ребятам, которые живут в южной части города, не надо будет ходить так далеко: со дня праздника Непорочной Девы они могут посещать ораторию Св. Алоиза в пригороде Порта Нуова около железного моста».

Дон Борель освятил новый центр 8 декабря 1847 года. В эту очень морозную зиму директором новой оратории стал дон Карпано. Он ходил туда пешком, таща с собою охапку дров, чтобы растопить печку в ризнице и вместе с горсткой ребят при ней согреться.

## **22. Лихорадка 1849 года**

В 1848 году европейские народы были подобны взрывающимся пороховым складам. Огонь революции прежде всего захватил города: Париж (в ночь с 23 на 24 февраля), Вену (13 марта), Будапешт (15 марта), Венецию (17 марта), Милан (18 марта). Баррикадные бои быстро превратились в настоящую войну. На протяжении нескольких месяцев вспыхнула вся Европа.

Взрыв был настолько мощным, что 3 апреля царь Николай в России спрашивал: «Что же устоит в Европе?» С этого времени этот хаотичный беспорядок в итальянском простонародье стали называть – «сорок восемь».

В этой главе, как и в других, не ставится задача дать полную характеристику истории Италии и Европы того времени, но следует вспомнить о главных событиях, происходивших в Турине и Пьемонте, так как они оказали большое влияние и на деятельность дона Боско.

### **Либералы, патриоты и рабочие на баррикадах**

Нельзя понять этого «землетрясения» в 1848 году, если не взять во внимание трех основных элементов, переплетенных между собой: либеральных течений, которые боролись против абсолютизма за установление конституционных систем; стремления к свободе отдельных народов и рабочего движения, требовавшего большей общественной справедливости. Одним словом, на баррикадах различных европейских городов боролись плечом к плечу либералы, патриоты и рабочие. Рабочие выступали против фабрикантов, требовавших 12–14 часового рабочего дня. Особенно активно выступали рабочие Парижа. Баррикады, воздвигнутые 24 февраля в восточных окраинах города, дали начало Весне Народов. Победа была молниеносной. После свержения монархии Людовика Филиппа мещане и рабочие заключили союз. Было провозглашено право на труд, а рабочий день сокращен до 10 часов. Но уже через 4 месяца (вследствие ошибок, допущенных пролетариатом, и в результате нетолеранции буржуазии), наступила молниеносная отплата. Париж, в котором проживало в то время 140 тысяч рабочих, был захвачен генералом Кавеньяком на протяжении 4 дней кровопролитной борьбы (23–26 июня). Рабочий день был снова продлен до 12 часов.

В Италии рабочее движение проявило себя только на баррикадах Милана. Революцию 1848 года возглавили либералы, требовавшие конституционных прав, и патриоты, стремившиеся к освободительной борьбе против Австрии, под оккупацией которой находилась территория Ломбардии и Венецкий округ.

### **Конституция, именуемая уставом**

1848 год в Турине начинается всеобщей дискуссией о висящей в воздухе войне. Всех интересует политика: критикуются уставы, выдвигаются проекты, оглашаются прокламации.

30 января становится известно, что в Неаполе король Фердинанд дал согласие на конституцию; в Милане мещане бойкотируют австрийцев. Управление Турина отправляется к Карло Альберто и требует признания конституции.

7 февраля Карло Альберто созывает чрезвычайное заседание Совета Короны и заявляет, что готов проанализировать схему конституции (названной Уставом), которая гарантировала свободу религии и честь монархии.

4 марта в присутствии Совета Короны Карло Альберто подписывает Устав. Приходит конец абсолютной власти, наступает парламентарный строй. Итальянский народ нуждается в длительном мирном периоде, чтобы без стрессов приступить к организации демократической жизни.

Тем временем поступают важные сообщения. Вена взбунтовалась, и император удалил Меттерниха (13 марта). Пий DC признал конституцию 14 марта. Вспыхивает революция в Берлине и Будапеште, а потом дальше – в Венеции против Австрии и в Милане против армии Радетцкого (18 март).

19 марта прибывает граф Аресе, добываясь помощи от Карло Альберто. Совет Министров совместно с королем оценивает ситуацию. Карло Альберто не хочет войны. Война стоит много крови и денег и неизвестно, чем кончится. Он сознается своему другу: «Сели я не объявлю войны, потеряю государство, вспыхнет революция». Решено было послать войска на границу, чтобы защитить ее от вторжения австрийцев. Бригада королевской гвардии движется в направлении Тицино.

Тем временем бои в Милане продолжаются. 20 марта генерал Радетцкий, комендант императорских войск, предлагает прекращение огня. Однако предложение было отклонено. 22 марта люди Лючиани Манари занимают Порто Тоса. Австрийцы оставляют город.

Венеция также освобождается от оккупации. Даниело Манин, освобожденный из тюрьмы, избирается президентом республики Св. Марка. Толпы на улицах Турина скандируют: война! война! 23 марта прибывают представители победного Милана. Они требуют срочной военной помощи, пока австрийцы не успели вернуться. Условием ставят принятие трехцветного флага вместо голубого сабаудского и отсрочки входа в Милан пьемонтской армии до полной победы.

### **Война против Австрии**

Совет Министров утверждает решение о вооруженной интервенции. Карло Альберто соглашается и объявляет войну. Вскоре после этого он выходит на балкон королевского дворца в Пиацца Кастелло и, помахивая знаменем, поздравляет массы людей, скандирующих слова: «Война против Австрии!»

Генерал Пассалаква получает приказ захвата Тицино с трехцветным знаменем, на котором виднеет сабаудский щит.

Ночью 24 марта Карло Альберто с сыном, возглавив 60-тысячную армию, отправляется на фронт. Огромные толпы людей на Виа По и Пиацца Витторио провожают уходящих. Все это кажется пышным, великолепным торжеством.

Но война – это совсем другое дело. В последующие дни из Турина уходят на фронт все полки. Для артиллерии и фургонов мобилизованы все лошади. Город, лишенный транспортных средств, погружается в тишину, пронизанную страхом.

### **Игра в войну на Вальдокко**

Ребята тоже живут войной. На лугах вокруг Вальдокко разыгрываются настоящие сражения между бандами из Ванхилия, Борго Дора, Порто Суса. Это не шутки. Уличники, вооруженные палками, ножами, камнями бьются до потери сознания. Дон Боско часто выходит из дома, чтобы вызвать карабинеров и вместе с ними успокоить самых распоясавшихся.

Однажды он был свидетелем того, как пятнадцатилетний подросток вонзил нож в живот другого парня. Раненого срочно увозят в больницу, где он умирает, прошептав: «Ты мне за это заплаатишь...»

Дон Боско с горечью вспоминает: «Этим провокациям не было конца». Иногда две банды объединялись и камнями забрасывали дом. Слыша удары камней о стены и крышу, Джузеппе Буцетти и другие малыши дрожали от ужаса.

Чтобы привлечь ребят в ораторию, дон Боско использовал военную обстановку и придумал новую игру. Один его знакомый, Джузеппе Брозио, был когда-то берсальером (солдатом). Когда он шел на Вальдокко, то наряжался в мундир, который в то время вызывал честь и энтузиазм. Дон Боско предложил ему организовать среди ребят маленький полк и обучить его военной тактике. Брозио согласился. От правительства города было получено двести старых винтовок с палками, вместо дул. Он принес с собой горн, и началось обучение. Марш, муштра, наступление, отбой. Выступления полка вызывали восхищение у зрителей, кроме того полк выполнял функции службы порядка в часовне.

Однажды в воскресенье после обеда, когда собралось много болельщиков, привлеченных звуками горна во время очередного «наступления», произошло несчастье. «Побежденная армия» в спешном отступлении попала в огород мамы Маргариты. Ударяя перед победителями, истоптала салат, петрушку, помидоры. Маргарита, которая была свидетелем этой сцены, очень опечалилась.

– Посмотри, Джованни – сказала она – что они наделали! Уничтожили все!

### **«Разреши мне вернуться домой!»**

По всей вероятности, это произошло вечером, когда силы совсем оставили маму Маргариту. Ребята улеглись спать, а она – как всегда – имела перед собой целый ворох белья для починки. На ее кровати валялись оставленные порванные рубашки, распоротые брюки, дырявые носки. Склоненная над работой при свете масляной лампочки, она очень спешила, так как утром ребята не имели бы во что одеться. Дон Боско помогал ей, пришивая заплаты на порванные рукава, а также чинил обувь.

Улучив момент, мама Маргарита отозвалась:

– Джованни – сказала она. Я очень устала. Разреши мне вернуться в Бекки. Я работаю с утра до вечера, уже немолода, а ребята все всегда портят. Я уже больше не могу!

На этот раз дон Боско не пошутил, чтобы поднять ее настроение. Он ничего не сказал. Что же могло утешить эту бедную женщину? Он ей указал на крест, укрепленный на стене. Старая крестьянка поняла. Она еще ниже опустила голову над порванными носками, потертыми рубашками и продолжала штопать.

Больше уже никогда не вспоминала о возвращении домой. Свои последние годы она провела среди этих шумных, плохо воспитанных, но нуждающихся в материнской любви ребят. Время от времени эта бедная, натруженная женщина обращала свой взор к распятию, чтобы оттуда получать заряд новых сил.

### **Итальянская война в Ломбардии**

26 марта. Из полученных сообщений следует, что молниеносно реализуется сон неогвельфов. На помощь войскам Карло Альберто, сражающимся за освобождение Италии, приходит 17 тысяч солдат папской армии, возглавляемой генералом Дурандо, из Тоскании – 7 тысяч добровольцев под руководством Монтанелли. Парма и Модена выражают желание соединиться с Пьемонтом.

6 апреля. Поддаваясь общему энтузиазму, Фердинанд Неополитанский также объявляет войну Австрии и отдает 16 тысяч человек в распоряжение генерала Вильгельма Пене. Война в Ломбардии становится народной войной.

В Турин приходят радостные вести. 8 и 9 апреля итальянская армия впервые побеждает в битве под Моцамбано и Гиото. 15 апреля из Америки со своим итальянским легионом прибывает Джузеппе Гарибальди. Но вскоре итальянцев ожидает горькое разочарование.

## 23. Конец надеждам

27 апреля прибыл в Рим граф Риньон, посланник Карло Альберто. Он обратился с просьбой к папе Пию IX о моральной и материальной поддержке в войне. Папа ответил, что материальную помощь он оказал, высылая генерала Дурандо с 17 тысячами солдат. Что касается моральной поддержки, об этом надо подумать. «Если бы я мог подписываться фамилией Мастан, то взял бы перо, и в несколько минут дело было бы готово, потому что я тоже итальянец. Но ведь я должен подписаться Пий IX, а глава Церкви должен быть выразителем мира, а не войны».

Это дело папа рассматривал два дня. Два дня, которые историки очень тщательно проанализировали, но безрезультатно. На протяжении этих 48 часов рапорты из Германии и Австрии сигнализировали о недовольстве тамошних католиков по поводу решений Святого престола, а также об опасности раскола.

## Резкий поворот

29 апреля, выступая перед кардиналами, Пий IX заявил, что его реформы были продиктованы не либеральными тенденциями, а чисто гуманитарными и христианскими чувствами. Мысль о войне с Германией его очень беспокоит. Он просит Бога не о войне, а о мире и согласии. Он также заявляет, что не может стать президентом новой республики, образованной из всех регионов полуострова.

Эти слова нанесли смертельный удар мечтам неогвельфов.

После этого Пий IX направляет письмо к кайзеру Австрии. Он просит у него, чтобы все земли Италии могли соединиться в одно государство мирным путем. Это был жест, отвечающий мирным тенденциям папы, но политически наивным. Он не достиг никакого результата.

Так же, как молниеносно зажглась, так же молниеносно наступила перемена ситуации. Во многих итальянских городах и в армии дошло до серьезных беспорядков. Леопольд Тосканский и Фердинанд из Неаполя отозвали свои войска, но результаты были незначительными. Более того: в результате заговора, который вызвал столкновение между демонстрантами и силами порядка, 15 мая король распустил парламент.

30 мая до Турина дошла последняя радостная весть о победе под Гиото и взятии Пасхиери. Улицы города украсили флагами, окна были освещены. Раздавались призывы: «Да здравствует Карло Альберто, король Италии!»

Наступило тяжелое время. Радетский отбил Виценту, занял Падую, Тревизо и Местре.

Война начала заметно тяготеть над жизнью Пьемонта. Упала торговля, ощущался дефицит денег, многие лавки были закрыты, увеличилось число безработных, начались забастовки сапожников и портных, растет протест, вызванный очень низкой заработной платой.

## Солдатский котелок и военный паек

В общем климате бедности и в оратории на Вальдокко надо было потуже затянуть ремни. Возвращаясь домой в полдень, молодые подмастерья, живущие с доном Боско, идут с котелком за обедом в кухню. В котле, стоящем на огне, варится рис с картошкой, макароны с фасолью или другое нехитрое блюдо. Иногда ребята получают сушеные каштаны с кукурузной мукой.

Дон Боско делит еду, забавляя всех веселыми прибаутками: «Съешь в честь повара!»; «Кушай много, ты должен вырасти большой»; «Я хотел бы угостить тебя куском мяса, но его у меня нет. Если удастся найти ничейную корову, вот тогда отвалим себе пир».

На десерт — одно яблоко. Не каждому по яблоку, а в полном смысле одно яблоко на всех. Дон Боско подбрасывает его вверх, и тот, кто поймает, имеет право его съесть.

Обыкновенная колонка, которая дает «много свеженькой и здоровой водички», вместо изысканных напитков.

На стол во время еды иногда вскакивает какая-нибудь курица мамы Маргариты, чтобы собрать крошки.

Хлеб в оратории не разделяется. Для получения хлебных изделий дон Боско ежедневно дает всем по 25 центов, исходя из того, что вкус и здоровье у всех разное. Те, кто имеет здоровый желудок, покупают солдатские сухари. За эти деньги их можно много купить. Другие предпочитают обыкновенный ломоть хлеба, твердый или мягкий.

После обеда (и ужина, который представляет собой точную копию обеда) каждый моет свой сосуд, а ложку прячет в карман. Те, у кого особый аппетит, перед обедом выщипывают на грядках мамы Маргариты немного салата, который потом заправляют постным маслом и уксусом, купленным за собственные сбережения.

Время наступило трудное. Чтобы сберечь хоть немного денег за счет парикмахера, мама Маргарита предпочитает стричь ребят сама. «После ее стрижки у меня была лесенка на голове – вспоминает доктор Фридерико Цигна. – Когда я по этому поводу выразил свое недовольство, эта святая женщина сказала: По этой лесенке ты взойдешь на небо».

### Драматические события

Вторая половина 1848 года ознаменовалась полосой драматических событий. В июне при помощи орудий было подавлено восстание в Праге и в Париже. С 23 по 26 июля на холмах Кустоцы произошло решительное столкновение между австрийцами и пьемонтцами. Поражение Карло Альберто было столь значительным, что даже оборона Милана не была организована. Когда 29 июля весть об этом дошла до Турина, там начались угрожающие беспорядки. Их жертвой прежде всего стали дома богатых жителей и священников.

6 августа Джиоберти направился в штаб с просьбой, чтобы король не выходил из войны. Но Карло Альберто был уверен, что его войска уже не в состоянии продолжать борьбу и 9 августа приказал генералу Саласко подписать перемирие. Это было признанием поражения и концом всех надежд.

Политики Турина резко выступили против неспособности вождей и нерешительности духовенства. Они требовали расследования в парламенте и наказания виновных. В столице царил беспорядок. «Необходимо было принять строгие меры – пишет Франческо Коньяссо. – Последовали изменения в правительстве, была запрещена продажа газет на улицах, расклеивание политических плакатов, проведение собраний и дискуссий на площадях».

### Перестрелка в часовне Пинарди

Дон Боско тоже вспоминает об этих трудных месяцах: «Считалось правильным каждое выступление против священников и религии. Не раз на меня нападали дома и на улице. Однажды, во время урока катехизиса, пуля попала в окно, продырявила мне рукав и полу одежды и застряла в стене, образуя глубокую воронку». Это случилось в часовне Пинарди. Ребята были очень напуганы этим выстрелом. Только дон Боско (сам взволнованный тем, что жизнь его висела на волоске), успокоил их, весело сказав:

– Эта шутка не очень подходящая. Обидно мне за мою единственную сутану. Но Матерь Божья покровительствует нам!

Один из воспитанников вытащил снаряд из стены. Это была обыкновенная металлическая пыла.

«В другой раз – пишет дон Боско – это случилось среди бела дня. Я находился среди молодежи, когда какой-то тип, вооруженный длинным ножом, напал на меня. Я вижу настоящее чудо в том, что мне удалось убежать и скрыться в комнате».

Дон Борель также чудом спасся от выстрела из пистолета.

Безответственная пресса разжигала ненависть к священникам. Публиковались статьи, очерняющие дона Боско, озаглавленные большими буквами: «Раскрыта революция на Вальдокко»; «Священник из Вальдокко и враги отчизны».

### Трагические вести из Рима

15 сентября король возвратился в Турин. Город принял его холодно и без энтузиазма. Странные вести кружат по городу: вроде бы вскоре должны подойти французские войска и возобновится война.

Говорят, что Карло Альберто отказался от власти, что опять вспыхнет революция.

В середине ноября приходят трагические вести из Рима. Убит Пеллегрино Росси, известный своими умеренными взглядами премьер Пия IX. Массы начинают оказывать давление на папу, требуя присоединения к войне против Австрии. Толпы людей лихорадочно скандируют на улицах Рима: «Долой Пия IX! Долой отсталых министров! Да здравствует тот, кто убил Пеллегрино Росси! Война! Война!»

Начинает нарастать страх. Страх перед революцией и террором.

В конце ноября приходят вести о побеге Пия IX. Он сделал вид, что подчиняется воле масс, а потом в одежде простого священника укрылся в Гаэте в Неаполитанском королевстве.

1848 год, начатый с энтузиазмом надежды, кончается в Италии туманной неуверенностью. В других странах он закончился кровавой борьбой и железными репрессиями. После Парижа и Праги в октябре была покорена Вена. В декабре был распущен парламент в Берлине.

### Становится немного легче

На Вальдокко, где с наступлением зимы условия жизни в оратории становились все более трудными, на горизонте неожиданно появляются проблески.

Впервые один из воспитанников оратории становился семинаристом. Это Асканио Савио, земляк дона Боско, происходивший из той же деревни. Он посещал ораторию с самого ее основания. Асканио Савио хотел бы поступить в семинарию в Турине, но она закрыта. Аналогичная судьба ожидала в скором времени и учебные заведения в Киери. Поэтому курия Архиепископа разрешила провести торжественное облачение в одеяние священника в доме дон Кот-толенго и оставила молодого семинариста в распоряжении дон Боско.

Не останется с ним, однако, навсегда. Через четыре года он возвратился в семинарию и стал потом работать священником епархии. Позже Асканио Савио вспоминал о доне Боско: «Я любил его так, как будто он был моим родным отцом». Джованни Боско тоже напишет о нем: «Я ему доверил часть молодежи, уроки катехизиса и руководство различными другими делами. Становилось немного легче». Первый ягненок стал пастушком.

Второе событие было иного характера.

В оратории торжественно отмечался очередной праздник. Несколько сотен ребят ожидало Св. Причастия, а дон Боско служил Св. Мессу, уверенный, что в святилище находится чаша, наполненная причастиями. Тем временем оказалось, что чаша почти пуста. Джузеппе Буцетти, заведующий этим делом в ризнице (чем только он не занимался!?), забыл приготовить вторую чашу и заметил это только после освящения (консекрации).

Когда ребята начали причащаться, дон Боско с сожалением отметил, что почти всех придется отправить ни с чем. Он не мог примириться с этой мыслью и начал раздавать те причастия, которые находились в чаше. И тут, к огромному удивлению его и бедного ризничего, количество причастий вовсе не уменьшалось. Оказалось достаточно всем.

Ошеломленный Джузеппе Буцетти рассказал об этом случае своим товарищам. Еще в 1864 году он докладывал об этом факте первым салезианцам. Выслушав этот доклад, дон Боско серьезно сказал: «Да, в чаше было только несколько причастий, однако же я причастил всех, кто приступил к Господнему столу, а их было немало. Я тогда подумал: ведь освящение (консекрация) является большим чудом, чем размножение. За все пусть Бог будет прославлен».

В то время, когда вся Италия содрогалась громкими событиями, в забытом уголке Турина Бог тихо умножил свое присутствие среди ребят бедного священника. Примета таинственная, но полная сияния.



**Дон Боско исповедует паренька по имени Паоло Альбере, который станет в будущем вторым наследником Святого на посту руководителя Салезианского Братства (копия подлинного снимка, сделанная в 1861 году)**

## **24. Год 1849 тернистый и неурожайный**

«Год 1849 оказался тернистым и неурожайным, несмотря на немалые усилия и огромные жертвы» – пишет дон Боско.

Он начался для священника семейной новостью. 18 января неожиданно на 41 году жизни скончался Антони. В последнее время он часто бывал в оратории, навещая мать и брата. Беседовали о плохом урожае, о высоких налогах, которые взимались государством с крестьян на военные цели. Антони рассказывал о потомстве, которым наделил его Господь. Предпоследний ребенок, сынок Микеле, прожил всего несколько часов, но оставшаяся шестерка росла хорошо.

С течением времени жизненные пути сблизили братьев. Времена, когда отношения между ними были холодными, казались очень отдаленными.

### **«Мне хотелось дать пощечину...»**

Первого февраля Карло Альберто открыл Парламент, избранный во время выборов. Мощная левая оппозиция выслушала его молча. На улицах раздавались крики: Да здравствует война! Долой священников! Да здравствует республика!

В газетах появились оскорбительные карикатуры Пия IX – «предателя Италии». Дон Боско также дождался злобных атак прессы. Его поднимали на смех, называя «святым» и «чудотворцем из Вальдокко».

Банды хулиганов опять забрасывали камнями дом Пинарди, в то время уже полностью занятый под ораторию.

Дон Боско теперь везде ходил с бельсальером Борзио, который так вспоминает о тех событиях: «Когда мы шли по аллее, которая сейчас называется Корсо Регина Маргерита, кучка маленьких хулиганов выкрикивала оскорбления в адрес дона Боско, или же пела непристойные припевки. Однажды мне хотелось надавать им подзатыльников и пощечин, но дон Боско сдержал меня. Он подошел к нескольким из них, купил фрукты в ближайшей лавке и одарил ими своих „друзей“, как он их называл».

## **Опять война**

Тем временем Турин снова дышал войной. Левая демократия, стоящая у власти, стремилась к борьбе.

12 марта было нарушено перемирие. Через неделю возобновились бои. На границу было направлено 75 тысяч солдат. Король отправился в Александрию. Но на сей раз войска не пылали энтузиазмом. Полк Савойя отказался взять участие в марше. Появились дезертиры. Начались экзекуции.

В Ломбардии Радецкий отдал приказ своим войскам взять курс на Турин.

23 марта. На фронте, длиной в четыре километра, разыгралось сражение за Новару. Центр ожесточенных боев, Ла Бикокка, многократно переходил из рук в руки. Местами проявляется настоящий героизм. Во время штыковой атаки гибнет генерал Пассальяква. Генерал Перроне, бывший премьер, теперь смертельно раненный, распорядился отнести себя на руках к королю для отдачи последней почести. Вечером все заканчивается. Артиллерия Радецкого выигрывает баталию. Генерал Дуранд несколько раз силой вытягивает Карло Альберто из гущи схватки.

Бой и война проиграны. Наступающая ночь застала всех в смятении. От Наварры до Оледжио и Момо все дороги забиты брошенными повозками. Разогнанные солдаты бродят без оружия и командиров, громко выкрикивая: «По домам! Пусть за войну платит Пий IX, пусть платят богатые, пусть платят кто хочет, а мы идем домой!»

После полуночи Карло Альберто отказывается от престола. В наброшенном на плечи военном плаще уходит из Наварры среда всеобщего хаоса. Отправляется в изгнание. На протяжении четырех часов на привалах ищут нового короля. Узнав об отказе от престола, Радецкий на 6 часов объявляет прекращение огня.

Потрясенный событиями молодой Виктор Эммануил с растрепанной бородой, с уставшими глазами, встречает австрийского маршала на чьем-то дворе. Он просит возможные к принятию условия капитуляции, так как в противном случае будет вынужден тоже эмигрировать, оставляя Пьемонт в руках революционеров. Когда Виктор Эммануил удаляется, старый 82-летний австрийский воин говорит генералу Гессу: «Бедный мальчик».

### **Остатки вольной жизни**

В этот момент страна терпит больше всех. В Турине создалась напряженная ситуация. Когда стало известно, что Австрия требует 200 млн лир на погашение военных расходов, а кроме того займет Александрию, левые силы запротестовали. Идет открытая речь о республике. Появились требования возобновить войну. В Генуе вспыхивает восстание. Молодой король прибывает в Турин. У него есть желание разогнать всех депутатов прочь, но потом передумывает. Повстанцев угомонила артиллерия.

Мирный договор был подписан только 7 августа. После длинных торгов Австрия соглашается оставить занятую территорию вместе с Александрией и снижает возмещение ущерба до 75 миллионов.

Гаснут последние угольки большого пожара 1848 года. Почти все повстанцы, сражающиеся плечом к плечу на баррикадах, побеждены. Австрийская артиллерия заставила замолчать патриотов, требующих независимости. Рабочие вернулись к трудному 12 часовому рабочему дню. Либеральные конституции почти везде, за исключением Устава Пьемонта, были отменены. Однако как раз он оказался весьма важным. Впоследствии вокруг Пьемонта сгруппируется вся Италия. Также и другие зерна свободы и равенства, которые, казалось, погибли во время бушующих репрессий, начнут медленно давать всходы.

Тем временем десятки тысяч беженцев пополняют число жителей Турина. Квартирная плата огромна, а зарплаты – ничтожные.

### **Два маленьких сердечка**

24 июня – день Св. Иоанна Крестителя. Именины донна Боско. Карло Гостини и Феликс Ревилио, помимо всех трудностей, решили купить подарок. Уже давно в глубокой тайне от всех они договаривались об этом. Экономили за счет хлеба и небольших чаевых. Но что купить, если все так дорого стоит? Наконец решили: выбрали два маленьких сердечка, такие, которые дарят люди Матери Божьей за ниспослание благодати. Необычное решение, но прекрасное и трогательное.

Вечером перед торжеством, когда все уже улеглись спать, двое ребят стучат несмело в дверь донна Боско и, краснея по уши, дарят ему эти два сердечка.

## Четверо ребят и белый платочек

Гастини и Ревилио относятся к тем ребятам, к которым дон Боско имеет серьезные намерения. В 1848 году с одиннадцатью товарищами он направляет их на реколекции (духовные упражнения). В следующем году они опять участвуют в этих упражнениях, на сей раз уже среди шестидесяти девяти других воспитанников оратории, объединенных в две группы.

– Мне нужна помощь в оратории. Как вы на это смотрите, – говорит дон Боско.

– А как мы можем Вам помочь?

– Прежде всего, усердно одолевая знания. Вас ожидает ускоренный курс обучения, включающий латынь. Потом, если Бог позволит, сможете стать священниками.

Четверо ребят переглядываются. Соглашаются. Дон Боско ставит одно условие. Он вынимает белый платочек и мнет его в ладонях.

– Я вас прошу вести себя так, как этот платочек в моих руках. Вы должны быть мне во всем послушными.

Среди четверки только Беллиа окончил начальную школу. В августе ребята будут поручены дону Хиавезо с целью усовершенствования родного языка. В сентябре дон Боско везет их к себе в Бекки и начинает проходить с ними курс латинского языка. Возвращаются в Турин в октябре, как раз на похороны Карло Альберто, который умер в Опорто.

## Батальон из Ваихилия

В этом же месяце, с согласия дона Кокжи, дон Боско вновь открывает ораторию имени Ангела Хранителя, находящуюся в предместье Ванхилия, которая была закрыта несколько месяцев назад. Она представляет собой два барака, две комнаты и небольшой зал, оборудованный под часовню. Аренда стоит девятьсот лир в год. Руководить ораторией будет дон Карпано, поручивший свою прежнюю ораторию Св. Алоиза дону Понте.

В предместье Ванхилия по-прежнему продолжаются ожесточенные схватки между бандами подростков. Дон Боско присылает на помощь дону Карпано берсальера Брозио, который там организует учебный батальон, всегда готовый не только к играм, но и к собственной защите.

«Однажды в воскресенье – рассказывает Брозио – около сорока хулиганов, вооруженных камнями, палками и ножами, пытались проникнуть на территорию нашего заведения. Испуганный директор дрожал, как осенний лист. Увидев, что негодяи готовятся к драке, я закрыл двери, собрал своих старших ребят и раздал им деревянные винтовки. Потом разделил ребят на отряды и приказал, в случае нападения, по сигналу броситься одновременно со всех сторон, не щадя ударов. Самых младших, плакавших от страха, я укрыл в часовне. Затем отправился к главным воротам, которые уже форсировались нападающими. Тем временем кто-то сообщил кавалерии о происходящем нападении и на помощь прибыл отряд с обнаженными саблями».

Все кончилось благополучно.

## Матрац, набитый листьями

18 ноября к дону Боско переселился его давний друг из семинарии в Киери, дон Джакомелли. Он остался в Вальдокко на два года. С его помощью, а также с помощью семинариста Асканио Савио, дон Боско смог увеличить число ребят в «приюте» до тридцати. В 1852 году их будет 36, в 1853 – 76, еще через год – 115. В 1860 году – 470, а в 1861 – 600, потом число увеличится до 800.

Жизнь этих ребят и в дальнейшем была очень убогой. Зимой они мерзли в часовне и других помещениях. Тепло бывало только в кухне и одной комнате, где находилась печка. Матрацы, набитые шерстью или волосом были редкостью. Это могли себе позволить лишь немногие. Большинство спало на матрацах, набитых сухими листьями или соломой. Скромный общий капитал дон Боско доверял Джузеппе Бузетти, которому в 1849 году исполнилось лишь 17 лет. Он был ошеломлен оказанным ему доверием. По воскресеньям воспитанники интерната вместе с пятьюстами приходящих в ораторию участвуют в играх и прогулках.

## Мамалыга за четыре сольдо

В конце 1849 года, когда многие в Турине терпят голод (как отмечают хроники), в жизни дона

Боско отмечено несколько удивительных событий. Их можно было даже назвать скромными чудесами, которые он выпросил для бедного народа.

О первом таком событии рассказывает Джузеппе Брозио в письме дону Бонетти: «Однажды я находился в комнате дона Боско, когда незнакомый человек обратился к нему за помощью. Он говорил, что имеет пятеро голодных детей. Дон Боско пошарил в карманах и нашел в них только четыре сольдо (1/5 лиры). Он дал эту мелочь просящему с благословением. Когда мы остались одни, дон Боско выразил сожаление, что больше не имел денег. Этому человеку он бы отдал и все сто лир.

Я на это ответил:

– А Вы уверены, что этот человек говорил правду? Может быть он обманщик.

– Нет, этот человек справедливый и лояльный. Более того, он очень трудолюбив и привязан к своей семье.

– Откуда же Вам это известно?

Дон Боско взял меня за руку, внимательно посмотрел в глаза и тихо произнес:

– Я прочел это в его сердце.

– Значит, Вы видите также и мои грехи?

– Да, я чувствую их запах, – смеясь, ответил дон Боско.

Я должен признать, что он действительно читал в моем сердце. Если я забывал о чем-то во время исповеди, он точно ставил перед моими глазами все дела, а ведь я проживал в километре от него. Однажды, скрыто перед всеми, я сделал одно доброе дело, которое стоило мне многих усилий. Как только я появился в оратории, дон Боско взял меня за руку и сказал:

– Какое хорошее дело ты приготовил себе для неба!

– А что же я сделал? – спросил я. И он мне рассказал о моем поступке со всеми подробностями.

Как-то потом я встретил в Турине того мужчину, которому однажды дон Боско дал четыре сольдо. Он меня узнал, остановил и сообщил, что за эти деньги купил кукурузной муки. Сваренной мамалыгой он накормил всю свою семью до сыта. При этом добавил:

– С того времени мы называем дона Боско «священником чудесной мамалыги», так как за четыре сольдо нормально можно купить муки лишь для двух человек, а ведь нас было семеро!»

### «Карлетто, проснись!»

Второй случай описала по – французски маркиза Мария Фасатти, урожденная Де Маистр. Вот ее запись:

«Я слышала этот рассказ из уст самого дона Боско и стараюсь его очень точно повторить:

Однажды кто-то разыскивал дона Боско, чтобы попросить его навестить тяжело больного паренька давно участвовавшего в оратории. Дона Боско дома не оказалось – он должен был вернуться через два дня. После возвращения ему удалось посетить больного только после обеда, где-то около четырех часов. Подойдя к дому, где жил мальчик, дон Боско увидел двери, а на нем объявление о смерти своего воспитанника. Он вошел в дом, чтобы поприветствовать и утешить родителей. Нашел их в слезах. От них и узнал, что сын умер рано утром. Дон Боско попросил разрешения войти в комнату, где лежал умерший. Кто-то из членов семьи проводил его.

– Войдя в комнату – отмечает дон Боско \_\_я подумал, что возможно мальчик не умер, поэтому, подойдя к кровати, я позвал его по имени: «Карлетто!» В тот же момент он открыл глаза и приветствовал меня удивленной улыбкой. «О дон Боско – сказал он громко. – Вы меня пробудили от ужасного сна!»

В это время несколько человек, находящихся в комнате, стали с ужасом бежать, переворачивая подсвечники. Дон Боско поспешно снял простыню, в которую был завернут мальчик. Он тем временем продолжал говорить: «Мне казалось, что я нахожусь в какой-то пещере – длинной, темной и такой узкой, что я еле мог дышать. В глубине я видел пространство пошире и светлее, куда души прибывали на суд. Мой страх и ужас усилились, когда я увидел многих осужденных на вечные муки. И вот подошел мой черед. Я должен был быть осужденным как и другие. Мне стало страшно, так как последняя моя исповедь была неискренней, но вдруг Вы меня разбудили!»

Тем временем, узнав, что сын ожил, прибежали родители Карло. Мальчик их сердечно приветствовал, но просил не надеяться, что он будет жить. Он обнял их, а потом пожелал остаться наедине с доном Боско. Мальчик рассказал ему, что имел несчастье совершить смертельный грех. Когда серьезно заболел, то хотел исповедоваться и просил разыскать дона Боско, но его не было. Попросили другого священника, но перед ним паренек не решился признаться во всем. Только вот сейчас Бог разрешил ему понять, что он своей неискренней, святотатственной исповедью заслужил ад.

Мальчик исповедовался перед доном Боско с искренним раскаянием. Получив прощение грехов, закрыл глаза и спокойно умер».

### Бездонная корзина каштанов

Свидетелем третьего события был Джузеппе Буцетти. Подтверждает это также письменно Карло Томатис, один из первых воспитанников, принятых в дом Пинарди.

В поминальный день дон Боско взял всех ребят на кладбище, чтобы там вместе с ними помолиться. После возвращения он обещал угостить их вареными каштанами, три мешка которых купил заранее. Мама Маргарита, видимо не поняла распоряжения и сварила всего 3–4 килограмма. Джузеппе Буцетти, уже тогда исполняющий роль эконома, первым возвратился домой и, заметив это, сказал:

– Дон Боско расстроится. Надо предупредить его.

Тем временем вернулась шумная и проголодавшаяся компания и предупредить дона Боско не успели. Он взял из рук Джузеппе корзину и начал щедро раздавать каштаны большими порциями. Буцетти громко заметил:

– Не давайте так много, ведь не хватит всем!

– Но ведь есть еще три мешка в кухне!

– Да, но только те, что в корзине, сварены, только эти! – старался объяснить Буцетти, а ребята в то время шумели и толкались.

Дон Боско не знал, что делать. Наконец сказал:

– Я же всех обещал накормить. Будем раздавать сколько хватит.

И действительно, он продолжал делить большими порциями. Буцетти нервничал и заглядывал в корзину, на дне которой осталось несколько горстей каштанов. Тем временем очередь увеличивалась. Ожидаящие тоже нетерпеливо поглядывали на корзинку. Вдруг все затихли. Сотни ошеломленных глаз уставились в корзину, в которой не уменьшалось количество каштанов. Она казалась бездонной. Каштанов хватило всем.

Возможно, что впервые в этот вечер, с полными горстями каштанов, ребята кричали: «Дон Боско – святой!»

## 25. Дом и церковь

В конце 1849 года дон Боско обратился в Министерство внутренних дел с просьбой о помощи для своей оратории.

И вот январским воскресным днем пополудни в ораторию на Вальдокко прибыла комиссия, состоящая из трех сенаторов – Склописа, Паллявичини и Коленьо с целью осмотра учреждения и предоставления отчета в сенат и министру.

У проверяющих сложились очень положительные впечатления. Они увидели пятьсот ребят, играющих во дворе и на ближайшем лугу. Видели их также молящихся в часовне и вокруг нее. Подробно расспрашивали о приюте, в котором в то время проживало тридцать воспитанников.

Граф Склопис побеседовал с одним из них – Джузеппе Ванцино и узнал от него, что происходит из Варезе, не имеет отца, работает каменщиком. Заплакав, паренек сообщил, что мать его находится в тюрьме.

– А где ты ночуешь? – спросил смущенный граф.

– До последнего времени я ночевал у хозяина, но теперь дон Боско взял меня к себе.

Отчет для сената подготовил Паллявичини. Он зарегистрировал его в Государственных Актах 1 марта 1850 года. В отчете говорилось: «Учреждение Джованни Боско, серьезного и усердного священника, носит исключительно религиозный характер, является высоко моральным и делает много добра. Было бы большим ущербом для города, если бы вследствие недостатка фондов это учреждение вынуждено было прекратить свою деятельность. Наша комиссия вносит в Министерство внутренних дел заявление с просьбой о признании помощи для учреждения, очень нужного и полезного».

Эти слова дали свои плоды в виде трех банкнотов по сто лир от Сената и двух по тысяче – от министра Урбано Ратацци. Но не деньги здесь стали большим достижением, хотя и были приняты с благодарностью. На территории Пьемонта ширился долгий и мучительный конфликт между государством и Церковью. Визит и отчет сенаторов, вызванных доном Боско, помогли оратории пережить эту угрозу без особого ущерба.

## Арест архиепископа

Это были жаркие дни. В парламенте велись дискуссии над проектами законов, представленных министром юстиции Сиккарди. Решался вопрос об упразднении давних привилегий Церкви: церковного трибунала (до сих пор епископы и священники, обвиняемые в преступлении, были судимы только церковным трибуналом, вследствие уважения к лицам, посвященным Богу); вопрос убежища (полиция не имела права арестовать преступника, если он укрылся в монастыре или церкви), а также права увеличения имущества Церкви.

8 апреля законы Сиккарди были утверждены Сенатом и парламентом (право голоса имели лишь около 2 % населения. Католики, хотя и многочисленные, не имели много своих представителей в парламенте). 9 апреля решения Сената утвердил король. В городе стали бушевать банды антиклерикалов. Возникали демонстрации с лозунгами и призывами: «Долой священников! Да здравствует Сиккарди!». Целевым пунктом манифестантов стал дворец архиепископа. Сначала были только угрозы и ругательства «Смерть Франзони! Долой папского посланника!». Потом на дворец обрушился град камней. Посыпались стекла из окон, толпа подбиралась к воротам. Была вынуждена вмешаться кавалерия с обнаженными саблями.

В конце июля тяжело заболел министр сельского хозяйства Пьер Дероззи ди Сантароза. Перед смертью он попросил последние таинства. Приходской священник из конгрегации Сервитов получил распоряжение от епископа – предложить больному публичное отречение от своего одобрения уставов Сиккарди. Сантароза не принял этого предложения и умер без исповеди 5 августа.

На улицах Турина снова замешательство. Конгрегация Сервитов снова удалена из города. Министр войны Альфонсо Ла Мормора приказал монсиньору Франзони покинуть архиепископский дворец. Вследствие неповиновения 7 августа карабинерам был отдан приказ об аресте епископа и заключении его в форте Фенестрелле, вблизи французской границы. Отсюда 28 августа он был удален за пределы государства.

Начались бандитские нападения на монастыри. Монахи были вынуждены устроить баррикады в собственных домах. 14 августа некий Вольпато пришел на Вальдокко предупредить дона Боско о готовящемся к вечеру нападении. Он советовал ему уйти из Вальдокко вместе с ребятами. Поразмыслив, дон Боско все же решил остаться. К 16 часам колонна демонстрантов направилась к окраине города. Как утверждает дон Лемони, среди них был человек, которому когда-то дон Боско оказал услугу. Он задержал колонну и выступил со словами:

– Мы плохо делаем, нападая на ораторию. Ведь кроме бедных ребят дона Боско, который их содержит, мы там никого не найдем. Дон Боско происходит из простого народа, так же как и все мы, поэтому надо оставить его в покое.

После короткого совещания демонстранты направились в другое место.

## Второй отряд

Среди этой большой исторической грозы, дон Боско потихоньку осуществляет свои планы. Летом 1850 года Микеле Руа заканчивает начальную школу у Братьев Школ Христианских. Дон Боско постоянно заботится о нем и однажды приглашает его к себе.

– Что ты думаешь делать на следующий год?

– Мама уже беседовала с директором оружейной фабрики. Меня примут писарем, и я смогу помогать семье.

– Я тоже говорил о тебе. Твои учителя утверждают, что Бог наградил тебя исключительным умом, и будет очень плохо, если ты не продолжишь свою учебу дальше. А ты бы хотел учиться?

– Конечно, но моя мама бедна, а отца у меня нет. Где же я возьму деньги на учебу?

– Я подумаю об этом. Спроси только свою маму, будет ли она согласна, чтобы ты начал курс латыни.

Синьора Иоанна Мария долго всматривалась в длинного худого юношу, который с таким энтузиазмом рассказывал ей о доне Боско.

– Я очень рада, Микеле, – сказала она. Но позволит ли тебе учиться твое здоровье? Бог принял к себе уже четверых твоих братиков, а ведь ты еще слабее их. Скажи дону Боско, чтобы не держал тебя слишком долго за книгами.

Поскольку Микеле жил буквально в нескольких шагах от оратории и имел слабое здоровье, дон Боско оставил его в родном доме еще на два года. Но с ноября определил его в частную школу про-

фессора Джузеппе Бонцанино. По вечерам он сам повторял с ним арифметику и десятичную систему измерений. Микеле Руа, Анджело Савио, Франчезия и Анфосси составляли вторую группу воспитанников, которых дон Боско надеялся привести к священству.

По воскресеньям, в то время как Буцетти и другие помогали на Вальдокко, Микеле и Анджело отправлялись в оратории Ванхилия и Порта Нуова. Там они учили ребят катехизису и занимались ими.

2 февраля 1851 года. После четырнадцати месяцев упорной учебы четыре воспитанника дона Боско великолепно сдали экзамен в Туринской курии. Буцетти, Гастини, Белия и Ревильо облачаются в оратории в семинаристскую одежду. Дон Боско сияет. Ему кажется, что эти первые барашки в будущем станут пастырями. Но он ошибается: из четырех юношей, начавших на следующий день курс философии, только Белия и Ревильо дойдут до священства, но не останутся в оратории. Гастини вскоре разочаруется и бросит учебу. Буцетти будет всегда поддерживать связь с доном Боско, но не дойдет до пресбитериата. Первой надеждой, которая станет реальностью будет этот высокий и бледный юноша, Микеле Руа, который живет теперь вместе со своей мамой.

### 30 тысяч лир и легкое головокружение

После облачения своих первых семинаристов, дон Боско стал думать о собственном помещении. Он не хотел жить в наемных комнатах, которые в любой день могли быть проданы посторонним лицам. Однажды в воскресенье, в то время как дон Борель читал проповедь, дон Боско обратился к Франческо Пинарди:

– Я куплю у вас целый дом, но за доступную цену.

– Конечно, я потребую честную сумму, но я хотел бы знать, сколько вы хотите уплатить, – ответил Пинарди.

– Я поручил оценить дом порядочному человеку, инженеру Специи. В том состоянии, в котором он находится сейчас, его цена 26–28 тысяч лир. Я вам предлагаю за него 30 тысяч.

– Заплатите всю сумму сразу, наличными.

– Хорошо, согласен.

– Тогда пожмем друг другу руки, а через две недели подписываем соглашение...

Дон Боско пожал руку Пинарди и почувствовал легкое головокружение. 30 тысяч тогдашних лир равнялись 60 миллионам лир в настоящее время. Откуда взять такую сумму на протяжении двух недель? Вот что об этом записал дон Боско с большой простотой:

«В то время и стало действовать Провидение. Еще в тот же вечер – что было необычным в праздничные дни – меня навестил дон Кафассо и сказал, что одна благородная дама, графиня Казаццо – Рикарди, поручила ему передать мне 10 тысяч лир, в распоряжение по моему усмотрению. На следующий день прибыл монах – росминьянец, принося мне 20 тысяч лир займа». Заем составлял 4 %, но настоятель Расмини никогда потом не потребовал обратно ни процентов, ни самой суммы. Три тысячи дополнительных расходов были покрыты синьором Котта, владельцем банка, где было подписано соглашение.

Это произошло 19 февраля 1851 года. Трудно не заметить в этом событии руку Божьего Провидения, но гораздо труднее было бы дону Боско не пойти дальше избранным путем.

### «А теперь красивый храм»

Однажды вечером в феврале, когда мама Маргарита чинила одежду спящих ребят, дон Боско как бы мимоходом заметил:

– А теперь я хочу построить красивый храм в честь святого Франциска Салезского.

Игла с ниткой выпала из рук мамы Маргариты:

– Храм? Откуда же ты возьмешь деньги? У нас почти не за что купить хлеб и одежду для этих бедняг, а ты говоришь о новой церкви? Я надеюсь, что сначала ты хорошо подумаешь и посоветуешься с Богом, прежде чем возьмешься за такое мероприятие.

– Мама, а если бы у тебя были деньги, ты бы мне их дала?

– Обязательно. Но у меня уже ничего нет.

– А не думать, что Бог, который является еще более добрым и щедрым, чем ты, не мог бы мне помочь?

Ну и какая же здесь может быть дискуссия с таким сыном?

Надо признать, что дон Боско был прав. В часовне Пинарди, несмотря на ее расширение, не

могли уже поместиться все ребята, даже если бы она была трехэтажной. Кроме того, как пишет дон Боско – «входя в часовню, надо было спуститься по двум ступенькам вниз. Во время снегопада и дождя мы топились в воде, летом задыхались от жары.

Дон Боско поручил приготовить проект храма инженеру Бланхиеру, а Фридерико Бокко назначил руководителем строительства.

– Я вас предупреждаю – сказал дон Боско, что иногда у меня не будет денег, чтобы уплатить за работу.

– Тогда мы будем работать медленнее.

– О нет! Я хочу, чтобы работа шла так быстро, чтобы уже через год строительство церкви было закончено.

Фридерико Бокко пожал плечами:

– Значит, ускорим темп. Но и вы поспешите с деньгами.

### **На протяжении 16 лет здесь билось сердце дона Боско**

«После приготовления места под фундамент – вспоминает дон Боско – 20 июля 1851 года был освящен краеугольный камень». Положил его Джузеппе Котта, один из крупнейших благодетелей салезианского дела. Слова благодарности прочел четырнадцатилетний Микеле Руа. Торжественную проповедь провозгласил известный оратор, отец Баррера. Обычно при таких обстоятельствах употребляется много красочных преувеличений и сравнений. Баррера тоже говорил образно, но в его речи не было преувеличения. Он сказал:

«Этот камень является маленьким горчичным зернышком. Однако из него вырастет дерево, под сенью которого будут искать убежища многие ребята».

Как всегда большой проблемой были деньги. Дон Боско стучался во все известные и неизвестные ему двери, но смог собрать лишь 30 тысяч лир. Ребята помогали, как умели. Дон Джованни Турки вспоминает:

«Стены новой церкви выросли уже до высоты окон, а я со своими приятелями подавал кирпичи на подмости».

Для того, чтобы раздобыть недостающие 39 тысяч лир, дон Боско решил организовать лотерею. Потом так вспоминал об этом: «Было собрано три тысячи триста сувениров. Папа, король, королева, мать короля – все они тоже дали пожертвования». Фанты были выставлены в большом зале за церковью Св. Доминика. Перечень выигрышей составлял солидный том.

Распространение билетов стоило многих унижений. Но сумма выигрыша была значительной – 26 тысяч лир. С тех пор, как только в кармане не оставалось ни гроша, дон Боско прибегал к лотерее. В последних своих письмах, написанных уже дрожащей рукой, он просит «принять пачку лотерейных билетов...»

Освящение храма состоялось 20 июня 1852 года. Он стоит и сегодня рядом с домом Пинарди, несколько придавленный величием базилики Матери Божьей Заступницы. Расстояние между этими двумя храмами всего 3 метра. Эта церковь является салезианской Порциункулой.<sup>12</sup> В ее стенах на протяжении шестнадцати лет (с июня 1852 года по июнь 1868 года) билось сердце дона Боско. Сюда также приходил помолиться юный Доминико Савио. Перед алтариком Матери Божьей, находящемся справа, он отдавался под Ее покровительство. В этой церкви встал на якорь Микеле Магоне, сорванец из Карманьоли и Франческо Безукко, юноша из Аргентери, который с 1863 года пошел по следам героической доброты Доминико Савио.

Здесь отслужил свою первую Святую Мессу дон Микеле Руа. На протяжении четырех лет по несколько раз в день посещала церковь мама Маргарита, чувствовавшая себя все старше и слабее. Здесь она черпала силу для дальнейшего труда на благо бедных ребят.

### **Возможно – это дьявол**

«Новый храм, как отмечает дон Боско – стал служить молодежи, которая желала участвовать в литургии, а также дневной и вечерней школе (так как часовня Пинарди, церковь и ризница днем ис-

---

<sup>12</sup> Порциункула – маленькая церковь под Ассизом, которая теперь находится внутри величественной базилики. Это колыбель монастыря Францисканцев. Здесь, на голой земле, рядом с церковью, Св. Франциск закончил свою жизнь. Сегодня – место паломничества, связанное с отпущением грехов.

пользовались под учебные классы). Но как позаботиться о целых толпах бедных детей, которые постоянно просились в приют? В этот период было принято решение расширить помещение за счет постройки нового крыла дома».

На дворе уже стояла глубокая осень, но работы шли быстрыми темпами и вскоре уже не доставало только крыши. Как раз в это время пришло несчастье. «Дождь лил как из ведра на протяжении многих дней и ночей пишет дон Боско. Струи воды размывали раствор между камнями и кирпичами. 2 декабря около полуночи все услышали страшный, все усиливающийся грохот и шум. Это стены дома превращались в развалины».

Перепуганным ребятам дон Боско объяснил:

– Это дело дьявола. Но с помощью Бога и Божьей Матери мы все снова восстановим.

Быть может, дьявол и приложил к этому руку, но дон Гирауди, тщательно исследовавший развалины, пришел к выводу, что стены сложены из камней и речного песка, а скрепляющий раствор был очень низкого качества. Дон Боско хотел построить как можно дешевле, а строители хотели заработать...

Ущерб составил 10 тысяч лир. Работы были возобновлены весной, а строительство крыла закончено в октябре 1853 года. Дон Боско записал: «Поскольку все остро нуждались в помещении, мы тут же заселили дом. Здесь можно было разместить школу, столовую, спальню, а число воспитанников уже дошло до шестидесяти пяти».

## 26. Необычный защитник

17 февраля и 29 марта 1848 года Карло Альберто издал указ о признании одинаковых гражданских прав протестантам и евреям. До сих пор их только терпели.

Католики считали, что после получения равноправия протестанты притихнут. Однако, тем временем было замечено, что секта вальденсов готовила настоящую кампанию прозелитизма (течение, стремящееся обратить других на свою веру или идею). По инициативе этой секты стали издаваться три журнала: «Добрая весть», «Свет евангельский» и «Пьемонтский сектант». Сектанты издавали также дешевые протестантские книги и организовали конференции.

Католики возмущались, но ничего не могли поделать. В этой ситуации епископы Пьемонта созвали конференцию в Вилляноветто (Кунео) в 1849 году, где было отмечено, что «возмущение и негодование ни к чему не приведет. Надо прореагировать практически, выступив в прессе и в проповедях».

Конкретным результатом конференции явилось опубликование «Собрания добрых книг» в сентябре 1849 года; начало издания газеты «Колокол» в 1850 году и серии «Католической хрестоматии» в 1853 году.

Эта серия основана по инициативе донна Боско, которую горячо поддержал епископ из Ивреи.

## Не вступать в диалог, а прижать к стенке

Шесть первых томов серии написал дон Боско. Они были изданы в период с марта по август 1853 и имели общее название: «Католик, знающий свою религию».

Дон Боско рассказывал позже с улыбкой, как генеральный викарий в Турине сказал ему: «Я боюсь поставить под этим мою подпись. Вы бросаете вызов и атакуете противника». Он же написал эти книжечки с таким настроением, с каким бы шел и в бой. Он не знал, что такое диалог. Его стиль можно было сравнить с прижатием к стенке. Здесь речь шла о спасении молодежи и старшего поколения для Церкви, Бога и вечной жизни. Ради этого надо было бороться и идти в бой. «Католическая хрестоматия» снискала всеобщее признание, число читателей было огромным. Это, конечно, возбудило гнев протестантов. На Вальдокко прибыли главари вальденсов: Берт и Меилле, а также евангелик Пуньо. Они старались уговорить донна Боско перестать издавать «Хрестоматию» или хотя бы изменить тон. Но они ничего не добились.

«Однажды январским вечером – пишет дон Боско, ко мне прибыли двое господ. Войдя, они приветствовали меня:

– Вы, синьор теолог, обладаете великим дарованием. Народ Вас понимает и читает Ваши брошюры. Вы должны посвятить себя обучению истории, географии и физики. Будет лучше, если Вы перестанете издавать свою «Католическую хрестоматию». Это уже избитая тема. Если Вы согласитесь написать книги из области истории и оставите бесполезную работу, которую Вы вели до сих

пор, мы готовы финансировать издательство Ваших книг.

Одновременно они положили передо мною четыре купюры по тысяче лир.

– Если это бесполезная работа, то зачем вы выбрасываете деньги на то, чтобы я оставил ее? Став священником, я принял обет действовать на благо Церкви и бедных людей. Эту деятельность я буду продолжать, также путем публикации «Католической хрестоматии».

Тогда они поменяли тон. В их голосах послышалась угроза:

– Плохо Вы делаете. Разве Вы уверены, что выйдя на улицу, Вы сможете живым вернуться домой?

Я встал и открыл дверь комнаты. – Буцетти – позвал я Джузеппе – проводи, пожалуйста, господ до ворот».

## Вино и каштаны

Уходя, господа пообещали: «Мы еще встретимся». В последней главе своих «Воспоминаний» дон Боско рассказывает, каким путем они потом «встретились». «Мне кажется, что против меня был организован заговор» добавляет он. В некотором сокращении здесь приводятся его воспоминания об этих инцидентах:

«Однажды вечером, когда я вел в школе занятия, вошли двое мужчин и предложили мне срочно пойти в трактир „Золотое сердце“ на Виа Коттоленго 34, где находился умирающий. Я отправился туда, предварительно взяв с собою несколько ребят постарше, хотя прибывшие старались отговорить меня от этого сопровождения. Когда мы оказались на месте, меня провели в комнату на первом этаже, где много весельчаков угощалось каштанами. Они хотели, чтобы и я разделил с ними трапезу.

Я отказался.

– Тогда выпейте, пожалуйста, рюмочку вина с нами. Один глоток, наверняка, не повредит.

Наполнили рюмки для всех, но когда подошла моя очередь, наивно пошли за другой бутылкой.

Я взял рюмочку, провозгласил «за здоровье» и поставил на стол.

– Не делайте так, это нас огорчает! – Это оскорбление!

– Но я не хочу пить.

Тогда они стали мне угрожать.

– Вы обязательно должны выпить!

Один из мужчин схватил меня за левую руку, другой за правую.

– Выпьете добровольно, а нет, то заставим!

– Если хотите, чтобы я выпил, отпустите мои руки – сказал я, освобождаясь от них. – Но поскольку я сам не могу выпить, то это за меня сделает один из моих воспитанников.

Говоря это, я сделал большой шаг к дверям и, открыв их, попросил ребят войти. При виде ребят мужчины смутились. Стали объяснять, что больной исповедуетсЯ завтра. Один из моих друзей впоследствии рассказал мне, что кое-кто обещал угостить этих мужчин ужином за то, что напоят меня вином, специально приготовленным для меня».

## Еще одно покушение

«Можно считать невероятным все эти покушения, о которых я рассказываю – пишет дон Боско – но, к сожалению, так было, и многие могут это подтвердить.

Однажды сентябрьским вечером меня срочно вызвали в дом Сарди, который находился рядом с Приютом, чтобы исповедовать умирающую женщину. Я попросил несколько старших ребят пойти со мной, так как ко всему теперь относился с некоторым подозрением. Подойдя к дому, я оставил нескольких ребят у входа на лестницу. Джузеппе Буцетти и Джаацинто Арнауд подошли со мной к комнате больной. Войдя, я увидел задыхающуюся женщину, казалось, что она вскоре умрет. В комнате находилось еще четыре человека, которых я попросил выйти, так как хотел ее исповедовать.

– Прежде, чем исповедоваться, я хочу, чтобы этот подлец извинился передо мной! – закричала больная.

– А я ничего плохого тебе не сделал! – последовал ответ.

– Успокойтесь! – крикнул другой, встав с места. Вспыхнула ссора и, пока я понял в чем дело, кто-то погасил свет, и град ударов обрушился на меня. Я успел схватить стул и, прикрыв им голову, быстро двинулся к дверям. Удары, предназначенные мне, разбили стул вдребезги. Один удар пришелся по моей левой руке, был сорван ноготь на большом пальце. Вместе со своими ребятами я вернулся домой».

«Мне кажется – пишет дон Боско – было сделано все, чтобы отвести меня от обвинения протестантов».

### «Серый»

«В связи с частыми нападениями на меня – продолжает рассказывать дон Боско – я вынужден был отказаться от уединенных прогулок в город (в те времена между ораторией и городом находился длинный отрезок пути, проходящий между зарослями кустарников и акаций).

Однажды вечером я возвращался домой с душой в пятках. Неожиданно я заметил рядом большого пса, вначале тоже меня испугавшегося. Но я стал себя вести с ним как хозяин, и мы быстро подружились. Он проводил меня до оратории, впрочем, не один раз. Здесь я должен отметить, что Серый (так дон Боско называл собаку) оказал мне большие услуги. Лучшим подтверждением будет факт, о котором хочу рассказать.

В конце ноября 1854 года в туманную и дождливую погоду мне пришлось одному возвращаться домой. Вдруг я заметил двух мужчин, идущих впереди меня. Они явно приспособливали свои шаги к моим. Я хотел повернуть обратно, но было уже поздно: в два прыжка они очутились рядом со мной и набросили мне на голову плащ. Попробовав защищаться, хотел крикнуть, но ничего у меня не получалось. И вот в этот момент прибежал Серый. Не переставая лаять, он бросился лапами в лицо одному бандиту, потом зубами схватил другого.

– Отзовите эту собаку – взмолились бандиты.

– Отзову, – ответил дон Боско – если вы оставите меня в покое.

– Уберите ее сейчас же – продолжали просить они.

Серый тем временем продолжал бешено лаять. Освобожденные бандиты быстро удалились; а пес, не отступая ни на шаг, проводил меня домой.

Каждый вечер, когда некому было проводить меня, в момент, когда я входил в заросли кустарника, неожиданно появлялся Серый. Ребята из оратории много раз видели, как он входил во двор. Однажды двое ребят, испугавшись его, хотели забросать пса камнями, но Джузеппе Буцетти сдержал их.

– Оставьте его в покое, это пес дон Боско.

Тогда ребята стали его ласкать и привели в столовую, где я как раз ужинал с семинаристами и матерью. Ребята смотрели на собаку с испугом.

– Не бойтесь – сказал я. Это мой Серый, разрешите ему подойти поближе. Действительно, пес обошел вокруг стола и приблизился ко мне, радостно виляя хвостом. Я попробовал покормить его супом, остатками второго, хлебом, но он ничего не тронул. Подойдя ко мне, он положил голову на мою салфетку, как бы желая доброй ночи, а потом позволил ребятам проводить его к дверям. Я вспомнил, что сегодня очень поздно возвратился домой. Один из моих друзей привез меня своей повозкой».

Карло Томатис, который в то время приходил в ораторию, подтвердил:

«Собака действительно имела очень грозный вид. Увидев его, мама Маргарита не раз говорила: „Ах ты, противный звереныш“. Он был похож на волка, рост его достигал одного метра, морда была длинной, он имел стоящие торчком уши и серую шерсть».

Однажды – рассказывает Микеле Руа, который видел Серого дважды – дону Боско надо было выйти по делам в город. Выходя из комнаты, он встретил собаку, лежащую на пороге. Дон Боско старался отодвинуть ее, потом перешагнуть через нее. Собака, однако, грозно рычала и толкала дон Боско обратно в комнату. Мама Маргарита, хорошо знавшая Серого, сказала сыну:

– Если ты не слушаешь меня, то по крайней мере послушай собаку. Не выходи!

На следующий день дону Боско доложили, что вчера какой-то бандит, вооруженный пистолетом, ждал его за поворотом.

Дон Боско не раз пытался узнать что-нибудь поближе о происхождении своего спасителя. Однако никогда это ему не удавалось сделать. Когда в 1872 году баронесса Ацелия Гасати спросила его, что он думает о Сером, дон Боско, шутя, ответил:

– Было бы смешным считать его ангелом. Но нельзя утверждать также, что это обыкновенная собака.

### Дремота у сапожника

Днем дон Боско трудился для своих ребят, собирал пожертвования, исповедовал, гласил про-

поведи во многих заведениях города. Ночью чинил обувь и одежду воспитанников, писал свои книги. Дефицит сна все время возрастал. Случалось так, что неожиданно морил его сон.

– Иногда после обеда – вспоминает Джованни Кальеро – дон Боско внезапно засыпал, сидя в кресле, с опущенной на грудь головой. Тогда все на пальчиках тихо выходило, чтобы не разбудить его.

Это послеобеденное время было для него самым трудным, поэтому он отправлялся по делам в город, навещал своих благодетелей, собирал пожертвования.

«Во время ходьбы я не засыпаю» – говорил он, улыбаясь. Но не всегда ему это удавалось.

Однажды пополудни он оказался на небольшой площади перед храмом Матери Божьей Утешения. Он был такой сонный, что не ориентировался, где находится и куда идет. Вблизи находилась сапожная мастерская. Дон Боско вошел туда и попросил у хозяина разрешения сесть в кресло и поспать несколько минут.

– Пожалуйста, пожалуйста, отче! Досадно мне только, что я буду мешать вам стуком молотка, – ответил хозяин.

– Никак нет, это мне совсем не мешает!

Дон Боско уселся за прилавком и уснул. Спал с половины третьего до пяти часов. Проснувшись, он огляделся вокруг и, посмотрев на часы, воскликнул:

– О, я бедный! Почему же вы меня не разбудили?

– Дорогой отче, – ответил сапожник. – Вы спали так сладко, что было бы грехом вас разбудить. Хотел бы и я так спать!

## 27. Собственные мастерские

Вначале помещение оратории (которое дон Боско называл приютом, а мы сегодня назвали бы интернатом) открывало свои двери прежде всего молодым ребятам.

После первого паренька из Валь Сезиа, который попал в кухню мамы Маргариты во время грозы, после Буцетти и Гастини – сюда ежегодно прибывали десятки ребят. Были такие, которые жили там по 3 года, некоторые пару месяцев, другие всю жизнь. Только с 1856 года большинство жителей интерната составляли ученики.

Первое место занимали рабочие, так как у них были жалкие условия жизни. Рабочий, особенно молодой, был предоставлен исключительно себе, был совершенно беззащитен перед хозяином. Не существовали профсоюзы. Карло Альберто разрешил всего лишь на образование «Общества опеки», но либералы не соглашались даже на это.

Дон Боско, устраивая своих ребят на работу, охранял их права соответствующим контрактом.

Ежедневно он навещал их по месту работы в качестве поручителя семьи». Если наниматель не придерживался договора, дон Боско забирал от него ученика. В 1853 году, после окончания строительства нового дома, он решил основать у себя первые мастерские.

### Для начала два столика

В ноябре 1853 года были основаны две мастерские – сапожная и портняжная. Сапожников дон Боско разместил в узенькой комнатке, которая в настоящее время выполняет роль мини – ризницы в часовне Пинарди, рядом с колокольной. Здесь были размещены два столика и четыре табуретки. Сначала наставником был сам дон Боско. Он уселся на табуретку и объяснил четверым подросткам, как приготовить подметку. Потом научил их обращаться с шилом и шпагатом, смазанным смолой. Через несколько дней он уступил это место Доминико Гоффи, швейцару оратории.

Портные разместились в бывшей кухне. Горшки и печки перенесли в новый дом. Первыми мастерами портняжного дела была мама Маргарита и, конечно, дон Боско, который передавал своим ученикам умение шить, приобретенное еще в Кастельнуово у Джованни Роберто.

Весной 1854 года, как бы в шутку, открыл он третью мастерскую: переплетную. Ни один из его подопечных не знал этой работы. Однажды, дон Боско, окруженный ребятами, разложил на столе печатные листы своей последней книги «Ангелы Хранители». Потом указал пальцем на одного из воспитанников:

– Ты будешь переплетчиком.

– Я? Но ведь я не имею понятия, что это такое.

– Это не мешает. Подойди сюда поближе. Видишь? Эти напечатанные листы называются пе-

чатными. Надо сложить их пополам, потом еще раз наполовину и еще раз. Ну-ка, попробуем!

При помощи окруживших стол ребят все листы вскоре были сложены. Дон Боско привел их в порядок, уложил страницы по очереди.

– Вот теперь книга сложена. Остается только ее сшить.

Приглашенная на помощь мама Маргарита принесла крепкую иглу. Книгу удалось сшить, хотя пальцы немного пострадали. Мукой, разбавленной водой, была приклеена обложка. Оставалась последняя операция: срезать края книги. Но как это сделать? Собравшиеся вокруг стола ребята давали различные советы: ножницами, острым ножом, напильником. Дон Боско пошел в кухню и принес полукруглый нож, который служил для нарезки овощей. Несколькими ловкими движениями он выровнял края книги. Все смеялись, смеялся также и он. Таким образом, мастерская была открыта и заняла отдельную комнату в новом доме.



**На втором этаже этого дома, там, где окна, закрытые буйной растительностью, закончилась полная трудов земная жизнь Дона Боско.**

В 1854 году в мастерских уже было столько учеников, что дон Боско написал для них малый устав. В нем говорилось, «что в ученики может быть принят юноша от 12 до 18 лет, сирота, не имеющий отца и матери, убогий и заброшенный. Если имеет братьев, сестер или родственников, которые могут заняться его обучением, то не может претендовать на место в этом доме».

### **Заботы по поводу типографии**

В конце 1856 года в действие вступила четвертая мастерская, столярная, на сей раз оборудованная серьезно. Большая группа ребят перешла из городских мастерских в просторный зал, где были размещены два стола, необходимые инструменты и склад дерева. Первым учителем по этой профессии был синьор Корио.

Пятой и самой желанной мастерской стала типография.

Почти год хлопотал дон Боско у властей, чтобы получить разрешение на ее открытие. Наконец оно было получено 13 декабря 1861 года.

Начало было скромным: два «проката» крутили вручную. Но в конце жизни дон Боско типография стала огромной и современной и с успехом могла конкурировать с лучшими типографиями города: четыре пресса, двенадцать машин, приходящих в движение при помощи моторов, стереотипия, словолитня, мастерская гравюр.

В 1862 году дон Боско открыл свою шестую и последнюю мастерскую – слесарную, которая стала началом современных механических мастерских.

### **Лучшее решение: помогут коадьюторы**

В процессе организации своих мастерских дон Боско встречался с огромными трудностями, поэтому пробовал принимать различные решения.

Сначала он принимал мастеров за обыкновенную плату. Однако оказалось, что они заботились

прежде всего о своей работе, а не об успехах ребят и хорошей работе мастерских.

Второе решение состояло в том, что мастера отвечали за все: должны были также заботиться о получении заказов. В результате этого ребята считались подмастерьями, а тем самым были выведены из подчинения директору.

В третьем варианте дон Боско принял на себя полную моральную и административную ответственность за мастерские, оставляя мастерам лишь профессиональное обучение. Результаты оказались отрицательными: мастера боялись, чтобы ученики не превзошли их в мастерстве, поэтому особенно не усердствовали и позволяли ребятам бездельничать. Наконец дон Боско пришел к самому подходящему решению. Ему удалось выучить таких руководителей мастерских, которые полностью были связаны с ним. Ими оказывались салезианские коадьюторы (братья). Они такие же монахи, как семинаристы и священники, но их специфическим призванием является обучение в профессиональных училищах.

## 28. Сотрудники и преемники

Первого ноября 1851 года дон Боско прибывает в родные места, в Кастельнуово д'Асти. Вечером он должен прочитать проповедь по поводу Дня Поминовения Усопших.

Один из прислуживающий к Святой Мессе маленький мальчик провожает его на амвон и на протяжении всей проповеди внимательно всматривается в него. Возвратясь в ризницу, дон Боско замечает, что ребенок продолжает внимательно наблюдать за ним. Он подзывает его к себе и спрашивает:

– Мне кажется, что ты хочешь что-то сказать, правда?

– Да. Я хочу вместе с Вами поехать в Турин и учиться там, чтобы потом стать священником.

Хорошо, скажи своей маме, пусть после ужина подойдет в дом приходского священника.

Мальчика зовут Джованни Кальеро, у него уже нет отца. Мать приходит вместе с сыном, ей интересно узнать, о чем будет разговор.

– Так что, Тереза – шутит дон Боско – это правда, что ты хочешь продать мне своего сына?

– О нет! – смеясь, отвечает женщина. – У нас продают телят, а мальчика можно только подарить.

– Тем лучше. Приготовь ему немного белья, и завтра я его возьму с собой.

На рассвете Джованнино Кальеро был уже в церкви. Он прислуживал к Святой Мессе, которую отправлял дон Боско, потом позавтракал вместе с ним, поцеловал маму и, взяв свой узелок под мышку, сказал натерпеливо:

– Так что, дон Боско, двинулись?

### «Положим его спать в хлебную корзину»

Пешком прошагали они большой отрезок пути. Мальчик пробежал, можно сказать, эту дорогу дважды, так как постоянно забегал вперед, гонял птичек по полям, прыгал через канавы, не переставая при этом разговаривать с доном Боско. Позже вспоминал об этом:

«Во время этого путешествия дон Боско задавал мне тысячи вопросов, а я давал ему тысячи ответов. С этого момента у меня перед ним не было никаких тайн. Услышав о моих проделках, он шутя сказал, что теперь я должен стать лучше. Наконец, мы дошли до Турина.

Уже был вечер второго ноября. Мы устали. Дон Боско представил меня своей маме Маргарите и сказал:

– Мама, я привел тебе мальчика из Кастельнуово.

Мама на это ответила:

– Конечно, ты ведь всегда только ищешь мальчиков, а я уже даже не знаю, где их разместить.

Но этот такой маленький – пошутил дон Боско – что спать положить его можно в хлебную корзину. Поднимем потом эту корзину на канате под потолок, так как клетку с канарейками.

Маргарита рассмеялась и стала искать какое-нибудь место для меня. Действительно, не было ни одного свободного уголка, и в этот вечер я был вынужден примоститься в ногах на кровати моего товарища.

На следующий день я отдал себе отчет о той нищете, которая царствовала в этом доме. Наши спальни на первом этаже были узкими, полы вымощены камнем, которым мостят улицы. В кухне находилось несколько жестяных тарелок и ложек. Вилки, ножи, салфетки мы увидели только много

лет спустя. Столовая была оборудована в бараке. Дон Боско подавал нам к столу, помогал следить за порядком в спальне, чистил и чинил нам одежду, делал любую работу.

Все у нас было общим. Но мы чувствовали себя не какой-нибудь общиной, а дружной семьей, которой руководил любящий нас отец, заботящийся о нашем духовном и материальном благополучии».

С первых дней пребывания в оратории Джованнино Кальеро обратил на себя внимание своим веселым темпераментом. Страсть к играм в нем прямо горела.

Тем временем Микеле Руа продолжал жить у своей мамы. По утрам вместе с группой других учеников он посещал занятия у профессора Бонцанино. По поручению дон Боско Микеле исполнял функцию ассистента, т. е. должен был следить за тем, чтобы никто не прогуливал уроков. Очень редко, однако, удавалось ему прибрать к рукам Кальеро. Как только выходили из оратории, Джованнино менял направление и мчался со всех ног в Порто Палацо. Там он задерживался и восхищался клоунами и цирковыми палатками. Потом снова мчался в школу. Когда другие ребята только подходили, он уже стоял в дверях, вспотевший, но счастливый. Микеле смотрел на него с укором:

– Почему ты не можешь идти с нами?

– Потому, что мне нравится другая дорога, разве это плохо?

– Ты должен слушаться!

– А разве я не слушаюсь? Я должен идти в школу, значит иду. Должен не опаздывать, и не опаздываю. А что здесь плохого, что я хочу посмотреть клоунов?

328В будущем он станет первым епископом и первым салезианским кардиналом. Наряду с доном Руа, он станет мощной опорой Салезианского Общества. Темпераментом они очень отличались друг от друга. Микеле был усердным, прилежным, выдержанным, склонным к размышлению. Джованни отличался энтузиазмом, откровенностью, избытком энергии. Ради дон Боско они оба были готовы броситься в огонь.

### **«Пройдешь через Красное море и через пустыню»**

22 сентября 1852 года Микеле Руа окончательно вступает в ораторию в качестве воспитанника. На следующий день вместе с доном Боско, мамой Маргаритой и двадцатью шестью другими товарищами он отправляется в Бекки. Дон Боско будет гласить там проповеди во время розарийной новенны в Кастельнуово, а воспитанники поселятся у его брата Джузеппе.

Перед выходом дон Боско позвал к себе Микеле и сказал:

– В следующем году мне понадобится твоя помощь в ведении оратории. В праздник Матери Божьей Розария, 3 октября, прибудет в Бекки приходской священник из Кастельнуово и в местной часовне ты получишь черное одеяние семинариста.

После возвращения в ораторию ты станешь ассистентом и учителем твоих товарищей. Ты согласен на это?

– Да, я согласен – ответил Руа.

Спустя несколько дней – вспоминает он – вечером, во время обратного пути в Турин, дон Боско прервал молчание и сказал:

– Дорогой Руа, ты начинаешь новую жизнь. Знай, однако, что прежде, чем войдешь в Землю Обетованную, тебе предстоит одолеть Красное море и пустыню. Если ты мне поможешь, мы спокойно одолеем одно и другое и вместе придем к цели.

Микеле задумался. Немного он из этого понял. Помолчав, спросил:

– А Вы помните нашу первую встречу? Вы раздавали тогда медальончики, но мне уже не осталось. Тогда Вы сделали странный жест, будто хотели отдать мне половину Вашей руки. Что Вы этим хотели сказать?

– Ты этого еще не понял? Я хотел тебе сказать, что будешь моим сообщником. Все, что принадлежит мне, будет твоим, не исключая ответственности и хлопот. – Дон Боско улыбнулся:

– Но будет также много и прекрасных дел. Ты увидишь! А в конце самое прекрасное: небо!

### **Гарантия на пятьдесят лет**

Пасхальный вторник 1853 года. Небо Турина покрыто черными тучами. Джованни Франчезиа и Микеле Руа, школьные друзья и сердечные приятели усердно повторяют вместе грамматику итальянского языка. Микеле кажется рассеянным и где-то витающим. Видно, что его давит какая-то печаль, Франчезиа, который уже дважды задает один и тот же вопрос и не слышит ответа, сердито за-

хлопывает книгу и вспыхивает:

– Что сегодня с тобой происходит?

Закусив губу, чтобы не расплакаться, Микеле шепчет:

– Умер мой брат Джованни... Теперь уже моя очередь...

Джованни был его последним братом. Он жил с матерью. Теперь она осталась одна в комнате при оружейной фабрике. Когда дон Боско узнал об этом, он решил немного развлечь Микеле и взял его с собой в город. У него были также дела недалеко от церкви Гран Мадре, на берегу По. Шагали быстро, разговаривая об оратории. В то время Турин отмечал четырехсотлетие знаменитого чуда Святейшего Таинства, и дон Боско выпустил по этому поводу брошюрку, которая была мгновенно раскуплена. Улучив момент, он остановился и сказал:

– Через пятьдесят лет будут отмечать торжества, связанные с девятым полувековым юбилеем этого чуда, но меня тогда уже не будет. А вот ты будешь. Не забудь переиздать мою брошюру.

Микеле думает об этой дате, такой далекой: 1903 год! Качает головой.

– Дон Боско, Вам легко говорить, что я тогда буду жить. А я боюсь, что смерть уже в ближайшее время сыграет со мной злую шутку...

– Ни злую, ни добрую – перебивает его дон Боско. – Я тебя уверяю, что через пятьдесят лет ты будешь жить. Напечатаешь эту книжечку, хорошо?

В 1903 году дон Руа еще действительно жил. После смерти донна Боско он был назначен его преемником и возглавил Салезианское Общество. В то время ему исполнилось 66 лет, и он поручил вновь переиздать упомянутую брошюру.

### Барчуки и оборвыши

Посвящая себя работе среди подмастерьев, дон Боско не оставлял и учащуюся молодежь. Он хотел приготовить себе сотрудников, которые помогали бы ему в работе. Хотел также дать епархии новых священников, которые бы заполнили пустующие места в рядах старших священников.

Первая группа семинаристов, как уже об этом упоминалось, немного разочаровала его. Но Руа, Кальеро и Франчезия не обманули надежды. А рядом с ними росли уже Анджело Савио, Роччетти, Турки, Дурандо, Черуги...

Интернат для студентов возник тайно, однако развивался очень успешно: в 1850 году в нем находились 12 студентов, 1854 – тридцать три, а в 1857 был уже 121 студент.

Студенты трех первых курсов латыни ходили на уроки к профессору Бонцанино, а потом посещали класс гуманистики и риторики донна Матео Пиччи, недалеко от храма Матери Божьей Утешения.

В эти же две частные школы ходили также сыновья богатых семей Турина, которые дорого платили за учебу. Ребята донна Боско обучались бесплатно.

Барчуки вначале посмеивались над «оборванцами», которые приходили на занятия в старых солдатских плащах, в которых были похожи на контрабандистов или карикатурных персонажей (эти плащи и военные фуражки дон Боско получил в подарок от министра. Они более напоминали попоны, чем плащи, но защищали от дождя и снега – вспоминает дон Лемони).

Профессор Бонцанино, однако, не терпел иронических замечаний. «Достоинство ученика – говорил он серьезно – оценивается страницами выполненных заданий, а не цветом плаща». Когда дело касалось оценок, оборвыши показывали себя куда лучше, чем маменькины сынки. Ребята донна Боско относились к учебе серьезно. Любовь священника была требовательной и не прощала безделья. В 1863 году профессор Приери из Туринского университета заявил: «У донна Боско обучение настоящее и серьезное».

### Семнадцатилетний профессор

Прогулки воспитанников в город не были идеальным решением. Вскоре к тому же аудитории профессоров Бонцанино и Пиччо не смогли поместить всех студентов оратории.

Когда семнадцатилетний Джованни Батисто Франчезия окончил с отличием курс латыни, ему было доверено обучение в третьем классе гимназии. Это было в ноябре 1855 года. На следующий год были организованы два старших класса под руководством светского друга донна Боско, профессора Бианки.

Воспитанников интерната окружала полная сердечности и насыщенная глубокой религиозностью атмосфера. Это были обещающие ростки будущего призвания к священству, поэтому дон Боско

горячо желал, чтобы они росли в обстановке таинственной, марийной и церковной религиозности.

Все исповедовались еженедельно или через две недели. Дон Боско ежедневно по 2–3 часа проводил в исповедальне, а перед праздниками даже все послеобеденное время. Широко известное убеждение о его умении «читать грехи», облегчало ребятам полную откровенность. Принятие Святого Причастия – уже через несколько лет после основания интерната – было для многих ежедневной потребностью. Только немногие не принимали Святого Причастия по меньшей мере один раз в неделю.

Оратория жила обожанием и почитанием Марии. Особенно интенсивно это было выражено во времена Доминико Савио и в период строительства святилища Марии Заступницы.

Христианский образ мышления дона Боско отличала любовь к папе. И это выражалось не на словах: чтобы послушно выполнить желание одного из преемников Св. Петра на Святейшем Престоле, посвятил свои последние годы жизни.

Образ мышления дона Боско, подкрепленный конкретными делами, благотворно влиял и увлекал ребят.

## 29. Будем называться салезианцами

26 января 1854 года. В Турине холодно, как на Крайнем Севере, а в комнатке дона Боско тепло и уютно.

Дон Боско обращается к четверым юношам, которые доверчиво слушают его.

– Вы видите, что дон Боско делает все, что только может, но он одинок. Если вы мне поможете, то сообща мы совершим чудеса добра. Тысячи бедных ребят ожидают нас. Я вам обещаю, что Мадонна пошлет нам просторные и светлые оратории, храмы, дома, школы, мастерские и многих священников в помощь. Это будет не только в Италии, но во всей Европе и Америке. Я уже вижу среди вас епископскую митру...

Четверо юношей смотрят друг на друга ошеломленными глазами. Им кажется, что это сон. Однако дон Боско на сей раз не шутит, и, кажется, он видит будущее.

– Мадонна желает, чтобы мы основали новое Общество (Монашеский орден). Я долго думал, какое дать ему название и решил, что мы будем называться Салезианцами.

Среди этих юношей находятся краеугольные камни Салезианского Общества.

Поздно вечером Микеле Руа записал в своей тетрадке: «Мы собрались в комнатке дона Боско: Рочкетти, Артилья, Кальеро и Руа. Нам было предложено с Божьей помощью Св. Франциска Салезианского стараться возрастать в практике любви к ближнему. Позже мы примем присягу, а потом, если это станет возможным, сложим Богу обет. Все те, кто решается на это испытание и в будущем предпримет его, будут называться Салезианцами».

## Пергола<sup>13</sup> и розы

Картина будущего, которую нарисовал дон Боско в этот вечер своим ребятам не отличается от той, о которой он говорил несколько лет назад. Тогда его подозревали в психической болезни и угрожали больницей. Но дон Боско упрямо возвращается к этой картине, так как он «видел ее во сне», о чем когда-то рассказал дону Борелю. В 1847 году дон Боско увидел «основной сон», который впоследствии послужил ему программой действия. Об этом он расскажет первым Салезианцам только в 1864 году. Среди них были тогда дон Руа, дон Кальеро, дон Дурандо и дон Берберис.

«Однажды в 1847 году – вспоминает дон Боско – когда я долго обдумывал возможности оказания помощи молодежи, передо мною предстала Королева Небес (определение очень редкое у дона Боско, обычно он говорил: мне приснилась прекрасная Синьора) и отвела меня в великолепный парк. Там была прекрасная галерея, обросшая вьющимися растениями. Галерея оканчивалась величественной перголой, украшенной распустившимися розами. Вокруг вся земля тоже была покрыта розами. Святая Девица обратилась ко мне:

– Ступай под эту галерею. Это путь, который ты должен одолеть.

Я пошел. Ветви опускались над моей головой, образуя гирлянды. Вокруг я видел только розы: они были по сторонам, вверху, передо мной. Но мои ноги цеплялись за колючие ветки, лежащие на земле, колючки ранили мои стопы. Я убирал поперечные ветки, встречающиеся на пути, при этом

<sup>13</sup> Пергола – род беседки, украшение парков. Она обсаживается вьющимися растениями и украшается цветами.

больно ранил пальцы, а все мое тело уже было исколото. Все розы имели много шипов.

Все, кто наблюдал за мной, говорили: «Дон Боско всегда ходит по розам. Все у него идет хорошо!» Они не видели, что колючки царапали мое несчастное тело.

Многие семинаристы, священники и светские люди вначале шли за мной охотно и радостно, очарованные красотой этих цветов. Но когда увидели и почувствовали колючки, запротестовали: «Нас обманули!» – говорили они. Многие возвратились обратно. Практически, я остался один. И тогда заплакал. «Разве это возможно – говорил я себе – весь этот путь пройти в одиночестве?»

Но вскоре и ко мне пришла радость. Я увидел приближающуюся группу священников, семинаристов, людей светских, которые заявили: «Мы все принадлежим Вам и готовы следовать за Вами». Я стал во главе колонны. Только некоторым из них не хватало мужества, остальные же со мной достигли цели.

После этого перехода я оказался в красивом парке. Мои сторонники выглядели очень измученными, уставшими и исхудавшими. На их телах были следы крови. Вдруг почувствовалось оживляющее дуновение ветерка, под воздействием которого мы все выздоровели. Потом повеял ветер с другой стороны и, будто по прикосновению волшебной палочки, я оказался в окружении огромного числа ребят и семинаристов, светских сотрудников и священников. Все они стали работать вместе со мной по воспитанию молодежи. Многие из них были мне знакомы, многих я видел впервые.

Тогда Святая Девица, ставшая моей провожатой, спросила:

– А ты знаешь, что означает все то, что ты видел раньше и сейчас?

– Нет, не знаю.

– Тогда знай, что путь, который ты прошел среди роз и колючек, означает заботу, которой ты должен будешь окружить молодежь. Колючки означают преграды, страдания, неприятности, которые тебе встретятся. Но не теряйте мужества. Благодаря любви и терзаниям вы все преодолеете и подойдете к розам, которые не будут иметь шипов.

Когда Матерь Божья закончила свою речь, я очнулся и очутился в своей комнате.

Я вам рассказал об этом – закончил дон Боско чтобы каждый из вас был уверен в том, что Мадонна желает нашего Общества и ожидает от нас еще большей отваги и усердия в работе во славу Божию». Укрепленный этой спокойной уверенностью дон Боско ежедневно «забрасывал сети», чтобы увеличить число будущих Салезианцев. Он задавал как бы случайный вопрос: «Любишь ли ты донна Боско? Хочешь остаться со мной?» Или «Ты не смог бы помочь мне в работе среди молодежи? Смотри, если бы у меня было сто священников и сто семинаристов – всем бы я нашел работу. Мы бы могли пойти по всему миру!»

### **«А какое будет вознаграждение?»**

В Авильяне жил и работал один священник, который был на 3 года старше донна Боско. Его звали Витторио Алязонатти. Дон Боско часто встречал его во время духовных упражнений Св. Игнатия. Они подружились. Дон Алязонатти работал учителем в Авильяне. Он отлично справлялся с малыми детьми. Правду говоря, был несколько суровым, много требовал от ребят, но они любили его.

Дон Боско не раз подшучивал над ним:

– Сколько у тебя ребят? Тридцать? И тебе не стыдно? У меня их шестьсот! Как ты можешь работать только для тридцати ребят? Приходи в Турин помогать мне.

– А чем ты мне будешь платить?

– Хлебом, работой и небом. Что касается денег, то немного их скопишь, но сна сэкономишь достаточно.

Шутки шутками, но над этим предложением дон Алязонатти задумался всерьез. Дон Боско почувствовал это и в начале 1854 года написал ему письмо такого содержания:

«Приедь помочь мне в чтении breviария».

14 августа, уладив все свои дела, дон Алязонатти прибыл в ораторию с чемоданчиком в руке и breviарием под мышкой. Он обнял донна Боско и сказал:

– Вот и я. Где я должен начать читать breviарий?

Дон Боско отвел его в комнату, которая служила бухгалтерией.

– Здесь будут твои пенаты – сказал он. Ты так долго учил арифметику, что справишься со сложением и вычитанием.

Дон Алязонатти стал серьезным:

– С этого момента ты мне приказывай, а я буду тебя слушаться. Не жалея меня, потому что я

хочу заслужить на небо.

С этого дня дон Алязонатти стал тихой и немного суровой тенью дона Боско. Он старался заменить его во многих работах: взял на себя управление домом, бухгалтерские книги, дневники, самую скучную и непопулярную корреспонденцию.

Когда он чувствовал себя очень уставшим, когда здоровье ему отказывало, он брал в руки брeвиарий и читал вложенную туда закладку, на которой было написано: «Витторио, зачем ты сюда пришел?» Рядом он написал фразу, которую часто повторял дон Боско, увидев кого-нибудь очень утомленного: «Отдохнем в небе».

Свой первый день после прибытия на Вальдокко дон Алязонатти вынужден был начать необычно: его вызвали к больному холерой. Как раз в то время в Турине стала распространяться эта страшная зараза.

## Смерть на дорогах Борго Дора

Страшные вести дошли до Турина в июле. Холера распространилась уже в Лигурии и унесла 3 тысячи жертв в Генуи. Первые случаи были зарегистрированы в Турине 30 и 31 июля. Король, королева и их свита бежали в закрытых каретах из города. Они укрылись в замке Казелетте, у выхода в долину Ланцо и Суци.

Эпицентр заразы находился в Борго Дора, расположенном поблизости от Вальдокко. Здесь в бедных лачугах и бараках ютились эмигранты, голодные люди, проживающие в условиях, противоречащих элементарным правилам гигиены. На протяжении месяца там заболело 800 человек, из них 500 умерли.

Синдик Нотта обратился с воззванием к городу: требовались смельчаки, которые могли бы заняться больными и перевозить их в лазареты, чтобы, наконец, пресечь путь дальнейшему распространению заразы.

5 августа, в праздник Матери Божьей Снежной, дон Боско обратился к ребятам. Начал свою речь так:

– Если будете находиться в состоянии Божьей благодати и не допустите ни одного смертельного греха, заверяю вас, что никто не заболеет холерой.

Потом он попросил:

– Вы слышали, что синдик обратился с воззванием? Нужны санитары и помощники для ухода за больными. Среди вас есть ребята, которым еще не по силам это задание, но если кто-нибудь из старших чувствует, что сможет помочь мне посещать лазареты и частные дома, то можем вместе выполнить доброе и угодное Богу дело.

В тот же вечер вызвалось четырнадцать добровольцев. Через несколько дней еще тридцать получили разрешение на присоединение к первой группе, хотя это были очень молодые ребята.

Настали дни тяжелого и опасного труда. Врачи назначили заболевшим растирание и массаж ног с целью получения обильного потения. Добровольцев разделили на 3 группы: самые старшие работали в лазаретах и в домах, где находились больные; вторая группа проверяла улицы и выявляла новые заболевания; третья (самые младшие) – ожидала в оратории вызова.

Дон Боско требовал строгого соблюдения правил осторожности. Каждый имел с собой бутылку с уксусом и после контакта с больным был обязан промыть себе руки.

«Нередко – рассказывает дон Лемони, не хватало простыней, одеял и белья для больных. Ребята докладывали об этом маме Маргарите. Она открывала шкаф и доставала оттуда все, что имела. Через несколько дней полки в шкафу были пусты. Один из молодых санитаров пришел однажды к ней и сказал, что больной лежит в бараке совсем без постели.

– Разве уже совсем нечем его прикрыть? – с сожалением спросил он. Маргарита задумалась, потом вышла, сняла с алтаря белое покрывало и дала его юноше:

– Отнеси своему больному – сказала она. Думаю, что Бог за это не обидется».

## Печальные великаны

Шестнадцатилетний Джованнинио Кальеро, возвращаясь однажды августовским вечером домой, почувствовал себя плохо. Вероятно в жаркую пору перехватил через край фруктов. Но врач, тотчас же вызванный доном Боско, поставил опасный диагноз: тиф. Лихорадка мучила юношу целый сентябрь. От него остались «кожа да кости». Кальеро чувствовал, что умирает. Два врача, приглашенные на консилиум, определили безнадежное состояние. Они советовали приготовить его к смерти. Дон

Боско искренне опечалился, так как очень любил этого юношу. У него не было сил сказать ему правду. Попросил Джузеппе Буцетти осторожно приготовить Кальеро к принятию последнего Таинства, а сам пошел в церковь за Причастием.

Джузеппе только что окончил беседу с Джованнино, когда в комнату вошел дон Боско со Святым Причастием. Он замер на секунду, уставившись глазами в одно место, как бы увидев то, чего другие не замечали. Потом подошел к кровати больного и увидел, что в его поведении произошли изменения. Исчезла печаль и беспокойство. Юноша повеселел, улыбался, наконец тихо спросил:

– Это моя последняя исповедь? Я действительно должен умереть?

Дон Боско ответил уверенным голосом:

– Еще не время, чтобы уйти на небо. Остается очень много дел на земле. Ты выздоровеешь, станешь семинаристом... священником... потом с breviарием в руках будешь готовить многих для получения breviария... Поедешь далеко, далеко...

После этих слов дон Боско унес Св. Причастие обратно в церковь.

Через несколько дней лихорадка внезапно исчезла и Джованнино смог прибыть в Кастельнуово для полного выздоровления.

Буцетти и Кальеро было очень интересно узнать, что же дон Боско «увидел», войдя тогда в комнату. Много времени спустя, он сам рассказал об этом:

«Как только я переступил порог комнаты, меня внезапно осветил яркий свет. Снежно-белая голубка с оливковой веточкой в клюве опустилась на кровать больного в нескольких сантиметрах от бледного лица Кальеро и положила веточку ему на лоб. Сразу после этого мне показалось, что стены комнаты раздвинулись и перед моим взором открылись далекие и таинственные горизонты. Кровать юноши окружила толпа странных, примитивных фигур. Казалось, что это стоят печальные великаны. У некоторых из них была темная кожа, украшенная таинственными красноватого цвета татуированными орнаментами. Два великана с гордыми, но печальными лицами, наклонились над больным и шептали, дрожа:

– Если ты умрешь, кто же придет к нам на помощь?

Визия продолжалась всего несколько мгновений, но в меня вступила уверенность, что Кальеро выздоровеет».

### Страница за восемь минут

С наступлением осеннего ненастья число заболевших холерой значительно уменьшилось. Одиночные случаи еще отмечались в начале зимы, но уже 21 ноября был объявлен конец «угрозы». С 1 августа по 21 ноября в городе было зарегистрировано 2500 заболевших, из них 1400 умерло.

Никто, однако, из ребят дон Боско не потерпел, и все спокойно могли вернуться к учебе. Многие разъехались еще по домам на короткие каникулы.

Дон Боско, как всегда в это время, отправился в Бекки на праздник Материи Божьей Розария. Как раз там он и встретился со своим товарищем из семинарии, доном Кульеро, который работал учителем в Мондонио.

– Послушай – обратился он к дону Боско после приветствия. – Я узнал, что кроме малых озорников, ты принимаешь в ораторию также стоящих ребят, которые в будущем могли бы стать священниками. В Мондонио я имею такого парня. Его зовут Доминико Савио. Физически он не очень силен, но могу поспорить, что ты не встретил еще добрее юноши, чем он. Настоящий святой Алоиз.

– Преувеличиваешь! – улыбнулся дон Боско. – Но хорошо. Я еще здесь задержусь на несколько дней. Мне бы хотелось встретиться с этим пареньком и его отцом. Поговорим и увидим.

2 октября 1854 года во дворе дома Джузеппе состоялась встреча. Она произвела на дон Боско такое впечатление, что он описал ее со всеми подробностями, будто на магнитофонную ленту.

«Было раннее утро первого понедельника октября. Я увидел юношу, который подошел ко мне в сопровождении отца. Его веселое лицо, его безмятежный, но полный достоинства вид притягивали мой взгляд.

– Кто ты такой, откуда родом? – спросил я его.

– Меня зовут Доминико Савио. Дон Кульеро рассказывал Вам обо мне. Мы пришли из Мондонио.

Тогда я отвел его в сторону, и мы стали беседовать о его учебе, о жизни. В скором времени мы уже имели полное доверие друг к другу.

В этом юноше я почувствовал душу, сформированную духом Божиим, и был удивлен величиим того дела, которая Божья благодать свершила в таком молодом возрасте.

После довольно длительной беседы, еще перед тем, как позвать отца, юноша сказал мне эти слова:

- Итак, что Вы думаете? Возьмете меня с собой на учебу в Турин?
- Думаю, что из тебя получится хороший материал.
- Я для чего может послужить этот материал?
- Мы сошьем из него прекрасный наряд, который подарим Богу.
- Согласен. Я буду материалом, а Вы будете портным. Возьмите меня к себе и сшейте прекрасный наряд для Бога.
- После окончания курса латыни, что бы ты хотел делать дальше?
- Если Бог пошлет мне такую великую благодать, я бы горячо желал стать священником.
- Хорошо. Теперь я хотел бы проверить твои способности. Возьми эту книжечку (это была одна из брошюр серии Католической хрестоматии) и сегодня выучи эту страничку, а завтра расскажешь мне ее наизусть.

Дав задание, я отпустил его играть, а сам стал разговаривать с отцом. Прошло не более восьми минут, как Доминико возвратился, улыбаясь, и говорит мне:

– Если Вы мне разрешите, я могу сейчас продекламировать эту страничку. Я взял текст и с изумлением отметил, что он не только выучил заданный текст наизусть, но и прекрасно понял смысл материала.

– Браво – сказал я. – Ты поторопился выучить урок, а я потороплюсь с ответом тебе. Да, я возьму тебя в Турин, и с этого момента ты уже принадлежишь к моим дорогим ребятам. Начни теперь и ты просить Бога, чтобы Он помог мне и тебе выполнить Его святую волю.

Не зная, как лучше всего выразить свою радость, он крепко сжал мою руку, поцеловал ее много раз и наконец сказал:

– Я надеюсь, что мне удастся вести себя так, чтобы Вы никогда не имели повода жаловаться на мое поведение».

Дон Боско вынужден был признать, что дон Кульеро не преувеличивал. Если бы святой Алоиз родился среди холмов Монферрато и был сыном земледельцев, он бы ничем не отличался от улыбающегося юноши, который желал стать «прекрасным нарядом в подарок Богу».

### Таинственная надпись

В период выздоровления в Кастельнуово Джованни Кальеро необдуманно съел чересчур много винограда, у него снова началась лихорадка. Узнав об этом, дон Боско пришел его навестить.

Встретил доведенную до отчаяния мать, которая причитала:

– Мой Джованнино потерял! Он бредит, бесконечно говорит о принятии одеяния священника, а горячка его убивает!

– Нет, Тереза – сказал дон Боско. – Твой сын не бредит. Приготовь ему наряд семинариста, а в ноябре в оратории он его наденет. Горячка его не убьет. Ему предстоит еще много сделать в этом мире.

Так и случилось. 22 ноября, в день святой Цецилии, совершенно здоровый Джованни Кальеро был облачен в семинарскую сутану. Ректор архиепископской семинарии, каноник Вольотти разрешил семинаристу Кальеро посещать семинарию, а жить у дона Боско.

Тем временем, 29 октября в ораторию прибыл Доминико Савио. Вместе с отцом он вошел в кабинет дона Боско и там заметил на стене большую вывеску с таинственной надписью на латинском языке.

Когда отец уехал, превозмогая первую робость, Доминико спросил дона Боско, что означают слова, написанные на стене. Дон Боско помог ему перевести: «Господи, дай мне душу, остальное возьми». Это был девиз, который дон Боско выбрал для своей апостольской деятельности. Когда Доминико понял смысл фразы, он сначала задумался, а потом сказал: – Теперь мне ясно: здесь торгуют душами, а не деньгами! Надеюсь, что моя душа станет частью этой торговли.

Так началась его жизнь в оратории. Быть может и он носил солдатский плащ. Ежедневно под присмотром Микеле Руа ходил на занятия к профессору Бонцанино. Ученический день был довольно монотонным: задания, уроки, школа, книги, товарищи.

Дон Боско, который день за днем внимательно следил за ним, записал в дневнике:

«Со дня прибытия Доминико отличался несравненной добросовестностью в выполнении своих обязанностей».

## Цветные фонарики на берегу По

В конце ноября в оратории воцарилось особое, торжественное настроение. Началась новенна к Пречистой, а это был 1854 год. Папа Пий IX обещал 8 декабря торжественно провозгласить догмат о Непорочном Зачатии Марии. Во всем католическом мире проснулась и ожила любовь к Мадонне. Готовились великие торжества.

Дон Боско, чувствуя, что Мадонна ведет его за руку, каждый вечер говорил о Ней своим ребятам, и все переживали новенну с большим подъемом.

Беседуя с ребятами во дворе или в своем кабинете, он расспрашивал их, что они желают подарить Марии в день Ее праздника. Доминико Савио сказал: «Я хочу объявить беспощадную войну смертельному греху и буду просить Бога и Марию, чтобы позволили мне лучше умереть, чем согрешить».

Это было повторение постановления, принятого в день Первого причастия. «Лучше смерть, чем грех». Это не были его слова. Они повторялись в конце акта сожаления, который в то время зачитывался после исповеди. Многие ребята выбирали себе эту фразу, как обязательство на память о первой встрече с Иисусом в Евхаристии. Его можно даже найти среди «постановлений», предлагаемых королевой князю Губерту Сабаудскому, впоследствии ставшему королем Губертом I, который был почти ровесником Доминико Савио (Доминико родился в 1842, а Губерт в 1844 году).

Тысячи детей, однако, вскоре забывали об этих словах, зато Доминико героически осуществлял их до самой смерти.

Восьмого декабря Пий IX в присутствии многочисленной свиты кардиналов и епископов огласил догматом веры, что Мария с момента своего зачатия была свободной от «первородного греха».

В перерыве между торжествами, которые проходили в этот день в оратории, Доминико Савио входит в церковь Св. Франциска и становится на колени перед алтарем Мадонны. Из кармана он достает листок бумаги, на котором написано несколько слов. Это акт его посвящения себя Матери Божьей, короткая молитва, которая впоследствии станет известной во всем салезианском мире.

«Мария, я отдаю Тебе мое сердце. Сделай так, чтобы оно всегда принадлежало Тебе. Иисусе и Мария, будьте всегда моими друзьями. Умоляю, позвольте мне лучше умереть, чем совершить хотя бы один грех».

В этот вечер весь Турин был прекрасно иллюминирован (цветное освещение). Тысячи цветных фонариков светилось в окнах, на балконах, над берегами реки По, Люди высыпали на улицу, а огромная процессия направилась в Храм Матери Божьей Утешения. Также и ребята из Вальдокко во главе с доном Боско с пением прошли по улицам города.

## Маленький сирота из приюта Святого Доминика

1854 год, очень важный в жизни дона Боско, закончился трогательным событием. Управление города было вынуждено срочно открыть приют при церкви Св. Доминико для сотни детей, родители которых погибли от холеры. В первые зимние дни синдик Нотта обратился к католическим учреждениям с просьбой о взятии к себе некоторых сирот. Дон Боско принял двадцать ребят. Одного из них звали Пьер Эрния. Об этом он рассказывал так:

«Однажды к нам пришел дон Боско. Раньше я его никогда не видел. Он спросил мою фамилию и имя, а потом сказал:

– Хочешь пойти со мной? Мы будем добрыми друзьями.

– Да.

– А это твой братик?

– Да.

– Скажи ему, чтобы и он шел с тобой.

Через несколько дней вместе с другими ребятами нас привели в ораторию. Моя мама умерла от холеры, а отец был еще болен этой болезнью. Вспоминаю, как мать дона Боско делала сыну упреки:

– Ты постоянно принимаешь новых детей, а вот как их прокормить и одеть?

Действительно, я сам много ночей спал на куче листьев, укрытый тонким одеялом. Дон Боско и его мать каждый вечер чинили нам одежду, так как каждый из нас имел только по одной смене».

Для этих малых сирот дон Боско приготовил отдельное помещение в новом доме. Более года он обучал их: вначале сам, потом при помощи семинаристов и друзей. Жители оратории называли сирот «низеньким классом», так как все ребята там были очень маленькими.

Пьер Эрния остался с доном Боско на всю жизнь. Это он заботился о нем, как родной сын во

время его последней болезни. Он закрыл ему глаза...

Холера – кроме моря несчастья, причиненного городу, принесла оратории и некоторую пользу. Благородная помощь, которую оказывали ребята заболевшим, была отмечена и оценена жителями города. Публичная похвала со стороны синдика увеличила кредит доверия у властей. А тот удивительный факт, что никто из ребят не заболел, несмотря на постоянный контакт с этой страшной болезнью, послужил тому, что с этой поры с большим уважением и верой стали прислушиваться к «безумным» словам дона Боско.

### 30. Один день свободы

В 1855 году дошло до новых серьезных конфликтов между государством и Церковью.

Вместо Массима Д'Ацелио премьером стал Камилло Кавур. Беспокойный и очень богатый потомок аристократической семьи с энергией взялся за отсталый Пьемонт. Железная дорога была проложена на 850 км, что составляло сумму всех дорог страны. В Лигурии был введен в строй самый мощный в Италии промышленный комплекс Анзальдо, а также судоверфи в Одере и Орландо. Было начато строительство канализационной сети в Верчелли и ее окрестностях. После снятия налога на зерно стало развиваться земледельство.

В конце 1854 года, под видом экономических реформ, министр Урбано Ратацци представил правительству проект закона, «имеющий своей целью – как пишет историк Франческо Транелло – ограничение влияния Церкви».

В этом проекте предусматривалась ликвидация монашеских созерцательных общин, не занимавшихся обучением, провозглашением проповедей и уходом за больными, а также конфискация их материальных благ в пользу государства, «которое благодаря этому могло бы помочь бедным приходам».

Это оказалось явным вмешательством государства в дела Церкви – пишет Транелла – особенно опасным, так как зачеркивало основы раздела государства и Церкви. Тем временем Кавур и раньше подчеркивал, что именно эти принципы и составляют основу его политики.

Предусматривалось, что несмотря на сильное сопротивление католической оппозиции, закон будет утвержден в Сенате. Только король мог запретить его.

### «Большой траур на королевском дворе»

Однажды в морозный декабрьский день 1854 года дон Боско рассказал дону Алязонатти страшный сон. (Свидетели вспоминают, что на руках у него были старые дырявые перчатки. Он держал пачку писем. При этом присутствовали также Руа, Кальеро, Франчезия, Буцетти, Анфасси). Дону Боско снилось, что он находится посреди двора и видит приближающегося королевского лакея в красной ливрее, громко оповещающего: «Большие похороны на королевском дворе! Большие похороны на королевском дворе!»

Проснувшись, дон Боско написал королю о своем сне. Через пять дней сон повторился. Лакей в красном наряде въехал на коне во двор и крикнул: «Большие похороны – и не одни – на королевском дворе!»

На рассвете дон Боско написал второе письмо королю, предлагая ему «урегулирование дела таким образом, чтобы избежать угрозы возмездия». Дон Боско просил его также любой ценой не допускать принятия известного закона.

5 января 1855 года королева – мать Мария – Тереза тяжело заболела. Вскоре она умерла – 12 января в возрасте 54 лет. Гроб ее был перевезен в Суперджи и установлен в крипте Сабаудской семьи 16 января 1855 года.

20 января королева Мария-Аделаида, жена короля, две недели назад родившая ребенка, приняла последние таинства и в тот же день умерла. Было ей всего 33 года.

11 февраля, после двадцати дней тяжелой болезни скончался князь Фердинанд Сабаудский, правитель Генуи, брат короля, также в возрасте 33 лет.

Семинаристы оратории, знавшие о снах и письмах дона Боско, были потрясены тем, как молниеносно сбылись его предсказания. Даже во время эпидемии не случилось, чтобы на протяжении месяца пришлось три раза открывать королевскую гробницу.

Дон Франчезия утверждал, что король Виктор Эммануил II дважды посетил Вальдокко и встретился с доном Боско, на которого был очень разгневан.

Закон о конфискации монашеского имущества был принят Палатой (94 – за, а 23 – против) и Сенатом (53 за, а 42 – против) и утвержден королем 29 мая. По этому закону было распущено 334 монастыря с 5456 монахами. В Риме было брошено проклятие (которое мог снять только папа) на «авторов, сторонников и исполнителей этого закона».

17 мая умер младший, четырнадцатимесячный сын короля, Виктор Эммануил-Леопольд.

Дон Боско «святой или визионер» (в зависимости от того, кто как смотрел) точно предвидел все.

## Наедине с министром

Карикатуристы тех времен, рисуя членов правительства, представляли Кавура в образе кота, а Ратацци (министра внутренних дел) в образе могучей крысы. «Котище и крыса» – так звучали их прозвища, известные всему Турину.

Несмотря на совершенно противоположные политические взгляды, дон Боско всегда имел свободный вход к Ратацци. Министр внутренних дел уважал священника, трудившегося на благо людей, а взяв под опеку бедных ребят, освободил правительство от лишних хлопот.

В 1854 году при дороге на Ступингу была открыта новая Туринская тюрьма «Ла Генерала», которая представляла собой исправительную колонию для молодежи. В ней разместили триста человек.

Дон Боско регулярно посещал колонию и старался завязать дружеские отношения с ребятами, осужденными чаще всего за кражу или отданными на перевоспитание по поводу своего поведения.

Ребята делились на три группы. Группу «особого надзора» закрывали на ночь по камерам на ключ. Другие относились к «обыкновенному надзору», их обязывал обыкновенный тюремный режим. Третьи – составляли группу «угрожающих», которых чаще всего помещали в колонию родители, желая отделаться от воспитательских забот. Эти ребята работали в поле или в тюремных мастерских, которые вели Братья Христианских школ.

Во время Великого Поста 1855 года дон Боско организовал всем этим ребятам уроки катехизиса, а потом даже трехдневные реколекции, которые закончились исповедью (чаще всего со всей жизни).

Он был настолько покорен их доброй волей, что обещал им «нечто особое». Дон Боско обратился к директору тюрьмы с просьбой организовать ребятам экскурсию.

– Вы говорите серьезно? – спросил удивленный директор.

– Очень серьезно! – ответил дон Боско.

– А Вы знаете, что ответственность за побег буду нести я?

– Никто не сбежит. Я ручаюсь.

– Нам не о чем говорить. Если хотите, можете обратиться за разрешением к министру.

Дон Боско обратился к Ратацци и спокойно представил ему свой проект.

– Хорошо, – согласился министр. Прогулка, конечно, пойдет на пользу ребятам. Я распоряжусь, чтобы вдоль дороги был размещен переодетый отряд карабинеров.

– О, нет! – решительно запротестовал дон Боско. Единственное мое условие – чтобы ни один надзиратель не помогал нам. Вы должны дать мне в этом честное слово. Я весь риск беру на себя. Если кто-нибудь уйдет, вы меня посадите в тюрьму.

Они оба рассмеялись. Потом Ратацци серьезно сказал:

– Подумайте здраво, дон Боско, ведь без карабинеров Вы не сможете никого привести обратно. – А я утверждаю, что приведу всех. Можем поспорить!

Ратацци немного подумал, потом сказал:

– Хорошо, я согласен. Я доверяю Вам, а также доверяю карабинерам, которые в случае побега, быстро выловят беглецов.

## Господин министр удивлен

Дон Боско вернулся в колонию и объявил прогулку. Юные преступники были вне себя от радости. Когда они несколько притихли, дон Боско сказал:

– Я дал слово, что все вы, от первого до последнего, будете вести себя, как положено, не будете пытаться бежать. Министр в свою очередь тоже дал мне слово, что не вышлет с нами ни одного стража ни в мундире, ни в гражданском. А теперь вы тоже должны дать мне честное слово. Если хоть один из вас убежит, я буду скомпрометирован. Наверное, мне больше не разрешат сюда приходить.

Могу ли я доверять вам?

Ребята пошептались между собой. Потом самые старшие обещали:

– Мы Вам даем наше честное слово. Будем вести себя хорошо и вернемся все.

Следующий день выдался по-весеннему теплым. Ребята шли до Ступинги полевыми тропинками. Они прыгали, бегали, кричали от радости. Дон Боско шутил с ними, рассказывал интересные истории. Впереди группы семенил ослик, нагруженный продуктами.

В Ступинги дон Боско отслужил Св. Мессу, потом все позавтракали на траве. После этого начались игры на берегу речки Сайгоне. Нашлось время на посещение парка и королевского дворца. Потом был полдник, а к вечеру – обратный путь. Ослик бежал теперь весело, а дон Боско выглядел немного усталым. Ребята усадили его на спину ослика, и так с песнями все возвратились в город. Директор быстро посчитал их. Вернулись все.

После этого перед воротами тюрьмы наступило печальное прощание. Дон Боско с каждым попрощался лично. Вернулся домой со сжавшимся сердцем. Он освободил их только на один день!

Получив рапорт о проведении прогулки, министр очень обрадовался, как будто этот успех был его.

– Почему Вам удастся достичь таких результатов, а нам нет? – спросил он как-то дон Боско.

– Потому, что государственные власти только приказывают и наказывают. Большого они не могут сделать. Я же люблю этих ребят. Кроме того, как священник, я располагаю моральной силой, которой Вы не можете понять.

### Девять страниц о воспитании

К дону Боско неоднократно обращались с просьбой написать книгу о системе своего воспитания. Однако недостаток времени и условий для более глубокого анализа основных направлений своей системы воспитания не позволили дону Боско на разработку научного труда. В 1876 году он только смог отработать схему системы воспитания, применяемую в салезианских учреждениях. В сумме оказалось всего девять страниц. Вот некоторые отрывки из них:

«Система опирается прежде всего на разуме, религии и сердечности. Исключаются все суровые наказания, исключаются даже легкие наказания.

Директор и ассистенты являются любящими отцами: они беседуют, руководят, советуют и сердечным способом исправляют.

Воспитанник, которого не унижают, становится другом ассистента. Он видит в нем своего благодателя, желающего сделать своего воспитанника лучшим, избавить от неприятностей, наказаний, позора. Когда воспитатель покорит его сердце, может продолжать контакт с ним и в будущем, может оставаться его советчиком во взрослой жизни и помогать ему.

Осуществление этой системы основано на словах Св. Павла, который говорил: «Любовь терпеливая и ласковая. Она все стерпит, всему верит, на все уповает, все выдержит». Поэтому только христианин может применять предупредительную (профилактическую, исключаящую наказание) систему с полной эффективностью. Разум и религия – являются теми инструментами, которыми должен пользоваться постоянно воспитатель.

Директор должен целиком посвятить себя своим воспитанникам, Он должен проводить с ними все их свободное время».

### 31. Две разлуки

В первое воскресенье апреля 1855 года дон Боско прочитал своим ребятам проповедь на тему святости. Некоторые из них морщили носы. Зато Доминико Савио слушал очень внимательно. По мере того, как дон Боско своим теплым и убедительным тоном развивал тему, Доминико казалось, что проповедь посвящена только ему одному. Если бы достичь таких вершин святости, как Алоиз Гонзага, как великий миссионер Франциск Ксаверии, как мученики Церкви!

С этого момента Доминик стал мечтать о святости.

24 июня, день именин дон Боско, оратория, как и ежегодно отмечала очень торжественно. Желая отплатить ребятам взаимностью за их любовь и добрую волю, дон Боско сказал:

– Пусть каждый из вас напишет на листке бумаги, какой подарок хотел бы от меня получить. Я уверяю, что сделаю все, что смогу, чтобы удовлетворить вас.

## «Прошу помочь мне стать святым»

Когда дон Боско внимательно изучил все листочки с пожеланиями, он нашел среди них просьбы серьезные и умные, а также чудачные и смешные. Кто-то из ребят, например, просил приобрести сто килограммов сладостей, «чтобы хватило на год!»

На листочке Доминико Савио он нашел пять слов: «Прошу помочь мне стать святым». Дон Боско серьезно воспринял эти слова. Он позвал Доминико и сказал ему:

– Я хочу подарить тебе рецепт святости. Он звучит так:

Во-первых: радость. То, что тревожит и отнимает душевное спокойствие, не от Бога приходит.

Во-вторых: обязанности, связанные с учебой и набожностью. Внимание в школе, усердность в учебе и молитве. Все делай во имя любви к Богу, а не из честолюбия.

В-третьих: делай добро другим. Всегда помогай своим товарищам, даже если это будет стоить большого труда.

Святость как раз к этому и сводится. Доминико серьезно взялся за работу. В книжечке, озаглавленной «Жизнь Доминико Савио», которую написал дон Боско после его смерти, помещено много эпизодов из жизни этого юноши в оратории, простых и трогательных. Вот один из них.

Однажды кто-то принес в ораторию газету с неприличными иллюстрациями. Несколько ребят сразу же окружили его и стали разглядывать картинки, значительно улыбаясь. Подошел к ним и Доминико. Он взял из рук товарища газету и порвал ее. На выраженный протест, Доминико поднял голос:

– Хорошие вещи ты приносишь в ораторию! – сказал он. Дон Боско трудится целый день, чтобы воспитать из нас честных граждан и хороших христиан, а ты приносишь такие картинки!. Они оскорбляют Господа Бога, поэтому для них вход сюда воспрещен!

Подошли и мгновенно пролетели школьные каникулы. Когда в октябре 1855 года ребята вернулись в ораторию, дон Боско был обеспокоен видом Доминико Савио.

– Ты плохо отдохнул во время летних каникул?

– спросил он его.

– Отдохнул, дон Боско, хорошо. Почему Вы меня об этом спрашиваете?

– Ты выглядишь бледнее, чем обычно, что с тобой?

– Может быть, я устал в дороге, – сказал Доминико и улыбнулся.

Но это была не усталость. Запавшиеся блестящие глаза, бледное, исхудалое лицо говорили о том, что Доминико болен. Дон Боско решил им заняться повнимательней.

– В этом году не пойдешь в городскую школу, – сказал он Доминико. Дожди и снег могут ухудшить твоё здоровье. Будешь учиться здесь, дома, в классе у донна Франчезиа. Утром сможешь дольше поспать и отдохнуть. Не перегружай себя учебой, так как здоровье – дар Бога и его нельзя губить.

Доминико послушал. Через несколько дней, как бы предчувствуя что-то важное, сказал дону Боско:

– Помогите мне, пожалуйста, быстрее стать святым!

## Братство Непорочной

Доминико сердечно подружился с Микеле Руа и Джованни Кальеро, хотя они были старше его на 4–5 лет. К его друзьям принадлежали также лучшие ребята оратории: Бонджованни, Дурандо, Черрути, Кавио, Массалья.

В начале 1856 года в интернате оратории проживало 153 юношей: 63 студента и 90 ремесленников.

Весной этого же года Доминико решил основать тайное «братство» среди лучших ребят. Он хотел, чтобы это братство было группой малых апостолов, работающих среди других ребят. Поговорил об этом со своими друзьями. Идея понравилась. Решили назвать группу «Братство Непорочной». Дон Боско только предупредил ребят, чтобы не очень спешили.

Он посоветовал сначала испытать идею, придумать маленький устав, а потом серьезно взяться за дело.

Ребята попробовали. На первом собрании решили, кому можно вступить в члены «Братства»: немногим доверенным ребятам, на которых можно было положиться. Спорили насчет кандидатуры Франчезия, молодого учителя, очень честного, который дружил со всеми. Однако решили не посвящать его в тайну, так как он очень любил поговорить, и сохранить тайну было бы ему трудно.

Собравшиеся обязали троих ребят выработать устав. В эту тройку вошли: Микеле Руа (19 лет), Джузеппе Бонджиованни (18 лет) и Доминико Савио (14 лет). Дон Боско подтверждает, что устав был написан Доминико, другие его только дополнили. Малый устав состоял из 21 пункта. Члены братства обязывались под опекой Божьей Матери и с помощью Иисуса в Евхаристии стремиться к совершенству. Обязывались также помогать дону Боско быть малыми апостолами среди своих товарищей, поступать обдуманно и деликатно. Обязывались распространять вокруг себя радость и сердечность.

В 21 пункте было выражено духовное содержание братства: «искреннее, сыновье, безграничное доверие к Марии, особая к Ней нежность, постоянное преклонение помогут нам преодолеть все препятствия, научат нас быть стойкими в своих постановлениях, требовательными к себе, любви к ближнему и совершенства во всем».

Братство начало свою деятельность 8 декабря 1856 года перед алтарем Матери Божьей в церкви Св. Франциска. Каждый из членов обещал, что будет стараться верно выполнять свои обязанности. В этот день Доминик о осуществил свое дело. Ему оставалось всего девять месяцев жизни, а его «Братство Непорочной» просуществовало 100 лет (вплоть до 1967 года). Во всех салезианских домах и ораториях члены братства всегда составляли группу самых усердных ребят, из которых в будущем многие становились священниками.

Ребята, принадлежащие к братству, подбирали себе друзей, которые на тайном языке именовались «клиентами». Обычно это были недисциплинированные, грубые, охотные к драке ребята. Каждый член опекал одного такого «клиента», становился его «ангелом-хранителем» до той поры, пока «клиент» не выходил на праведный путь.

Другую группу «клиентов» составляли вновь прибывшие. Им помогали в первые дни после прибытия в ораторию, когда те еще никого не знали, не могли сами заняться игрой, разговаривали на родном диалекте и грустили по прежнему окружению.

### Смерть мамы Маргариты

15 ноября 1856 года мама Маргарита заболела воспалением легких. Оно оказалось смертельным для 68-летней женщины, истощенной изнурительным трудом.

На какое-то время жизнь в оратории замерла. Как можно дальше существовать без нее? Вокруг ее кровати дежурили семинаристы интерната и старшие ребята. Сколько раз они вбегали в кухню к ней с вопросами:

- Мама, а мне будет сегодня яблочко?
- Мама, а суп уже сварился?
- Мама, у меня нет носового платочка...

Героизм этой медленно угасающей женщины состоял в том, что она кропотливо чинила порванную одежду, косила сено и рожь, стирала и готовила пищу. Однако в этом скромном труде скрывалась неиссякаемая сила и упование на Божье Провидение. Во время чистки картошки и приготовления мамалыги Она учила ребят вере, практическому подходу к жизни и доброте.

Именно от нее перенял дон Боско основы воспитания. Это он первым был воспитан умно, نابожно и с любовью. Салезианское Общество было выпестовано руками мамы Маргариты. А теперь эта добрая Мама угасала, словно свеча.

Из Бекки пришел Джузеппе со старшими внуками. Дон Борель, ее постоянный исповедальник со времен прибытия в Турин, принес Святое Причастие. Маргарита, собравшись с последними силами, обратилась к своему Джованнини:

– Будь внимателен, так как многие вместо славы Божьей ищут себе выгоду. У тебя тоже есть такие, которые любят, чтобы было убого у других, но не у них. То, что требуется от других, надо сначала выполнять самому.

Она не хотела, чтобы Джованни видел ее страдание. До последней минуты думала о других.

Иди уже, Джованни – говорила она сыну. Ты очень страдаешь, глядя на меня. Помни, что наша жизнь заключается в страдании. Настоящее счастье ожидает нас в вечной жизни. Теперь уже иди, я прошу тебя об этом... Молись за меня. Прощай...

Около умирающей старой матери остался сын Джузеппе и дон Алязонатти.

Маргарита уснула вечным сном в три часа утра 25 ноября. Джузеппе пришел в комнату дона Боско. Плача, они бросились друг другу в объятия.

Через два часа дон Боско пригласил Джузеппе Буцетти, верного друга в минутах страдания. Перед ним он не стеснялся своих слез. Потом он отслужил Св. Мессу в подземной часовне храма

Матери Божьей Утешения. После Мессы оба стали на колени перед иконой Марии. Дон Боско прошептал: «Теперь у меня и моих сыновей нет земной матери. Ты будь с нами, стань нам Матерью».

Спустя несколько дней Микеле Руа навестил свою мать, Иоанну-Марию.

– С тех пор, как умерла Мама Маргарита – сказал он, мы не можем сами справиться. Некому сварить обед, заштопать носки. Мама, может ты приедешь к нам?

56-летняя Иоанна-Мария Руа приехала вместе с сыном в ораторию. Она стала второй «мамой», оставаясь на этом посту 20 лет.

### Юноша, общающийся с Богом

Наступил декабрь, улицы Турина покрылись первым снегом. Ночь. На улицах горят фонари. Дон Боско, как всегда, сидит, склонившись над столом, на котором лежит пачка писем, ожидающих ответа. Он пишет до полуночи. Вдруг послышался тихий стук в дверь.

– Кто там? Пожалуйста, войдите.

– Это я, – говорит, спешно входя Доминико Савио. Пожалуйста, дон Боско, пойдемте со мной, надо сделать доброе дело.

– Прямо теперь, ночью? Куда ты меня хочешь вести, – спрашивает дон Боско.

– Поспешите, пожалуйста, быстро, быстро!

Дон Боско колеблется. Но, взглянув на Доминико, видит, что его лицо, обычно спокойное, теперь выглядит очень серьезно. Его слова звучат как приказ. Дон Боско встает, надевает шляпу и идет за Доминико.

Мальчик быстро бежит по лестнице вниз, пересекает двор и выходит на улицу, ведущую в город. Сворачивает раз и другой в сторону, ничего не говоря и не задерживаясь. Уверенно чувствует себя в лабиринте улиц и улочек. Входит по лестнице в какой-то дом, дон Боско следует за ним. Первый, второй, третий этаж. Наконец нужная дверь. Доминико останавливается перед ней и стучит. Пока кто-нибудь откроет, он говорит дону Боско:

– Вы должны сюда войти.

А сам возвращается домой. Дверь открывает какая-то женщина. Увидев дону Боско, она говорит:

– Это Бог послал мне Вас. Пожалуйста, быстрее, а то не успеете. Мой муж много лет назад потерял веру. Теперь он умирает и хочет исповедоваться.

Дон Боско подходит к кровати больного. Умиравший охвачен ужасом и близок к отчаянию. Священник исповедует его и отпускает грехи. Через несколько минут больной умирает.

Проходит несколько дней, дон Боско находится под впечатлением этого случая. Как Доминико узнал о больном? Улучив момент, когда никого нет поблизости, священник подходит к мальчику и спрашивает:

– Доминико, кто тебе сказал об умирающем человеке в тот вечер, когда ты пришел за мной? Откуда ты о нем узнал?

И тогда случилось то, чего дон Боско никак не ожидал: юноша посмотрел на священника печальными глазами и заплакал. У дону Боско не хватило смелости расспрашивать дальше. Он понял, что в оратории находится юноша, который общается с Богом.

### «Из неба я смогу увидеть своих друзей?»

Февраль 1857 года в Турине был очень холодным. Доминико Савио с каждым днем становился все бледнее. Его мучил кашель, силы иссякали с каждым днем. Обеспокоенный дон Боско пригласил известных врачей. Профессор Валляури, после тщательного осмотра юноши, сказал:

– Нежное телосложение и постоянное внутреннее напряжение подкашивают ему жизнь.

– Что можно для него сделать? – спрашивает дон Боско.

Валляури бессильно разводит руками. В то время не было лекарства при таких болезнях.

– Отошлите его в деревню к родителям и пусть он на некоторое время оставит учебу – посоветовал профессор.

Узнав о таком решении, Доминико с болью согласился. Ему очень жаль оставлять учебу, друзей, и, особенно, дону Боско.

– Почему ты не хочешь немного побыть у родителей?

– Я бы хотел здесь в оратории закончить мою жизнь...

– Не говори так. Ты поедешь домой, поправишься и вернешься.

– К сожалению, нет – улыбнулся печально Доминико. Домой я поеду, но сюда уже больше не вернусь. Дон Боско, это уже наш последний разговор. Пожалуйста, скажите мне, что я еще могу сделать для Бога?

– Посвящай ему часто свои страдания.

– А кроме этого, что?

– Посвяти Ему также свою жизнь.

– Скажите, пожалуйста, а с неба я смогу увидеть моих друзей из оратории, моих родителей?

– Да, – прошептал дон Боско, стараясь сдержать слезы.

– А смогу ли я прийти их навестить?

– Если Бог позволит, ты сможешь это сделать.

Первого марта, в воскресенье, Доминико сердечно простился с друзьями из «братства». Потом приехала повозка отца, которой он должен был возвратиться домой. На повороте дороги он еще раз помахал рукой, прощаясь с ораторией, друзьями, со «своим» доном Боско, который с огромной болью проводил глазами удаляющуюся повозку. Уехал его самый лучший ученик, маленький святой, которого Мадонна подарила оратории на 3 года.

Умер Доминико почти внезапно, 9 марта 1857 года при присутствии отца, прошептав слабым голосом:

– Прощай, папочка... священник говорил мне... но я не помню. Какую красоту я вижу...

Пий XII причислил его к лику Святых 12 июня 1954 года. Он стал первым пятнадцатилетним святым.

## 32. Дело ширится

Биографию дона Боско можно было бы продолжать еще на сотнях страниц. Но здесь их уже осталось немного. Поэтому коротко будут рассмотрены последние тридцать лет его жизни.

Март 1857 года глубоко опечалил его смертью Доминико Савио. Но раньше, в 1855 году, тоже март принес ему большую радость.

### Они желали стать такими, как он

25 марта 1855 года, в праздник Благовещения, в убогой комнате дона Боско состоялась важная церемония, хотя и без торжественного оформления. Священник стоя слушал, а Микеле Руа на коленях перед крестом обещал: «Клянусь перед Богом соблюдать послушание, целомудрие и нестяжание и отдаюсь в твои руки, Дон Боско».

При этом обете не было ни единого свидетеля, но как раз в этот момент родилась Салезианская Конгрегация (Салезианское Общество). Дон Боско был его основателем, а Микеле Руа первым салезианцем.

Спустя несколько месяцев принял присягу и стал салезианцем дон Алясонатти. В 1856 году к ним присоединился Джованни Батиста Франчезия, потом Кальеро, Провера, Киравелло, Лаццери и Бонетти.

Это были те самые убогие ребята, которых дон Боско принял когда-то в свой дом и вырастил, окружил своей любовью. Они хотели стать «такими как он», хотели трудиться для Бога и бедных ребят.

Одетые в семинаристские сутаны, они продолжали учиться и сдавать трудные экзамены. Одновременно дон Боско поручил им преподавать катехизис, заботу о ребятах в столовой и мастерских, а также обучение сирот.

### Когда замерзла вода

По воскресеньям дон Боско направлял их в оратории.

1855 году оратория имени Ангела Хранителя вдруг оказалась без директора. Дон Боско назначил директором 17 – летнего Микеле Руа. В этой оратории собрались прежде всего трубочисты. Осенью ребята приходили сюда из Валле д'Аоста с веревками и метелками. Они ходили по улицам и предлагали почистить печные трубы. Все жители старались это сделать до наступления морозов, чтобы прочищенные печи хорошо обогревали помещения.

Это были маленькие ребята, потому что каналы, по которым они должны были пробираться к

дымоходам, были очень узкие. Их лица и руки были постоянно перепачканы сажей.

Рано утром в воскресенье Микеле Руа появлялся в оратории и наводил порядок. Когда приходили первые ребята, он направлял их к исповедальне, к священнику, служившему потом Св. Мессу. К девяти часам в оратории собиралось около сотни ребят. На протяжении дня Микеле «был среди них доном Боско». Он заводил игры, беседовал с ребятами, выслушивал их хлопоты, проводил уроки катехизиса. Вечером, когда на улицах зажигались неоновые лампы, ребята возвращались домой. Некоторые провожали Микеле до самого Вальдокко. «До воскресенья, Микеле!» – кричали они ему на прощание. Руа возвращался домой совсем измотанным. В кухне на печке его ожидал ужин, оставленный ему, а также Кальеро и Франчезиа, которые – тоже до крайности утомленные – возвращались из других ораторий. Потом все забирались на чердак, где стояли их кровати. Микеле засыпал мгновенно. И не только он: однажды в понедельник Кальеро проснулся под утро и увидел себя на кресле с носками в руках. Он попросту не успел дойти до кровати и уснул в кресле. Будильник звонил очень рано: в четыре утра! Джованни Кальеро вспоминал: «Зима в Турине – это не пустяк. На нашем чердаке не было печки и воды. Чтобы утром умыться, мы приносили лоханки с водой, а утром часто находили в них лед. Открыв форточку, мы набирали на крыше снега и энергично растирали себе руки, лицо и шею. Через несколько минут от нас шел „пар“. Тогда мы закутывались в одеяла и начинали учить уроки: Руа учил древнееврейский язык, Франчезиа зубрил латынь, а я сочинял музыкальные упражнения».

В ноябре 1855 года начала свою деятельность «внутренняя гимназия». Кроме основных своих занятий, Франчезиа начал преподавать литературу, Руа – математику, а Кальеро – музыку.

Возникает вопрос, правильно ли поступал дон Боско, разрешая своим молодым помощникам доводить себя до изнеможения учебой и работой? Дальнейшая жизнь этих людей наиболее полно отвечает на этот вопрос. Джованни Кальеро умер в возрасте 88 лет; Микеле Руа, первый преемник дона Боско в руководстве Салезианским Обществом, прожил 73 года, а Джованни Франчезиа, классик и филолог с европейской славой, прожил 92 года. Дон Боско «знал», что работа, даже самая трудная, но сломит этих людей.

## Великие дела

По мере роста первой группы салезианцев, дон Боско понял, что пришло время великих свершений.

Последующие годы стали годами интенсивного труда, решения все более сложных проблем, создания дел, которые являлись вызовом, брошенным текущему времени.

30 июля 1860 года отслужил свою первую Св. Мессу дон Микеле Руа. Когда-то дон Боско встретил около Мельницы над Дорой бледного мальчика и предложил ему «половину своей руки». Микеле Руа стал первым преемником дона Боско, был всегда его верной тенью.

Год 1863. Рождается первое салезианское дело за пределами Турина. Это была Малая семинария в Мирабелло Монферрато. Потом возникают колледжи в Ланцо, Аллясио, Сампердарене, Варацце, Вальсаличе. В момент смерти дона Боско существовали уже 64 салезианские дома в шести странах и работали 768 салезианцев.

В апреле 1864 года дон Боско закладывает краеугольный камень под Храм Матери Божьей Заступницы. Строителям на руки он выдает первую сумму денег: восемь сольдо (менее 0,5 лиры!).

В 1872 году дон Боско основывает Конгрегацию Дочерей Марии Заступницы. Обращаясь к первым сетрам; он говорит:

«Вы являетесь убогими сестрами и мало вас теперь, но в будущем у вас будет столько учениц, что трудно станет их всех разместить».

11 ноября 1875 года в Храме Марии Заступницы, заполненном до отказа взволнованными людьми, дон Боско вручает миссионерские кресты первым десяти салезианцам, отправляющимся в Южную Америку. Они едут туда под руководством дона Джованни Кальеро, того самого жизнерадостного юноши, который по утрам бегал посмотреть на цирковые палатки и клоунов.

Рождаются салезианские миссии, которые постепенно распространяются по всему миру.

В этом же году дон Боско организует отряды помощников, которых называет «внешними салезианцами». Это были сторонники его дел, которые помогали ему материально и работали на благо молодежи. Перед смертью дон Боско сказал им: «Без Вашей поддержки я бы ничего не мог сделать, или сделал бы очень мало. Благодаря вашей самоотверженности мы осушили много слез и спасли много душ».

Год 1877. Чтобы поддержать постоянный контакт со своими сотрудниками (а их уже в то время

насчитывались сотни тысяч), дон Боско основал журнал «Салезианский бюллетень». Этот иллюстрированный ежемесячник помещал вести из Конгрегации, письма миссионеров, работающих где-то на краю земли, и слова дон Боско. На протяжении последующих лет «Бюллетень» стал очень популярным.

7 декабря 1884 года в Базилике Марии Заступницы Джованни Кальеро получил сан епископа. Дон Боско пережил счастливый день. Давний сон о голубке и оливковой веточке стал явью. Слова, сказанные умирающему ребенку: «Ты будешь содействовать тому, чтобы многие взяли breviарий в руки... Поедешь очень далеко» – не были иллюзией. Они теперь становились действительностью.

Однако по мере распространения салезианского дела по всему миру, нужны были и соответствующие капиталы. Для содержания миссии в Америке, для того, чтобы прокормить тысячи брошенных ребят, дон Боско вынужден был в последние годы своей жизни путешествовать по Италии, Франции, Испании в поисках капитала. Огромные это были усилия. Мать Божья, однако, зримо благословила этим усилиям: руки дон Боско возвращали зрение слепым, слух глухим, здоровье больным. Во всей Европе он уже был известен как «священник, который творит чудеса».

### Дон Боско плачет

Май 1887 года. Дон Боско закончил последнюю поездку по Испании с целью поиска капиталов. На сей раз она была предпринята по поручению папы, который обязал его окончить строительство Храма Святейшего Сердца Иисуса в Риме.

Согнутый под бременем лет и утомленный изнурительным трудом, входит он по ступеням алтаря величественного храма, чтобы отслужить Св. Мессу. Во время освящения, ассистирующие замечают, что дон Боско начинает плакать. Рыдания, которые он не может сдержать, сотрясают его до конца Св. Мессы. После этого дон Боско почти на руках относят в ризницу. Обеспокоенный дон Вильетти спрашивает:

– Что случилось, дон Боско? Вам плохо?

Он отрицательно качает головой и говорит:

– Перед моими глазами возникла картина моего первого сна, когда мне было девять лет. Я увидел свою мать и братьев, услышал их разговор о том, что мне приснилось.

В том сне, много лет назад, Мать Божья сказала ему: «Когда-нибудь ты все поймешь». Именно теперь, оглядываясь на свою жизнь, дон Боско понял все. Стоило принести столько жертв, приложить столько труда для спасения бесчисленного множества ребят.

Дон Боско умер на рассвете 31 января 1888 года. Салезианцам, окружившим в последнюю минуту его ложе, он прошептал: «Будем делать всем добро, никому не будем причинять зла... Скажите моим ребятам, что я их всех ожидаю в небе!»

### Послесловие

Дорогой читатель! Вот Вы только что закончили чтение книги, целью которой было приблизить Вам чрезвычайно богатую личность необычного человека, каким в XIX веке был Дон Джованни Боско: талантливый воспитатель молодежи, готовый ради нее на любые жертвы, одаренный религиозный писатель, неутомимый апостол, святой харизматик, создатель Салезианского семейства – основатель Салезианского Братства и Дочерей Марии Заступницы и Общества Салезианских помощников.

Его идея выполнения святейшего из Божьих поручений – воспитания молодежи в христианском духе нашла широкое общественное признание во всем мире. Божье вдохновение, с каким он действовал, достоинства его личности и понимание дела, которому он себя посвятил, способствовали быстрому снисканию большого количества единомышленников и сотрудников. Сейчас его салезианцы есть во всем мире – благодаря школам, ораториям и пастырской работе в приходах, на кафедрах вузов и в сложных условиях миссионерства, с привлечением средств массовой информации и с помощью светских людей, организуют огромную работу для развития царства небесного, особенно в душах молодежи.

Великие Божьи дела не ограничиваются и не исчерпываются рамками одной человеческой жизни – пусть даже жизни человека гениального. Об этом убедительно свидетельствует дело, начатое героем этой книги. Он создал много заведений для салезианцев и Дочерей Марии Заступницы в разных странах Западной Европы и Америки, но своим воспитательным влиянием хотел охватить

также Центральную и Восточную Европу. В последние годы его жизни с ним уже сотрудничала группа поляков во главе с князем Августом Чарторыйжским. Однако только после смерти своего Основателя – Братство, руководимое его наследником – доном Миккеле Руа, могло начать осуществление этих намерений. Было создано первое салезианское заведение в городе Освенцим, тогда входившем еще в состав Австрии.

Первая мировая война, в результате которой фронт был передвинут на восток, открыла салезианцам путь в этом направлении. Братство смогло открыть свои отделения в городах Кельне, Варшава, Ружанысток, а затем в Вильнюсе и его окрестностях. Сведения об интересующем нас вопросе относительно распространения салезианского дела на восточных землях взяты из работы священника Анджея Свида («Исторический очерк Салезианского общества»).

В Вильнюсе под руководством священника Каро ля Любянеца оставались два заведения – Общества: одно из них имело название «Умеренность и Труд» и располагалось на ул. Стефанской, второе «Дом Сердца Иисуса» – на ул. Доброй Рады. С разрешения архиепископа Й. Матулевича и обоих обществ священник Любянец передал их салезианцам, с тем что в доме на ул. Стефанской жили бы девочки под опекой ДМЗ, на улице же Додрой рады действовало бы отделение для мальчиков под опекой салезианцев. 15 августа 1924 года состоялась передача нового отделения.

Младшие мальчики обучались в начальной школе, ребята постарше имели возможность освоить профессию столяра на месте. Когда костел св. Стефана по распоряжению архиепископа был предназначен для литовцев, сестры салезианки стали пользоваться часовней на ул. Доброй рады. 17 июля 1928 года после ухода епископа Матулевича, его наследник архиепископ Й. Яблжиковский передал салезианцам управление и заботу о костеле. Это создавало большие возможности деятельности для салезианцев (оратория, опека над девочками при помощи ДМЗ, общежитие для студентов).

Во время второй мировой войны Виленщина была включена в состав Литовской республики. Хотя профучилище продолжало работать, ее директором стал уже салезианец – литовец.

В 1927 году салезианцы получили в свое распоряжение отделение в местности Двожец в Белоруси, с 1921 года находящейся в администрации священника Л. Гостылло. Местное благотворительное дело было задумано с мыслью о возвращенцах из России – ему покровительствовала княжна Мария Радзивилл, которой и принадлежал Двожец. Здесь было открыто общежитие для ребят и столярная школа.

Филиалом вильнюсского дома должен был стать пастырский дом в Кургане, усадьбе господ Журавских, недалеко от Лиды. По случаю канонизации Дона Боско там был построен небольшой деревянный костел его имени (1935). Его настоятель (с 1941 г.) священник Й. Буяр был арестован гитлеровцами и умер в лидском концлагере в 1943 г.

В глубокой провинции находился объект, подаренный графом Юндзилло-Балинским в местности Регинов. Здесь была открыта небольшая семинария, в которой в 1937/38 уч. году обучалось 130 мальчиков.

Недолго просуществовала оратория в Каменном мосту (Звиняны), в состав которой входило много гектаров малоурожайной земли. В 1937 году имение было передано салезианцам, которые собирались открыть там сельскохозяйственную школу.

Совершенно так же, как на литовской и белорусской землях, развивалось салезианское дело на юге – достаточно упомянуть здесь важнейшее, пожалуй, отделение во Львове с костелом на Лычакове и отделение Абрамовичей. Война и происшедшие в ее результате политические изменения привели к тому, что стало невозможным сохранить существующие отделения и продолжать те начинания, которые обещали столько надежд на будущее.

Сейчас, после почти пятидесятилетнего отсутствия, Дон Боско возвращается на эту территорию, чтобы увлечь за собой новые, уже современные поколения молодежи. Предполагалось, что они будут расти в полнейшей изоляции от религии, без отнесений к Богу и Его святости. История еще раз доказала, что нельзя стереть Его имя в прошлом ни заменить его чем-либо в настоящее время.

Поэтому, с полным признанием приветствуя издание настоящей книги, мы надеемся, что хоть в какой-то мере она будет способствовать присутствию Дона Боско и его дела и этим укрепит потребность в разговоре с Богом, потребность в котором никогда не затухает в человеческой душе.

*Священник Здислав Ведер*